9(5)
45

Китай.
Политико-экономические очерки
Чита, 1923

45

КИКРиМП-I+II/4

Кн. 336.

К. ИКРМП (Чита)-I

+ К. Кн. о народах Азии (Китай)

910 1944 1941 г. 9(51) К45

С. С. С. Р. С-22

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПРОВЕРКА 1935 ГОДА
БИБЛИОТЕКА
ОТДЕЛ 919
ШИФР С-22
ИНВ. № 390
Инв. № 1013

КИТАЙ.

Политико-экономические и географические очерки.

КЛУБ ПЛС
1950
3 р.
Читинская Окружная Центральная Библиотека-Коллектор
Отд. 908 Шифр К45
Инв. № 78 39935
ПРОВЕРКА 1938 ГОДА
1996 2002 г. 2007
1955

Чита.

1923 г.

ИЗДАНИЕ
Политуправления 5-й отд.
Краснознаменной армии.

Отпечатано в Типографии 5-й Краснознаменной армии, улица Калинина, в количестве 3000 экз.
Обложка худ. Кабанова. Рисунки худ. Ендржиевского.
Г. Чита. Дальлит № 12.

1699

Глава первая.

Географические сведения о Китае.

§ 1. Место Китая на земном шаре.

§ 2. Три района внутреннего Китая.

§ 3. Западный и Восточный Китай.

§ 4. Растения, животные, люди.

§ 5. Пути сообщения.

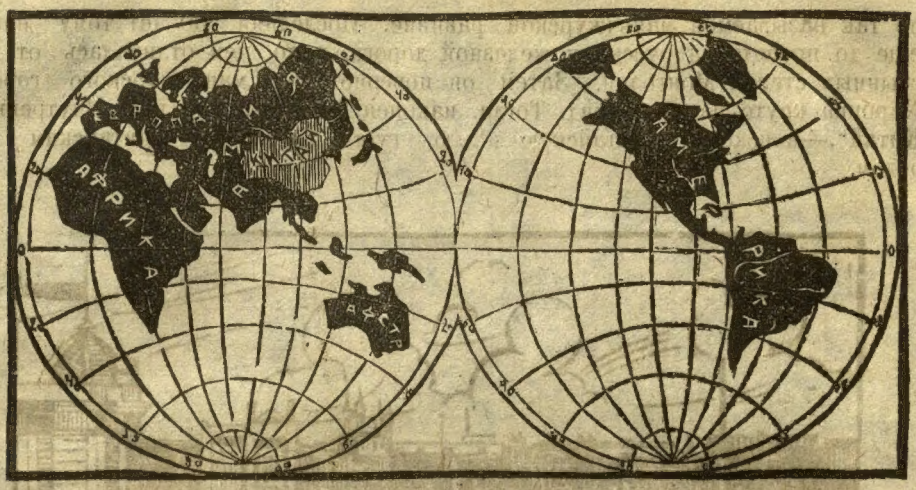
Краткое содержание главы I.

Внутренний Китай отгорожен от остальной Азии труднопроходимыми горами и пустынями. 3 больших реки и природные условия делят его на Северный, Центральный и Южный. Вся жизнь народа подтверждает это деление.

Четвертая часть всего человеческого рода населяет плодородные равнины внутреннего Китая. Сельское хозяйство составляет главное занятие подавляющего большинства населения. Пути сообщения в Китае очень плохи. Только естественные водные пути несколько облегчают передвижение. Очень простое внутреннее строение китайского сельского хозяйства позволяло мириться с плохими сообщениями.

Глава первая.

Географические сведения о Китае.



Географические сведения о Китае.

§ 1) Место Китая на земном шаре.

Из Европейской России едут в Китай на Сибирь. Перевалив Урал, можно держать затем путь на Юговосток, либо на Восток.

Если выйти из поезда на любой станции сибирской железной дороги, двинуться на Юговосток, то путь выведет непременно на китайскую границу. Тысячи верст тянется эта граница с запада на восток, окаймляя Сибирь с юга. Все дороги и тропы ведут из Сибири на юг к Китаю, верховья любой большой сибирской реки (Обь, Енисей) теряются за китайской границей.

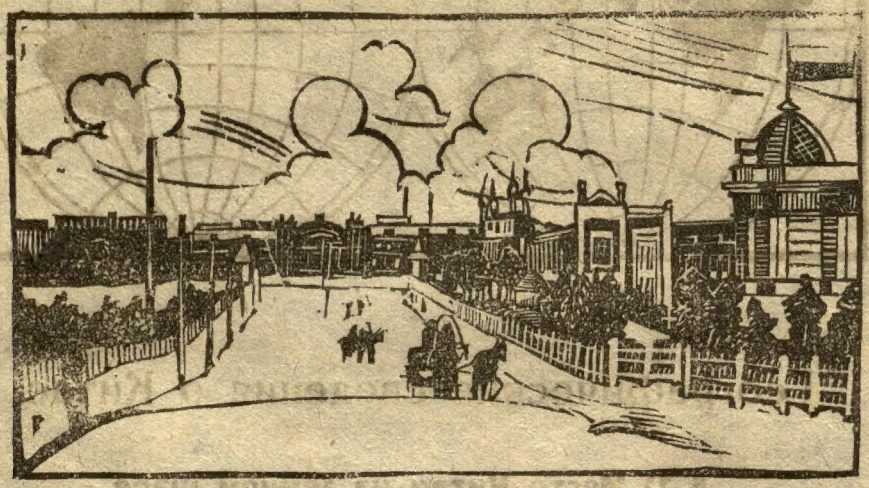
Путник не найдет нигде почти пограничного столба, отмечающего начало чужой земли. Не скоро, пожалуй, встретит и китайца. Кое-где разбросанно живут китайцы, не в большем, а даже в меньшем числе, чем в любом сибирском городе по линии. Путник не услышит и самого слова „Китай“. Ему скажут, что „отсюда вот пошли Монголия, Синьцзян (Китайский Туркестан). До „самого Китая“, скажут, еще далеко.

Русская земля кончилась, началась китайская земля, состоящая под властью Китая, но до „Внутреннего Китая“ надо пробираться еще тысячи верст, через бесконечные степи и пустыни Монголии и Китайского Туркестана, редко населенные монгольскими, татарскими племенами, а также малой горсточкой китайцев.

Мало кто едет из России в Китай этими-то южными дорогами и тропами, пустынными, дикими, трудно-проходимыми. Русский путешественник предпочитает проделать тысячи верст, отделяющие нас от Внутреннего Китая, сидя в вагоне сибирской железной дороги.

Через неделю поезд домчит его до Маньчжурской границы, 900 верст от Читы (станция Маньчжурия). Путешественник проедет еще сотни верст

по так называемой маньчжурской равнине. Последняя 30 лет тому назад еще до проведения русскими железной дороги, мало чем отличалась от пустынных степей Монголии. Затем он повернет от маньчжурского города Харбина круто на юго-запад. Тогда, наконец, он попадает во „Внутренний Китай",—в исконную китайскую землю, густо населенную китайским народом.



г. Харбин.

„Внутренний Китай", таким образом, отделен от людных мест России и Сибири огромными пространствами Монголии, Маньчжурии и Китайского Туркестана. Монголия находится под властью Китая, Маньчжурия и Китайский Туркестан (Синьцзян) тоже.

С юга Азии, из людной Индии (принадлежащей англичанам), также не скоро попадешь во „Внутренний Китай". И там придется тысячи верст пробираться через высокие горы и плоскогорья Тибета.

С западного конца Азии, из Персии, с Кавказа из Малой Азии, достигнуть Внутреннего Китая то же трудная, или еще более трудная, задача. С этой, западной, стороны Внутренний Китай отделен от остальной Азии и вообще от остального мира громадным протяжением пустынных степей и непроходимых горных хребтов, Синьдзяка, Тибета и Кукунора.

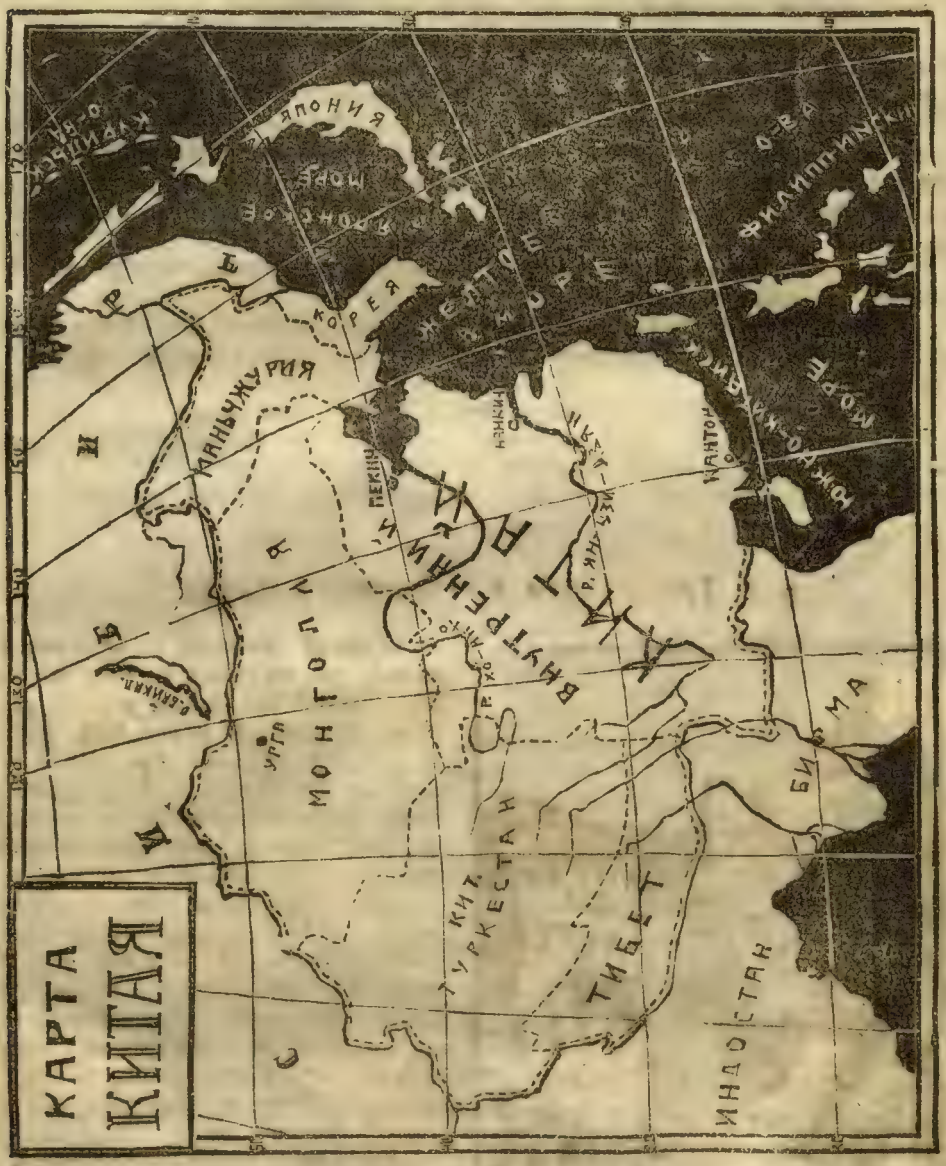
Внешняя граница Китая, отделяющая его от других государств, имеет общее протяжение свыше 16.000 верст.

Наибольшее протяжение имеет Китай с запада на восток, примерно в 4.000 верст.

Внутренний Китай расположен в Азии. Но от всех народов, населяющих север (Сибирь), а также юг и запад Азии, Внутренний Китай отмежеван Монголией, Китайским Туркестаном, Тибетом, Куку-нором, Маньчжурией. Все перечисленные только что страны, полудикие, малолюдные, принадлежат Китаю, входя в состав китайского государства.

Они все отделяют густо-населенный **Внутренний Китай** от других густо-населенных окраин Азии, образуя, как это принято сейчас говорить, нечто вроде **„буферов"** между Китаем и остальной Азией. Лет шестьдесят примерно тому назад Китаю принадлежали также Корея и нынешний рус-

ский Амур. В то время **Внутренний Китай** был целиком прикрыт буферами с севера, запада, юга.



С востока же и юго-востока Китай окружен морем. Опять-таки надо ехать морем недели и месяцы, чтобы попасть из Китая в какую-нибудь людную страну. **Одни лишь острова Японии подошли сравнительно близко к Китаю.**

Но природа, как бы пожелала и на море обнести Китай забором.

В самом деле, хотя восточная и юго-восточная границы Китая идут морским берегом на протяжении трех или шести тысяч верст (считать-ли изгибы берега, или нет), однако, воды, в которые глядятся прибрежья Китая, не суть еще бездонные, страшные воды Тихого Океана.

Дело в том, что на некотором расстоянии от китайских берегов, с севера на юг, тянутся почти непрерывной грядой острова Курильские, Японские, Лю-Чу, Формоза, Филиппинские. Между ними и Китайским берегом остается длинная и достаточно широкая полоса воды. В северной своей части она называется **Желтым морем**, в средней **Восточно-Китайским морем** в южной части—**Южно-Китайским морем**. Все эти моря, или лучше сказать, **все это море**, гораздо менее глубоки и солены, гораздо спокойнее, чем Тихий Океан к востоку от островной гряды.

И с моря, выходит, как и с суши, Китай **отгорожен** чем-то вроде барьера от широких мировых просторов.

Отметим, кстати, горную страну Памир в Синьцзяне (Китайском Туркестане), которая имеет среднюю высоту в шесть верст. Памир называют „крышей мира").

Весь внутренний Китай имеет сток к Тихому Океану.

Внешний Китай—занимает пространство почти вдвое больше, чем внутренний.

Безлюдные внешние территории имеют, главным образом, значение буферов, прикрывающих пути в Китай.

§ 2) Три района Внутреннего Китая.

Великая стена.

В своей оболочке из пустынь и морей, как желток в яичном белке, Внутренний Китай сам в себе составляет целый отдельный мир. В старину китайцы сделали даже попытку отгородиться от внешнего мира еще более отчетливой и безопасной стеной, чем естественная стена гор, пустынь и морей, обрамляющая Внутренний Китай. Была выстроена Великая Стена, настоящая стена из кирпичей и камня длиной в 2.300 в., ее остатки и сейчас на протяжении сотен верст отмечают, по направлению с востока на запад, границу между внутренним Китаем, с одной стороны, Маньчжурией, с другой стороны.

На западной и южной границах китайцы удовольствовались природной стеной из высочайших гор и безбрежных пустынь.

Внутренний Китай, не считая ни Маньчжурии, ни других окраин, разлегся, значит, на огромной площади

шириною в 2.250.000 квадратных верст, ограниченный с юга и с востока морским берегом, с севера Великой Стеной, с запада и юго-запада горными хребтами различной высоты.

Разумеется, на таком громадном пространстве мы найдем вдоволь всего: места и более теплые и более холодные, горы и равнины, леса и степи, реки и озера, пригодные и непригодные для человека условия жизни и деятельности.

Внутренний Китай является целым большим миром замкнутым в себе. Китайцы делят его на 18 провинций (областей), а именно: идя с севера на юг и с запада на восток:

Гансу, Шеньси, Хэнань, Чжили, Шаньдун, Сычуань, Хубэй, Хунань, Цзяньси, Аньхуй, Цзянсу, Чжецзян, Юньнань, Гуйчжоу, Гуанси, Гуандун, Фуцзянь.

Самой природой Внутренний Китай разделен как-бы на три больших полосы—северную, среднюю, южную.

Первая полоса, северная, прорезывается большой рекой **Ху-ан-Хэ** (по китайски это слово значит „Желтая река") и многими другими речками, вливающими свои воды в Хоанхо.

«Лессы».

„Желтой" река называется не без основания. Она катит свои воды по особой желтоватой почве, называемой **„лессом"**. Мутные волны Хаонхо заимствуют свой желтоватый цвет у лесса.

Нигде во всем мире нет такой почвы, как лесс. Ученые спорят до сих пор насчет того, как образовался этот „желтозем". Но все знают, равно европейские ученые и самый неученый крестьянин этой части Китая, поразительное плодородие **„лессовой почвы"**, не уступающей самому жирному черноземy.

Лесс на вид—рассыпчатая каменная порода желтоватого замшевого цвета; между пальцами легко превращается в порошок. Лесс пористый. Незаметные глазу маленькие, но глубокие трубочки в лессе во время дождя сразу пропускают всю воду вниз, вглубь; зато потом дождевая вода долгое время понемногу поднимается вверх по трубочкам, поддерживая жизнь растений. Лесс настолько непрочен и хрупок, что канав копать в нем не стоит—они быстро обваливаются.

Большая река Хуанхэ (длиной 3100 кв. верст) в этом лессе, так легко размывающемся, не сумела проложить себе устойчивого, вековечного русла. Хуанхэ меняет свое русло, то постепенно, то резкими скачками во время наводнений.

Пржевальский.

Она и в море, в Чжилийский залив (Желтого моря) впадает сейчас не там, где впадала встарь.

В 1851 году река прорвала плотины и вода в течение 2-х лет блуждала без определенной цели, направившись, в конце концов, по руслу не-

значительной реки. В 1887 году опять были прорваны плотины, следствием чего была гибель миллиона жителей. Тоже повторилось и в 1898 г. Недаром китайцы называют Хуанхэ таким именем, как „река надрывающая сердце", или „бич Китая".

Деревни, города и целые области, прилегавшие близко к реке и пользовавшиеся благодеянием ея близости в течение столетий, затем оказываются вдруг далеко от реки и от воды. К несчастью, леса по берегам Хуанхэ давно выведены, оттого и наводнения часты.

Хуанхэ течет с запада на восток. Известный русский ученый путешественник-географ, исколесивший вдоль и поперек Азию—Пржевальский, открыл исток этой великой китайской реки далеко и высоко в горах, на западной границе Китая, в Кит. Туркестане. В пределах Внутреннего Китая река течет все время приблизительно с запада на восток, без резких поворотов и изгибов, до самого устья.

Мы сказали выше, что сама природа как-бы отчетливо делит Китай на три части.

Действительно, на 500 верст южнее Хуанхэ, почти параллельно, ему тоже с запада на восток, течет вторая большая река Китая, Самая большая река Китая, **Янцзы или Янцзыкианг.**

Река Янцзы-Кианг.

Между Хуанхэ и Янцзы проходят горные кряжи различной высоты. С гребней этих гор одни реки и речки текут на север в Хуанхэ, другия на юг в Янгцзы-кианг. **Вот эта-то цепь гор, разделяющая воды Хуанхе и Янцзы, она же отделяет так называемый „Северный Китай" от Серединного Центрального Китая.**

Таким образом, первым природным делением Внутреннего Китая надо считать Северный Китай. Последний, с одной стороны отделен Великой Сте-

ной от степей Монголии и Маньчжурии, с другой горным водоразделом от „бассейна“ реки Янцзы то есть, от рек, впадающих в Янцзы.

Полоса земель Северного Китая между степью и водоразделом везде приблизительно одинаковой ширины.

Внимательный путешественник, переезжая из Северного Китая в Центральный, заметит и сам вскоре различие между этими двумя большими естественными районами Китая, если ему и не скажут. Он приметит сразу разницу в народной пище, разницу полевых посевов.

Рисовое поле.

Южнее водораздела в Центральном Китае, начинается полоса **рисовых полей.** Появляются заросли особенного южного растения, бамбука. На полях работают буйволы, вместо быков.

Сам народ Центрального Китая отличается довольно ясственно телосложением от населения Северного. Обитатели центральной и южной полосы на вид более женственны и подвижны, чем коренастые, тяжеловесные, несколько вялые, северяне.

Народ Северного Китая представляет собою иную племенную помесь, чем более южные китайцы. Чистый китайский тип здесь смешался с татарским и маньчжурским. Прилив свежей крови молодых кочевых племен оказал благодетельное влияние. Северяне физически крепче и здоровее китайцев из центра и юга страны.

В Северный Китай входят шесть провинций: Гансу, Шеньси, Шанси, Хэнань, Чжили, Шаньдунь.

Всего в этих шести областях, согласно переписи, не особенно точной, (в Китае, вообще, никогда не была произведена, как следует, перепись всего населения) числится 122.478.730 ч. населения, на площади приблизительно в 750.000 кв. верст. Таким образом, на 1 квадратную версту земли приходится 160 человек. Или, как говорят иначе, плотность населения составляет 160 человек.

Повторяем еще раз, что все расчеты населения да и земельной площади, не могут считаться совершенно точными.

В Китае никогда не было полного (генерального) межевания земли. Никогда еще ни одно правительство Китая не позаботилось также организовать единовременную перепись всего населения во всех провинциях. По условиям полного бездорожья, в ввиду отсутствия полиции в деревнях и т. д., ни межевания, ни правильной переписи не произвести и сейчас. Потребуются годы, чтобы подготовить то и другое.

Бамбуковая роща.

Сказанное надо иметь в виду по отношению ко всем приводимым в дальнейшем цифрам населения городов и провинций, а также и к многим другим цифровым данным.

По большей части цифры взяты европейскими исследователями Китая, так сказать, на глаз. Сами китайцы и того меньше знают.

Янцзыкианг, пятая река во всем свете по длине и длиннейшая река в Китае, самими китайцами прозвана просто „Кианг“ (Река). Этим китайцы как-бы хотят выразить, что Янцзы есть царица всех рек, единственная настоящая река.

Янцзы начинается в Тибете, горной стране, примыкающей к Внутреннему Китаю с запада и с юго-запада. На протяжении 4.000 верст Янцзы течет с далекого запада на восток, впадает в Восточное море, недалеко от города Шанхая, в провинции Цзянсу.

Янцзы—великая многоводная река сама по себе. Со всех сторон в Янцзы вливаются бесчисленные реки и речки, в большинстве доступные для судов. Сеть рек и речек, образующая **„бассейн“** реки Янцзы, гораздо богаче и разветвленнее бассейна реки Хуанхэ.

Эти реки, а также связанные с ними озера, и кроме того искусственные каналы составляют такую сеть водяных сообщений, которой не имеет ни какая другая часть Китая, ни одна другая страна в мире. По берегам рек и озер то и дело встречаются цветущие луга и поляны, от которых Китай получил наименование „Цветущее царство“.

При отсутствии дорог (об этом ниже) и при обилии рек эти последние играют огромную роль. Не будь рек, отдельные районы Китая до сих пор оставались-бы чуждыми друг другу.

Климат провинций по Янцзы теплее, чем в северном Китае, и гораздо, не в пример, ровнее. В бассейне и еще более того, в долине Янцзыкианга, не наблюдается таких резких переходов от зимнего холода к летнему зною, как в Северном Китае.

На севере зимою температура падает несколько ниже ноля; летом там нестерпимая сухая жара. На севере нередки весной и осенью песчаные бури, наносимые ветром из Монголии.

Воды Северного Китая часто замерзают зимой.

В Центральном же срединном Китае воздух, вообще говоря, влажнее. Зимой температура падает, но все-таки не до ноля, а летний зной немного меньше, нежели на севере. Здесь, в средней полосе, зима отличается не столько холодами, как обилием дождей.

Сахарный тростник.

Благодаря ровному, мягкому климату, здесь произрастают одинаково хорошо знакомые нам растения нашей умеренной полосы России, а рядом с ними рис, лимоны апельсины, камелии, чай, кое-где даже сахарный тросник. Все растет в изобилии на открытом воздухе—недаром китайцы называют долину Янцзыкианга—„садом мира".

В бассейн реки Янцзы или, иначе говоря, в Центральный Китай входят следующие 7 провинций:

Сычуань, Хубей, Хунань, Цзянси, Аньхуй, Цзянсу, Чжецзян.

Протяжение этой части собственно Китая—больше 750.000 кв. верст. Население 205.522.162 ч. по подсчетам 1921 г.

Плотность населения на одну квадратную милю, таким образом, превышает в среднем 270 ч.

„Западная река" (Сицзян) отмечает собой третий естественный район собственно Китая—Южный Китай. „Западная река" не может никак быть сравнена с рекой Янцзы, ни по длине, ни по значению. Она в пять с чем то роз короче Янцзы, почти—четыре раза меньше нашей Волги. Длина реки—650 верст. На всем почти протяжении, река судоходна. Она вливается в Южно-Китайское море, получая на пути множество притоков.

Высокие горы сплошной цепью отделяют Южный Китай, питающийся водами Западной Реки и ее притоков, от остального Китая. Раньше эти горы

заростали густым лесом, кое-где сохранившимся и сейчас. Есть только два больших прохода между этими горами.

Южный Китай, отгороженный горами и лесами, всегда жил, да и сейчас живет, в сильном обособлении от остального Китая.

Южный Китай расположен почти весь в тропическом и подтропическом поясах, то есть близко к самым жарким местам мира. Климат почти жаркий, и там все произрастает тоже, что и в тропиках. Воды везде обилие.

С гор Наньшань, образующих водораздел между бассейном Янцзыкианга и Южным Китаем, в последний стекает множество рек и речек. Нередкость встретить большие болота, особенно близко к морскому берегу. Жара и обилие воды должны-бы способствовать росту земледелия. Но почва камениста, состоя по большей части из гранитных и порфировых пород. Большие пространства в Южном Китае непригодны для земледелия.

Отчасти этим об'ясняется сравнительно слабая заселенность южной части страны.

5 провинций Южного Китая: Юньнань, Гойчжоу, Гуанси, Гуандун, Фуцзянь, протяжением в 650.000 кв. верст, имеют населения всего 83.639.407 ч. Плотность населения на одну квадратную милю определяется, таким образом в 126 человек на одну квадратную версту (160 ч. в Северном, 270 ч. в Центральном).

Население редеет также и благодаря постоянному отливу на юг и на восток, в другие страны. Южный Китай с двух сторон, ведь, опоясан морем; жители этой части Китая природные моряки. Они тысячами выселяются ежегодно на острова соседнего Малайского Архипелага, на острова Южного Моря (юго-восточная часть Тихого Океана), в прилегающий Индо-Китай (принадлежащий французам).

Море, надо заметить, оказывает вообще большое влияние на характер и нравы здешнего населения.

Китайцы с юга, особенно из провинции Гуандунь, представляют собой самый предприимчивый и подвижной элемент во всей стране. Их называют, „англосаксами Азии", за их любовь к морю, к морской торговле и к морским путешествиям, к заселению новых земель, (колонизаций) и наконец, к приключениям вообще.

В их жилах течет довольно мало чистой китайской крови; они жили обособленно тысячелетиями, мало соприкасаясь с своими единоплеменниками на Севере. Зато много сталкивались с соседними народами Азии, а за последние несколько сот лет с европейцами. От последних много кой-чего заимствовали. Во многих отношениях южане Китая отличаются сильно от своих сородичей Центрального и Северного Китая.

§ 3) Западный и Восточный Китай.

Указанное деление Внутреннего Китая на три района по долинам рек, пересекающих его в направлении с запада на восток, дается совершенно, естественно самой природой, так сказать, направлением больших рек.

Если же обратить внимание, главным образом, на поверхность страны, то можно разделить и иначе, на восточную и западную часть.

Линия разделяющая обе эти части, будет иметь вид полукруга. Начинается у Шанхайгуаня, города, расположенного как раз у западного конца Великой Стены, не доходя несколько верст до моря.

К слову, этот город часто упоминается в истории китайского народа. С этой стороны Китаю часто приходилось отражать врага, наступающего с севера.

Середина полукруга приходится у города Тункуан. По китайски означает „Восточные ворота", в знак того, что Тункуан стоит на самой грани восточной и западной части страны. Второй конец полукруга подходит к морю, несколько южнее города Шанхая.

Внутри этого полукруга лежит необозримая равнина, одна из величайших равнин мира. На запад и на юг от нее идут горы и плоскогорья, поднимаясь все чаще и выше.

§ 4) Растения, животные, люди.

Спускаясь с севера Китая на юг, наблюдаем значительные перемены в тепле, в растительности, в животных и, наконец, в людях.

В северной части Внутреннего Китая на полях растут, главным образом, просо, пшеница, ревень, табак, чай, ячмень, гречиха, овес, сезам. Бедное население питается преимущественно просом. Разводят и рис, но гораздо меньше, чем в среднем и южном Китае. Растения и животные, вообще говоря, мало чем отличаются здесь от тех которые находим на Русском Дальнем Востоке и в Маньчжурии. В северных областях обычно бывает одна жатва, как у нас (в среднем Китае две жатвы в год, в южном даже три).

Бобовые растения имеют большое значение в Северном Китае. Из бобов приготовляются очень ценимые простонародьем бобовый сыр, а также соя, служащая приправой ко многим кушаньям. Путем прессования добываются также масло и молоко.

Весьма распространено и масло из земляных орехов.

Китайцы принуждены иногда обращаться к обработке даже песков. В этом случае для укрепления почвы они прибегают к посеву земляных орехов. На наш вкус земляные орехи, величиной в дюйм, очень приятны, напоминая наши семячки.

Из гаоляна выгоняется китайская водка.

В китайском огороде находим лук, чеснок, порей, горчицу, сельдерей, морковь, редьку, шпинат, картофель, салат, спаржу, томаты, капусту, как простую, так и цветную, тыквы, арбузы, дыни, огурцы. Соленая рена составляет во всем Китае, благодаря своей дешевизне, неизбежную приправу к пище во все времена года. От рены, по словам иностранных врачей, практикующих в Китае, поголовно все население страдает запорами.

Рис и пшеничная мука составляют главную пищу населения. Во многих местностях бедные крестьяне считают рис дорогим блюдом, и едят не чаще раза в месяц, заменяя его картофелем.

Замечательно обилие всякого рода птиц, особенно разных видов фазанов. Много мелкой дичи. В этой части Китая жители держат лошадей, ослов, мулов, коров, свиней. В Северном Китае часто видны караваны тяжело нагруженных верблюдов. Лошади сюда ввозятся из Монголии и из западных провинций Китая.

В Северном Китае живет около 100 миллионов человек.

Население же **собственно Китая** всего **определяется**, по приблизительным подсчетам, в 400 миллионов с чем-то.

Ученые полагают, что предки нынешних китайцев много тысяч лет тому назад пришли именно в Северный Китай из Средней Азии. Ныне Средняя Азия

совершенно безлюдна и пустынна, оттуда разве дикий зверь забежит в Китай. Но в очень древние времена, на заре человеческого рода, в Средней Азии было сравнительно густое, по тем временам, людское население, часть которого пришла в Северный Китай дорогами, с тех пор, заросшими травой и забытыми. Возможно также допустить, что предки нынешних китайцев пришли не из самой Средней Азии, а через нее из Персии или Индостана.

Впоследствии, уже на памяти людей, из Монголии, Маньчжурии и Туркестана, еще не раз бурные человеческие волны вливались в Северный Китай.

Китаец.

Жители этой части Китая, те самые, которые в большом числе являются к нам, на русский Дальний Восток, по типу своему, по чертам лица и строению тела, не могут считаться чистыми китайцами.

Более чистый китайский тип заметен в Центральном Китае. Тамошние китайцы и южнее отличаются маленькими руками и ногами, изогнутой верхней губой, жесткими волосами и безбородым лицом.

(Тут же заметим, что китайская мода с малолетства бинтовать ступни девушкам до бесчувствия, чтобы нога была меньше, есть ни что иное, как крайнее увлечение племенной особенностью—маленькой ногой, крайняя **идеализация** черт племенного типа).

В благодатном климате Среднего Китая хорошо произрастает рис, настоящий „мокрый" рис хорошего качества, отлично преуспевающий в богатой водою долине Янцзыкианга.

Рис—главная пища китайцев. Кроме самого рисового зерна, большую ценность имеет также рисовая солома.

Хлопок, чай, ревень, бобы, бамбук, и тысячи других полезных растений дают богатейшие урожаи, раз и два раза в году на плодородных почвах Центрального Китая. В частности неподалеку от впадения Янцзыкианга в море, земля дает обычно два урожая в течение года.

Центральный Китай, отчасти и Северный, производят все те же плоды и овощи, что и юг России, скажем. Здесь, вдобавок, к этому растут многие плоды и овощи, свойственные одному лишь Китаю, не попадающиеся нигде в Европе или даже в жарких странах Азии. (Например, плод „личи").

Большое значение в жизни китайского народа, как впрочем, и всего юга Азии, имеет **бамбук**. Это суставчатое растение попадает в разных поделках (трости, ширмы и т. д.) также в Россию и Европу. В руках китайца (в Среднем и Южном Китае) бамбук идет решительно на все.

Из бамбука строят дома, шалаши, временные убежища. Из него изготовляют ящики, сундуки, шкафы. От пианино до мелких пустяков все укладывается и перевозится в бамбуковых ящиках. Бамбук идет на корабельные мачты, на лодки. Но из него изготовляют также трубки, зонтики и самые мелкие поделки. Бамбуковая мебель везде в ходу. Молодые бамбуковые побеги идут в пищу. Бамбуковыми палками в тюрьмах и судах колотят преступников, (обычно по пяткам).

Китайцы разводят от 40 до 60 разновидностей бамбука.

Чай, ставший предметом первейшей необходимости, мало того, люби-

мейшим национальным напиткомв, России и многих других странах, сейчас выращивается не только в Китае, но и в других теплых странах Азии и Америки. Но мы привыкли говорить „чай китайский". Действительно, чай есть растение, свойственное Китаю. Питье чая имеет китайское происхождение.

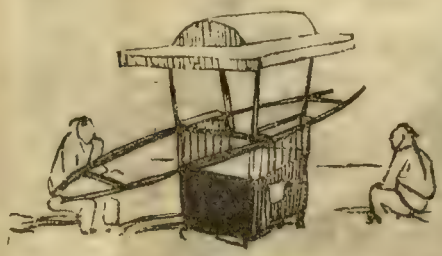
Сбор риса.

В Центральном и Южном Китае чай растет небольшими зарослями вокруг каждого жилища. Чайные большие плантации здесь неизвестны. Между делом вся семья следит за дозреванием чайных листьев, во время обрывает их, сушит на солнце, затем сбывает посреднику-купцу. Разведением и обработкой чая занято огромное число людей в Китае, около 60 миллионов. Но заняты по большей части так, между всяким делом.

Хлопок. Ветка и плод.

Здесь-то, в долине Янцзыкианга, и южнее, крестьяне умеют производить лучшие белые шелка во всем свете. Здесь родина **шелка**. 4000 лет тому назад или того раньше здесь знали уже, чем и как кормить шелковичного червя, чтобы он выделил из себя и выткал нежные шелковые нити. Сам шелк и секрет его обработки отсюда проникли в другие страны и к другим народам.

Рыба водится в изобилии во всех водах и всех частях Китая, в реках и морях. Рыба на столе у бедных и у богатых. Китайцы знают около 167 разновидностей рыбьего царства. Умеют изготовлять из рыб, моллюсков и раков самые разнообразные и причудливые кушанья. Подчас эти блюда не приходятся по вкусу чужеземцам, даже претят; многие нравятся.



Паланкин.

Веер.

Зонт.

Лодка.

Изделия из бамбука.

Внутренний Китай почти совершенно лишен лесов. Нет другой такой большой страны в свете, столь основательно облысевшей.

Спускаясь на юг от лесистой Маньчжурии, путешественник все реже и реже находит рощи. В Западном Китае еще сохранились кое-где леса. В восточных, центральных и южных провинциях лесов нет совершенно, разве на некоторых горных кряжах. Леса были когда-то, но вырублены до-тла разросшимся крестьянским населением. Отсутствие лесов, могущих задерживать влагу, в дождливую пору года, и медленно отдавать ее летом, создает засушливость в знойные месяцы, способствует наводнениям в дождливые. Особенно надобен-бы лес в долине Хуанхэ, где поросль могла-бы укрепить лессовую почву. Китай вынужден ввозить для разных своих нужд и поделок лес из Японии, далекой Америки, а в последнее время с русского Дальнего Востока.

39935

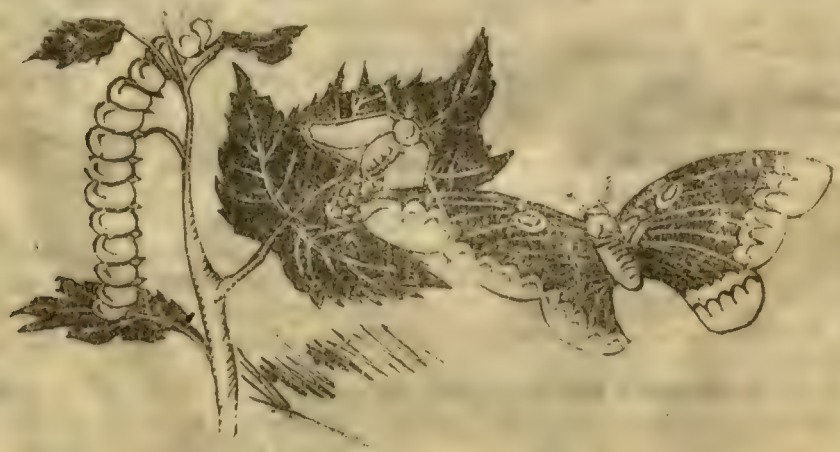
Таков **Внутренний Китай** от края до края.

На его громадном пространстве климат, почва и живые существа меняются постепенно по мере продвижения с севера на юг, отчасти с востока на запад.

Как мы говорили выше, есть некоторая разница также и во внешнем виде и в физическом строении жителей разных поясов Китая. Однако, приходится признать разницу весьма невеликой, если принять во внимание великое протяжение страны и великое разнообразие природных условий.

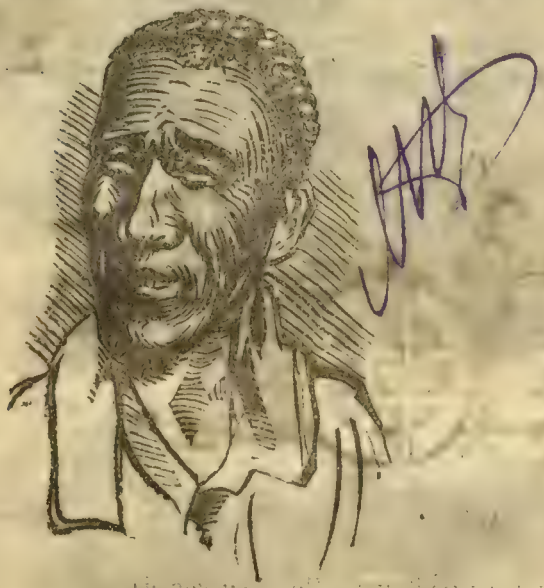
Чайная плантация.

В Китае столь плохие дороги, так трудно и долго попасть из одной провинции в другую, что прямо таки приходится удивляться, как **основательно перемешался в стране человеческий материал**. Предполагается, что китайский народный тип образовался из смешения 3-х типов, весьма далеких друг от друга, малайского, тунгузского и арийского.



Шелковичный червь и бабочка.

Ученые насчитывают в Китае не меньше 60 племен. Однако, обычаем, одеждой и прочим жители разных мест страны сильно походят друг на друга. Если есть разница, например, между северянами и южанами, то немного большая, скажем, чем между московским русаком и белоруссом.



Тип южного китайца.

Тип северного китайца.

Китайский народ надо признать сравнительно однородным.

Только несколько племен живут еще в горах, отделяющих Южный Китай от Центрального. „Мяо", „Лоло" и разные другие мелкие племена, скудные остатки первоначальных засельщиков долины Янцзы, затем оттесненные в горы новыми пришельцами, сохранились в числе нескольких миллионов. По строению тела и лицом они уже не отличаются ныне от китайцев, различие только в языке, одежде и в некоторых обычаях.

Китайская народность есть, явное дело, этнографическая смесь из нескольких рас, довольно далеко отстоявших друг от друга. Расы перемешались на славу, смесь имеет строение совершенно однородное во всех частях Внутреннего Китая. Только на территориях Внешнего Китая сохранились в более или менее чистом виде монголы, тибетцы, татары и маньчжуры. Китайцы составляют 98% всего населения китайской республики: маньчжуры — 1,5%, татары, монголы и тибетцы, вместе взятые, 0,5%.

§ 5. Пути сообщения.

Многое станет понятным в обычаях, в характере, а также в истории китайского народа, если принять во внимание состояние китайских дорог.

Дороги Китая свидетельствуют либо о страшном малоземелье, либо о пренебрежении народа к путям сообщения, а скорее всего и о том и о другом.

Стоит взглянуть на китайскую дорогу, и сразу же станет ясно, что с такими дорогами могут мириться только люди, живущие уединенно и замкнуто в своих селениях, не нуждаясь в сношениях с отдельными частями своей провинции. Сколько нибудь хорошая дорога, похожая не то что на шоссе, а хотя-бы просто на сносную проселочную дорогу у нас в России, представляет в Китае большую редкость.

Китайские императоры старого времени проложили дороги в разных направлениях, общим протяжением в 3000 верст. Редко где дороги заслужи-

Арба.

вают своего громкого названия „императорских". По большей части это— узкая тропинка, где не проедет широкий воз. Пройдет разве тележка, вроде крытой арбы, очень распространенной на севере Китая, на двух больших скрипучих колесах, которую тянут либо осел, либо мул, либо монгольская, низкорослая лошадка, либо, подчас, человек.

Отчасти такое состояние дорог об'ясняется земельной теснотой. Земледельцу жаль уступить под дорогу широкую полосу, годную для засева риса. Государственная власть не заставляет крестьян давать землю под дороги. Дорога шире, идя по необработанным местам.

В тех китайских провинциях, где мало рек, ехать по узким тропинкам и перевозить грузы—сущая мука. Так или иначе крестьянин там редко выползает из своего угла.

Из 18 провинций Внутреннего Китая около 12-ти хорошо обслуживаются водными путями, представляющими самый удобный и дешевый путь для людей и товаров.

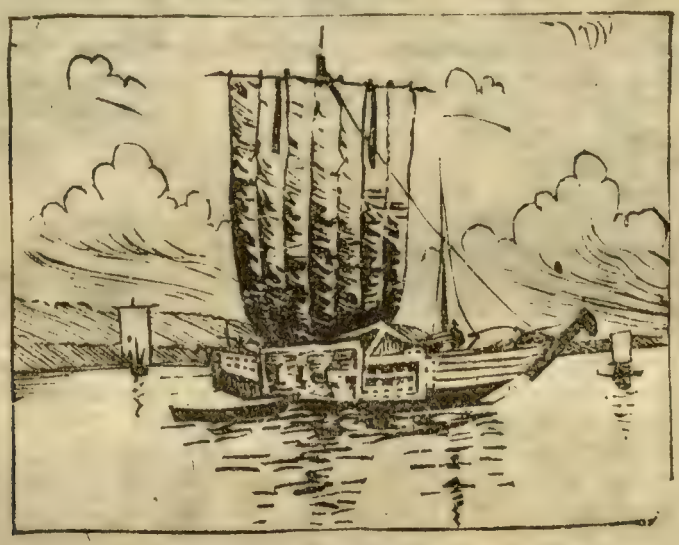
На первом месте в этом отношении как уже сказано стоит бассейн Янцзыкианга. Река Янцзы является водной „большой дорогой", к которой со всех сторон проходят водные „проселочные дороги"—реки, речки и каналы, в целом образующие богато развитую сеть путей сообщения.

Все виды товаров и продуктов плывут по этой обширной речной сети на больших и малых барках и на лодках китайского образца, так называемых „джонках".

Во всем мире вы не встретите нигде такого множества различных типов речных судов, как на Янцзы и др. реках Китая; почти каждая река имеет свои специальные типы. Сейчас на Янцзыкианге и его притоках не редкость

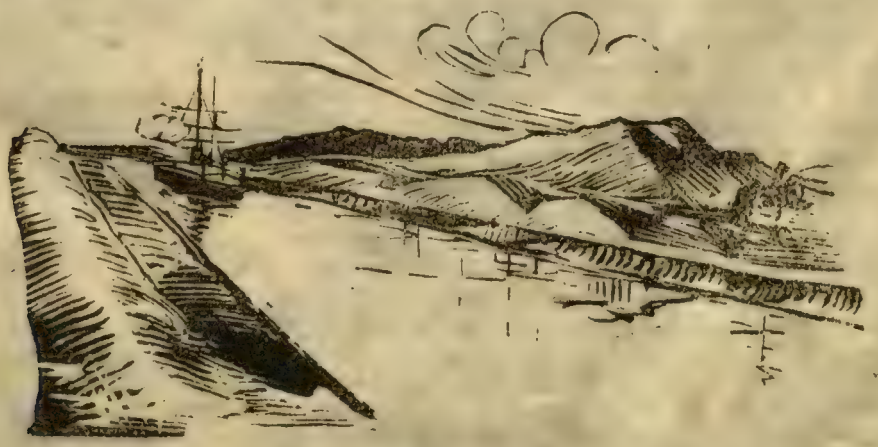
встретить и пароходы, вплоть до самых новейших, английского или американского устройства.

На юге Китая две реки, „Западная Река“ и „Северная Река“, судоходны на всем своем протяжении, равно как притоки их.



Джонка.

На юге Китая, а также у устья Янцзыкианга, в среднем Китае, существует особое „речное население“; оно всю жизнь проводит на своих длинных и тяжелых лодках и баркасах, там родятся, женятся, плодятся и умирают. Речные люди—рыбаки по профессии—составляют особый замкнутый круг. Ни одна девушка с берега не пойдет замуж за этого рыбака, не имеющего своего места на твердой суше.



Великий канал.

Те же китайские императоры затратили огромные средства и труд на сооружение так называемого „**Великого Канала**". Канал проведен между городом Тяньцзином, в Северном Китае, расположенным у Желтого моря, с одной стороны, и городом Ханьчжоу, расположенным у Восточно-Китайского моря, неподалеку от Шанхая. Канал имеет в длину около 1100 верст, строился в течение более 2000 лет, начиная с 540 года до Рождества Христова. Мир нигде не видел такого громадного мирного сооружения, столь великого по замыслу, трудного по выполнению и полезного для поколений.

Еще 100—200 лет тому назад, Великий Канал был единственным путем продвижения между Северным и Южным Китаем. На поддержание канала расходовались императорами огромные суммы. Каналом возили в столицу рис, посылаемый в виде дани богдыхану (императору) из провинции. Самым знающим и одаренным инженерам правительство поручало надзор над поддержанием канала в добром порядке.

В течение же последних десятилетий, с появлением пароходов в Китае, из Пекина и вообще из севера Китая едут и возят грузы почти исключительно морскими пароходами, вдоль побережья. Канал пришел в запустение, не поддерживается в надлежащем состоянии. Великий водный путь, могущий и сейчас играть великую роль, в настоящее время почти заглох. За 1920 г. проехало 8050 речных судов, с общим водоизмещением в шесть миллионов пудов.

Как велики размеры движения по водным путям в бассейне Янцзы, а также, и в особенности в Южном Китае, можно судить по одному тому, что водная полиция, охраняющая порядок на речных и морских пристанях, насчитывала еще несколько десятилетий тому назад многие тысячи человек.

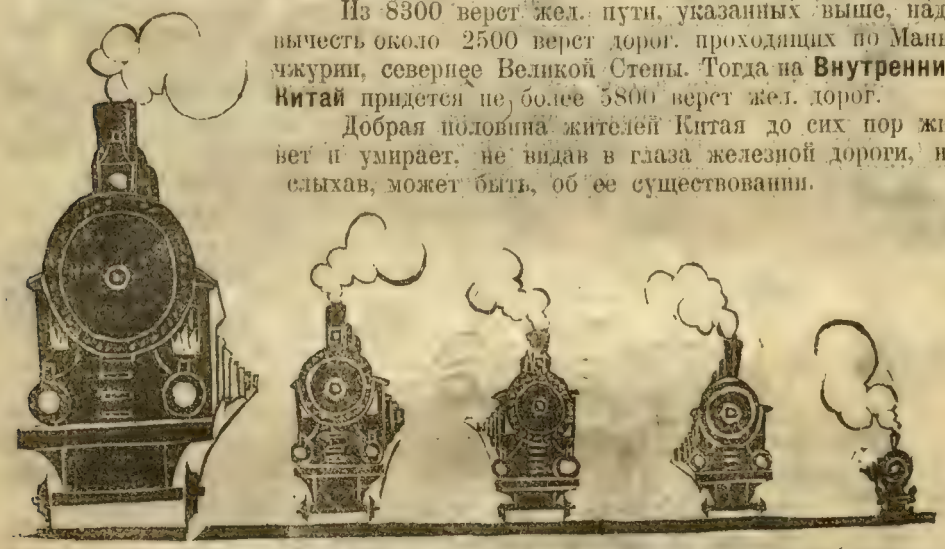
Однако же, реки текут туда, куда им путь указало строение почвы, а не разумная человеческая воля. Их извилистый путь капризно излучен. Реки не ведут прямо к цели; поэтому речные пути не решают вопроса о правильных путях сообщения в Китае. Даже провинции Китая, наиболее богатые водными путями, и те сильно страдают от бездорожья. Последнее сказывается особенно тяжело во время стихийных бедствий. Тогда ни правительство, ни частные лица не имеют возможности, вследствие плохих дорог, оказать бедствующему населению скорую помощь.

О железных дорогах нам придется еще говорить в другом месте. Здесь в настоящей связи, отметим лишь **совершенную ничтожность железнодорожной сети Китая.** Внутренний Китай имеет всего навсего 8300 верст железной дороги, сущий пустяк для такой огромной по протяжению и такой людной страны.

По расчету на население, в Китае 1 верста рельсового пути приходится на 35000 человек. В соседней же Корее, состоящей под японским управлением, 1 верста железной дороги приходится уже на гораздо меньшее число жителей, а именно на 1040 ч. В Индии,—в чрезвычайно многолюдной стране, управляемой англичанами, 1 верста приходится на 7000 ч., в Японии на 6400, в Соединенных Штатах Америки на 2880 ч.

Столь ничтожное, по сравнению с неизмеримой площадью китайского государства, протяжение железнодорожного пути приходится притом целиком на восточную половину Китая, ближайшую к морю. Вся западная сторона Внутреннего Китая, включающая и очень густо населенные провинции, например Сычуань с 50 миллионами жителей, не имеет и сотни верст железной дороги.

Если посмотреть с другой стороны, то окажется, что вся сеть железных дорог в Китае лежит к северу от реки Янцзыкианга. Лишь четыре небольшие железнодорожные линии лежат к югу от реки Янцзы. Так вышло не случайно. Одна из причин, почему так вышло, это большее обилие на юге водных путей, а именно полноводных рек и хорошо действующих каналов. Юг Китая сравнительно меньше нуждается в железнодорожных сообщениях и сравнительно менее добивается их.



Из 8300 верст жел. пути, указанных выше, надо вычесть около 2500 верст дорог, проходящих по Маньчжурии, севернее Великой Стены. Тогда на **Внутренний Китай** придется не более 5800 верст жел. дорог.

Добрая половина жителей Китая до сих пор живет и умирает, не видав в глаза железной дороги, не слыхав, может быть, об ее существовании.

Америка	Германия	Россия	Индия	Китай
40100 м.	6500 м.	5500 м.	4600 м.	1600 м.

Протяжение китайских желдорог в сравнении с другими странами (в милях).

Следующая подробность говорит наглядно о младенчески неразвитом состоянии железнодорожной сети Китая.

Север и юг Китая, оказывается, до сих пор не соединены желдорогой.

Есть железная дорога от Пекина, главного города в Северном Китае, где пребывает центральное китайское правительство. Эта дорога ведет на юг, к Кантону, большому портовому городу, считающемуся столицей Южного Китая. Дорога доходит только до горного кряжа, отделяющего Центральный Китай от Южного, и нейдет дальше. С другой стороны, от Кантона с юга навстречу бежит поезд железной дороги до того самого горного хребта. Желдороги Пекин—Ханкоу и Кантон—Сампуй так и не встречаются. Невыстроенный участок пути между ними невелик, всего 400 верст.

В конце концов, Северный Китай и сейчас, как и сотни лет тому назад, лишен прямого сообщения по суше с югом.

Великий Канал, некогда их соединявший, сейчас не судоходен в большей части своей. Не будь пароходов, преимущественно английских и японских, поддерживающих сообщение морем между Северным Китаем (порой Тяньзин) и Южным (Шанхай, Кантон), не было бы ровно никакого торного пути между двумя половинами Китая. **Следовало-бы говорить тогда о двух Китаях, а не об одном.**

§ 6. Земледелие и скотоводство.

Уж сам по себе вид китайских дорог, вернее, китайского бездорожья, говорит яснее слов о том, что китаец по преимуществу земледелец, а не торговец, не промышленник, не фабричный рабочий и даже не скотовод. Только земледелец, уцепившийся с головой в свой клочек земли, обходящийся немногим, и умеющий, за небольшими исключениями, сам производить это немногое, мало сравнительно нуждающийся в дальних поездках, только он может мириться с отсутствием удобных путей сообщения. Таков, действительно, **китайский крестьянин.**

По меньшей мере 300 из 400 миллионов населения Китая занимаются сельским хозяйством. Китайское земледелие представляет огромное число мелких хозяйств, по самому осторожному расчету не менее 50—60 миллионов. Работа производится там преимущественно ручная или, в редких случаях, при помощи небольшого количества рабочего скота (ослов, мулов) и самых простых первобытных орудий труда.

Обработка почвы.

Обрабатывается клочек земли чрезвычайно старательно (интенсивно). Удобрение золой, известью и растительными удобрениями применяется с древнейших времен; удаление сорных трав доведено до совершенства; орошение производится при помощи густой сети каналов, прорезывающих весь Китай. Девять десятых удобной земли во Внутреннем Китае обрабатываются.

Земледелию принадлежит первенствующее место в хозяйственной жизни народа, что отлично сознается всеми.

С незапамятных времен и до 1911 года (до падения императорской власти) китайский богдыхан (император) каждый год весной направлялся со свитой в храм земледелия. Здесь он проводил 3 борозды по приготовленному для него полю, принцы крови 5, а министры 9. В тот же день церемония начала работ совершалась и в провинциях местными правительственными чиновниками. Эта церемония была предназначена выразить высокую почетность земледелия.

Китайское земледелие представляет огромное число мелких, как-бы хуторских, хозяйств, по самому осторожному рассчету не менее 50—60 миллионов.

Земля в равнинах почти вся разобрана и возделывается. Редко где можно увидеть обширные леса и луга, со стадами правильно насущегося скота.

Китайское поле поражает своей удивительной опрятностью и размеренностью. Грядка за грядкой, борозда за бороздой тянутся параллельно друг другу, как будто вымеренные. Китайское поле обыкновенно разделяется на ряд участков, на которых попеременно сеют различные сорта растений (плодосмен).

Китайцы удобряют свои поля навозом, костьми, бобовыми и другими выжимками, достают со дна рек и озер плодоносный ил. Тщательно используются все городские нечистоты, особенно человеческое „золото".

Китайцы искусственно орошают поля, путем проведения канала или канав, либо искусственно принимают воду путем особых ковшей и т. д. Часто поле просто поливается из ведер.

Почти вся работа на полях производится вручную. Руками выпалывается каждая травка. Китайские поля скорее похожи на огороды. Домашние животные, поэтому, не имеют в Китае такого огромного, решающего значения для крестьянина, как у нас.

Китайцы употребляют самые простые и грубые орудия земледельческого труда. Придерживаются дедовских орудий и по незнакомству с лучшими, и еще потому, что людей много, ручной труд дешев, не стоит заводить дорогих орудий, сберегающих труд.

Главнейшие земледельческие орудия: мотыка, плуг, борона. Мотыка из них самое употребительное. Китайский серп похож на маленькую косу. Часто китайцы руками выдергивают растение с корнем. Цепы напоминают наши.

Нужда в земле заставила китайцев обратить внимание и на горы, а также на сильно покатые площади земли. Китаец обращает их в террасы и удобряет, затем они приносят не меньший доход, чем равнины.

В общем, китайцев надо признать отличными земледельцами. Китайский крестьянин проник во все тайны растительного мира. Что бы он ни посеял или посадил в своем поле, все отлично удается ему и дает прекрасные результаты, если только было достаточно влаги. Искусство воспитать и выращивать всевозможные растения знакомо китайцу в совершенстве. Потому, хотя бы тот никогда не занимался цветоводством, европеец может смело взять любого крестьянина к себе в садовники.

Лист чайного дерева.

В Китае есть, правда, и необработанные земли, ускользнувшие и от земледельца, и от внимания правительства. Но в общем в стране ощущается большая земельная теснота. Земля вообще в Китае очень дорога. Обработанная пахотная земля ценится от 1000 до 10000 руб. золотом на наши деньги за десятину, смотря по месту и плодородию.

Пшеница — главный предмет питания в Северном Китае. Во всем Китае сбор пшеницы достигает 1.612 миллионов пудов ежегодно. Гаоляна (род крупы)—300 миллионов пудов. Остальных зерновых хлебов (не считая риса и бобов)—430 миллионов пудов.

За последнее 7—10 лет китайцы стали засевать пшеницы гораздо больше прежнего; посевы и урожай этого хлеба возрастают

с каждым годом. Китайцы в разных частях страны привыкают к пшеничному хлебу (или лепешкам, печеным на особый лад—на пару). Растет, поэтому, и число мельниц.

Неочищенного риса собирается свыше трех тысяч миллионов пудов. Из этого выйдет тысяча восемьсот миллионов пудов очищенного. Рис — главная пища народа в Центральном и Южном Китае. В Северном Китае рис особенно хорошего качества, доступен только зажиточным.

Китаю не хватает собственного риса, приходится ввозить из других стран Азии.

Китайцы пьют чай чуть-чуть ли не усерднее нас, русских. Благо, чай они же и взращивают. На круг, на душу населения потребления чая исчисляется по 5 фунтов в год. Ежегодное производство исчисляется в 2 миллиона ящиков всякого чая, байхового и кирпичного. Обработка листьев чайного растения производится домашним способом.

В Китае произрастают все маслосодержащие бобы, семена и орехи, бобы соевые, касторовые бобы, семя конжутное, репное, чайное, хлопковое, орехи, так называемые земляные и древесные.

Китаец морит на горелке коконы шелковичных червей и вьет из коконов нитки.
(С оригин. китайского рисунка).

За последние десять лет китайский земледелец, заметив большой спрос заграницы, стал в усиленном количестве разводить бобы соевые. В настоящее время производство этих бобов достигает более 500 миллионов пудов в год. Из бобов добывают масло, так называемое „бобовое", предназначенное частью на вывоз заграницу, но главным образом, идущее для внутреннего потребления. 400 миллионное население Китая употребляет бобовое масло в пищу, и с целями отопления, освещения и в качестве смазочного масла.

Китайский земледелец выращивает большие, из году в год растущие, количества хлопка. Бумажные материи, ситцы и т. п. изготовляются из растения хлопка, имеющего большие, весьма пушистые, волокнистого строения, семена.

Мы уже говорили в другом месте о производстве шелка в Китае в один миллион пудов в год. (Шелк даже в розничной торговле часто расценивается по весу). Шелк проходит большую обработку в мастерской или на фабрике. Самым важным в шелководстве все-таки остается труд сельского хозяина. Ему то, китайскому крестьянину, приходится снабжать шелковичных червей достаточным количеством корма во всю пору их развития от яйца до кокона, что продолжается от 28 до 30 суток.

Качество и вид шелка—сырца много зависит от того, как и чем кормили червя. В Китае нет того, что в странах Европы и Америки, где особые ученые учреждения, имеющие многочисленных специалистов, занимаются отбором годных червей и подбором соответственной пищи.

Китайский крестьянин всю эту премудрость постигает сам, доходя до всего на горьком опыте, терпя много неудач. Работа сельского хозяина покончена тогда, когда готов кокон.

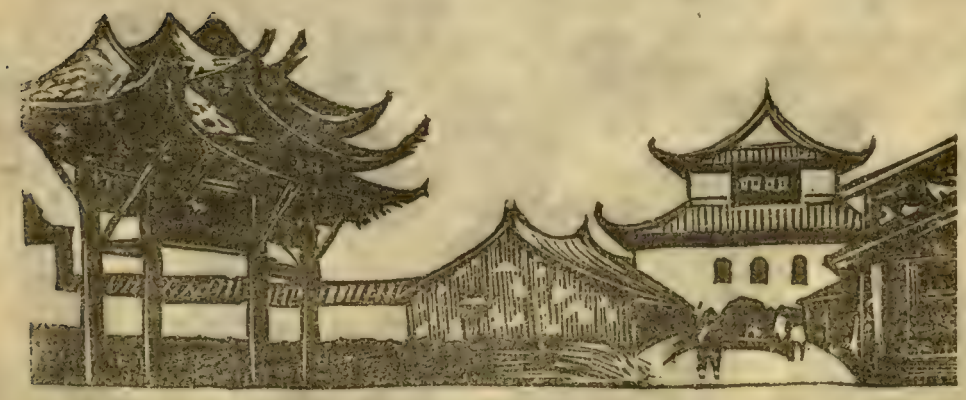
Очень развито в Китае и огородничество. Особенно вблизи городов. Китайцы—способные огородники, уступая в этом отношении на Дальнем Востоке одним лишь корейцам.

Китайцы—исконные земледельцы. Скотоводство имеет второстепенное значение в сельском хозяйстве Китая.

Под выпас для скота идут лишь земли, совершенно негодные для земледелия, например, склоны гор. Таких земель, незанятых земледельцем, во Внутреннем Китае мало.

Только в Центральном Китае, где река Янцзыкианг своими наводнениями делает большие земельные пространства совершенно недоступными земледельцу, там развилось скотоводство. В других районах Внутреннего Китая крупного домашнего скота мало, даже рабочего.

Свиноводство развито во многих местах страны.



КЛУБ ЛАЗО

Глава вторая.

Полунатуральное хозяйство Китая.

7. Родовой строй в Китае.
8. Новое в китайской деревне.
9. Ремесло в деревне.
10. Строй китайской торговли.
11. Городские производства.
12. Главные города.
13. Абсолютное перенаселение.

Кратное содержание главы II.

Взятое в целом все общественное хозяйство Китая должно считаться полунатуральным. Огромное большинство крестьянского населения продолжает жить, как жило в старину, в замкнутых хозяйствах, удовлетворяющих собственным производством большую часть своих потребностей.

Значительно меньшая часть потребностей покрывается меновым кустарным производством и меновой городской торговлей. Уклад деревенского хозяйства и жизни носит ярко выраженный семейно-родовой характер и основан на послушании членов семьи—отцу. Отцы семейств послушны воле начальников—старейшин рода. Родовой строй окрашивает и весь строй китайского ремесла и городской торговли.

Полунатуральное хозяйство Китая явно отживает свой век. Оно выдало себе свидетельство бедности, создав абсолютное перенаселение.

Полунатуральное хозяйство Китая.

§ 7. Родовой строй в Китае.

Крестьянское хозяйство Китая в подавляющей части является *полунатуральным*. Иными словами, китайская деревня сама производит и вырабатывает для себя большую часть того, что ей нужно для прокорма, одежду, жилища и т. д., сравнительно мало обращаясь к услугам жителей других сел и города. Китайская деревня вела до самого последнего времени жизнь замкнутую, мало еще связанную с городом. Сейчас намечается и в этом смысле новое, но оно нелегко пробивает себе путь в жизнь.

Тысячу лет тому назад в Китае был установлен земельный закон, существующий до настоящего времени. По закону, каждой семье принадлежит имение, переходящее по наследству, в размере от 3 до 18 десятин, смотря по качеству почвы. Более крупные имения являются в Китае сравнительной редкостью и образуются преимущественно путем аренды. Поле, оставленное в течение трех лет без обработки, может быть конфисковано государством; свободно лежащая земля может быть занята каждым, кто покажет местной власти средства, необходимые для обработки.

50—60 мил. семейств живут из поколения в поколение на своих небольших участках. Крестьянская семья Внутреннего Китая насчитывает в среднем пять-шесть человек. После смерти отца вся земля разделяется поровну между всеми сыновьями. Старший, кроме того, получает небольшую прибавку. Последняя рассматривается, как вознаграждение за те обязанности, которые после отца возлагаются на старшего в роде. Дом и двор остаются всегда в общем владении всех сыновей. Семьи последних размещаются в отдельных частях того же здания. Благодаря этим непрестанным делениям, наделы стали настолько малыми, что не в состоянии прокормить их владельцев. Особенно заметно это во время стихийных бедствий (засуха, наводнения), когда нередка перепродажа земледельческих участков. По словам некоторых наблюдателей, семь десятых китайского населения находятся в неоплатном долгу у остальной части.

Те же сторонние наблюдатели высказывают мнение, что только отсутствие у китайцев права старшинства помогает им до некоторой степени справляться с трудной задачей существования, которую выставило в этой стране население, разрастающееся с такой быстротой. Если бы все имущество отца передавалось лишь старшему сыну, младшие сыновья были бы буквально обречены на голодание, особенно ввиду малого развития в Китае промышленности и отсутствия, поэтому, широкого спроса города на деревенские руки.

Дробление земли (и подати) ведут к долгам. Последние вынуждают часто закладывать землю. Окончательная передача земли (продажа и пр.) считаются до сих пор ненормальным и безнравственным действием. Вместо продажи практикуется заклад земли на долгий или даже на неопределенный срок, с правом должника и его наследников выкупить землю впоследствии, когда дела их поправятся. Возможность вернуть родовую землю представляется иногда лишь через 30-50-60 лет после заклада. Китайские крестьяне чрезвычайно привязаны к родовому участку, видя в нем прочное основание существования многих поколений. Поэтому сплошь да рядом внук или правнук, разжившись, является выкупить дедовскую землю. На почве закладов земли и т. д. проходит огромное количество споров. Тяжбы из-за родовой земли составляют половину всех дел, разбирающихся в китайском суде. Дробление участков создает чересполосицу—новая причина для тяжб и ссор.

В Китае, вообще говоря, собственность, особенно земельная собственность, ценится больше жизни. Это видно из числа тяжб, видно из наказаний за присвоение и за кражу, особенно видно в случаях самосуда над вором. В самом деле, по китайским порядкам, человек, убивший кого нибудь, вычеркнул из жизни лишь одну человеческую единицу. Укравший имущество, и тем более землю, вычеркнул из жизни целый род, лишил хозяйственной почвы ряд поколений. За убийство китайцы требуют денежный выкуп. Вора и присвоителя преследует местью весь род, все до последнего родича пострадавшего.

Семейно-родовое единство землевладения и главнейших хозяйственных интересов отражается и в общем праве. Каждый член семьи был до самого последнего времени (т. е. до революции 1911 г. и до издания новых уложений) ответственен за всех остальных членов. В свою очередь если родители совершили какое нибудь преступление, вина распространялась и на детей.

Постоянные разделы привели к тому, что многие участки так малы, что не в состоянии даже прокормить семью. В этих случаях юные члены семьи отправляются на заработки, либо арендуют землю у кого нибудь из местных богачей, владеющих крупными участками. Арендная плата вносится всегда натурой после урожая. Половина риса, вымолоченного и взвешенного в присутствии арендатора и владельца земли, поступает последнему. То же при картофеле. „Таро" требует много удобрения, поэтому владельцу земли отдается только четвертая часть урожая. Что же касается бобов, то владелец получает половину, но уделяет из нее часть кредитору на семена.

Сыновья, никогда не покидающие таким образом родовой кровли, остаются под властью старика-отца до самой его смерти. Мы уже говорили об общей и взаимной ответственности семьи перед законом. В течение тысячелетней истории Китая государственная власть признавала семью единым целым с едиными стремлениями, исходящими от главы семьи. Это ведет начало из глубины веков. Старинейшее название китайского народа, которое он дал себе на заре своего существования, означает в русском переводе „Сто семейств" (Босин).

Одним из тягчайших уголовных наказаний в Китае считалось, да и сейчас еще считается ссылка в другой округ той же или другой провинции. Там ссыльный вполне свободен, может заниматься чем угодно. Но он выпал из одного рода и недегко попадет в другой, или вовсе не попадет. Жить одному, без помощи и общества сородичей, в Китае трудно; китайцу это зарез, хуже всего. Вот чем тяжела ссылка. Побег с места ссылки навлечет кару закона на всю семью беглеца, на весь его род, оставшийся дома.

Китайские суды из рук вон плохи, администрация (местная власть) продажна и часто неумна. Китайский народ кое-как мирился с этим в течение тысячелетий, потому что огромное большинство дел, возникающих в деревне не восходит до начальства и суда, а решается тут же на месте родовыми старейшинами или всей деревней. В руки начальства, тем более суда, попадают сравнительно немногие случаи, так сказать, из ряда вон выходящие. Это уж выходит несчастье: идущий на суд „решается" всего. Так смотрит население, так смотрит и сама власть. Наши обычные взгляды на судопроизводство в настоящее время записаны уже в новейших китайских законах, но входят в действительную жизнь с неслыханным трудом. Для страны остается и сейчас в общем верным следующее изречение древнего китайского императора: „Хорошо, что люди боятся суда. Я желаю, чтобы с теми, которые обращаются к судьям, поступали без всякого милосердия. Пусть все добрые граждане живут между собой, как братья, и все свои распри отдают на суд *стариков и местного начальства*. Что же касается сварливых, строптивых и неисправных, пусть их уничтожают сановники. Вот им и весь суд: лучшего они и не заслуживают"

Кит. старик.

Такое мнение покажется диким и непонятным. Но разве в России еще в 17-ом столетии было иначе? Тоже повторяется везде, где общий суд исключение, где *все вопросы и споры решаются, как правило, стариками или общим собранием рода*.

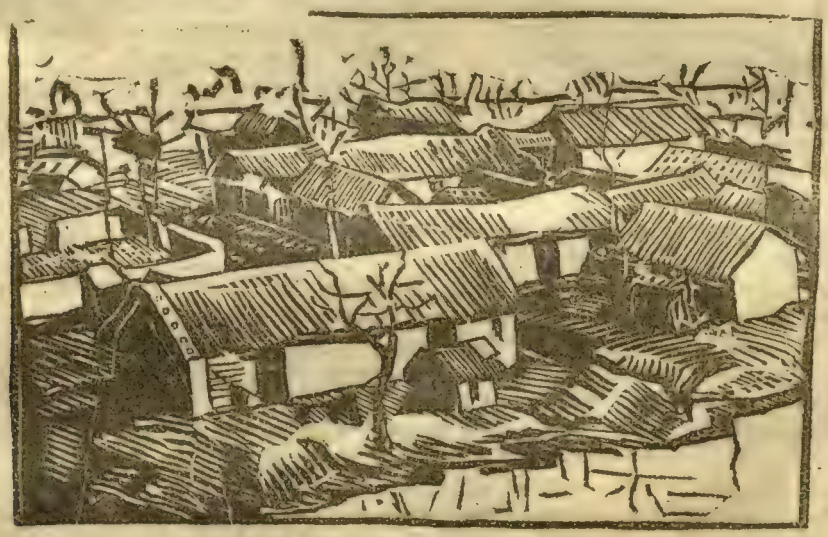
Семья, даже большая, не считает себя чем-то отдельным от остальных семейств в деревне. В китайской деревне все жители ее, все семьи составляют вместе как бы одно большое семейство, один *род*.

Семейства, населяющие деревню, носят обычно одну и ту же фамилию, и почитают себя как бы членами одного большого семейства. Отец семейства —полнейший хозяин в семье. Отцы семейств всей деревни избирают из своей среды старейшин.

В деревне старейшины все. На них лежат упорядочение пользования водой для целей орошения, сбор земельного

налога, школьное дело, поддержание храмов, дорог и мостов, устройство театральных представлений в честь сбора урожая, недельных и годовых ярмарок и т. д. Они же разбирают все споры между членами деревенской общины, карают по своему усмотрению за маловажные проступки. Старейшины в китайской деревне совсем не то, что старосты и старшина в русской деревне последних царских времен. Старейшины не ставятся на должность распоряжением земского начальника, не утверждаются никем в должности. Впрочем, старейшина в китайской деревне не должностное лицо; он скорее старший в роде.

От согласия старейшин фактически зависит судьба всех правительственных распоряжений и законов. Когда, бывало, старейшины заупрямятся, правительственным чиновникам приходилось совершенно отказываться от проведения полученных ими распоряжений.



Кит. деревня.

Старейшины обязаны доносить властям о крупных преступлениях в деревне, но также о выдающихся чьих нибудь добродетелях, заслуживающих награды со стороны правительства.

Существует целый ряд правил, не записанных нигде, не подтвержденных никаким правительственным законом, но глубоко заложенных в обычаях и нравах китайского крестьянства и других слоев народа, правил более крепких поэтому, чем многие законы. Эти правила велят членам рода цепляться друг за друга.

Родовая связь была чрезвычайно крепка до самого последнего времени в китайской деревне. Она далеко не порывалась и тогда, когда член рода покидал деревню, на время или навсегда.

Вот одно из правил, оказывающее большое влияние на общий ход жизни в стране, даже политической жизни. Если какому нибудь члену рода удается каким нибудь случаем разбогатеть или вообще возвыситься, он становится дойной коровой всего рода. Его сородичи в деревне и в городе считают себя вправе присосаться к его благополучию. Он обязан и на практике бывает вынужден независимо от своих чувств, поделиться с родом, тянуть к себе, с собою сородичей. Определить сородичей к себе и вокруг себя на ме-

сто, на частную или на казенную должность, делиться с ними казенным пирогом, оказывать всякую протекцию, даже не считаясь с интересами дела, это все по понятиям старого Китая глубоко богоугодное дело. Поступить иначе, значило бы порвать с родом, это по религиозным понятиям китайцев—дело совершенно немыслимое, глубоко недопустимое.

8. Новое в китайской деревне.

Семейно-родовой быт очень крепок в китайской деревне и сейчас. Родовая спайка сильна поныне. Однако, новая жизнь изо дня в день расшатывает старые устои.

Иностранные торговцы появились более восьмидесяти лет тому назад в различных городах на морском побережье Китая; иностранные пароходы задымились вдоль берегов. Русские торговцы, промышленники, рабочие и служащие в большом числе поселялись в конце прошлого столетия в Маньчжурии и Монголии, прорезав маньчжурскую равнину железной дорогой. С тех пор и китайская деревня мало по малу выбивается из тысячелетнего уклада привычной жизни. Годы не проходят для нее бесследно. Деревня, ее хозяйство и быт становятся подвижнее.

Европейские, а также соседние азиатские страны, сейчас связанные с Китаем пароходным сообщением и кое-какими железными дорогами, то и дело предъявляют новый спрос на китайское сырье и сельскохозяйственные продукты.

Россия, например, потребляла китайский чай в большом количестве. Китайский земледелец нашел было выгодным увеличить культуру чайного растения. Потом появился в России и в Европе более дешевый, чем китайский, чай с острова Цейлона (на юго-востоке Азии). Китайские чаи пошли хуже на рынках. Миллионам китайских крестьянам пришлось тогда затыкать дыру, образовавшуюся в получках хозяйства, переходом на посев других растений.

Такая же история с чаем, но еще в больших размерах, повторилась после 1917 года, когда Сибирь и Россия почти перестали покупать китайские чаи. В долине Янцзыкианга многие крестьяне перешли после этого на полуголодное существование.

Зато европейские страны, отчасти Америка и Япония, все больше и больше спрашивают китайское бобовое масло, бобовые жмыхи, китайский хлопок, китайскую пшеницу. Крестьяне пошли заменять одни посевы другими.

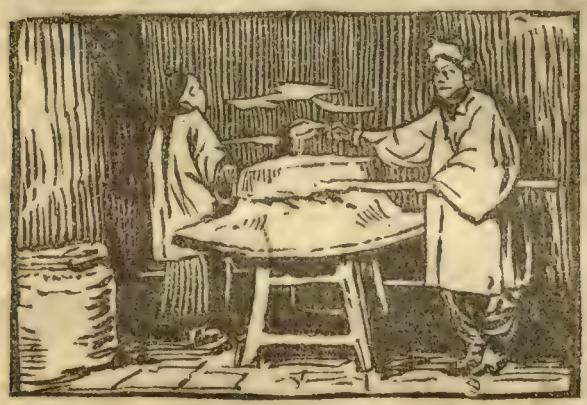
Ныне крестьянин Китая гораздо больше и чаще прежнего справляется о городской цене. В городе появились многие заманчивые для крестьянина фабрично-заводские изделия, по сходной цене, привезенные из за границы, или изготовленные на вновь выстроенных китайских фабриках. Новое время требует больше денег, китайские правители, особенно местные, все настойчивее спрашивают денег с крестьянина. Хозяйственные надобности новые, каких раньше крестьянин не знал, все-чаще вынуждают его искать кредита у деревенских, затем у городских ростовщиков.

Так или иначе, китайский крестьянин все более выходит из своей тысячелетней замкнутости натурального хозяйства, все лучше узнает дорогу к городу, к городским изделиям. Городские мысли, интересы, даже завезенные из чужих стран, понемногу просачиваются в китайскую деревню, пробуждая ее к новой жизни.

§ 9. Ремесло в деревне и кустари.

Товарищ Ю. Д. Смургис в своей книжке о Китае и его рабочем движении, изданной в Москве в 1922 году, весьма справедливо замечает:

„Удовлетворение многогранных потребностей 400 миллионного народа, весьма высокая, хотя и своеобразная культура которого насчитывает несколько тысяч лет существования, должна была вызвать к жизни колоссальное количество предприятий мелкой кустарной и ремесленной промышленности, так как применение и производство паровых и других машин, влекущее за собой сокращение числа предприятий, является делом только самого последнего времени".



Ручная мельница.

Действительно, не говоря уже о городском ремесле, каких не только создало подсобных мастеров и кустарных промыслов китайское крестьянство.

Земельные участки крестьян, мы знаем, очень малы. Семьи очень велики. Чтобы прокормить семью, мужчины уходят на сторону и зарабатывают хлеб различным трудом. Быстрота, с которой каждый крестьянин приспособляется к любой черной работе, и его выносливость, помогают ему находить заработок.

Эти тонкие, сухопарые крестьяне, обожженные солнцем, руки которых покрыты мозолями от работы мотыгой, люди, состоящие из одних мышц и сухожилий, они-то и составляют в деревне и городе главную массу „кули" (значит в переводе „горькая сила").

К земледелию примыкает ряд подсобных промыслов в самой деревне. Затем крестьянин то и дело отправляется на разные промысла в город, на реку, в горы и т. д. чтобы потом вернуться к полю.

Чрезвычайное обилие отхожих и подсобных промыслов в городе и в деревне, поражающее всякого наблюдателя, именно это спасает огромные массы китайцев от жестокого голодания. Земледелие, несмотря на его результаты, не может прокормить населения. Ремесла, промысла и ручные производства выручают кое-как. Они-бы выручали вполне, если-бы не первобытные орудия и способы производства.

Если-бы, скажем снабдить китайские ремесла и промысла более совершенными орудиями производства, если-бы электрифицировать китайскую деревню и кустарные села если-бы притом приняться за разработку крупных горных богатств Китая—тогда обновленное ремесло, промысел и промышленность, в соединении с нынешней даже первобытной интенсивностью земледелия, были-бы вполне способны обеспечить китайскому народу в его нынешних пределах колоссальный расцвет и благосостояние.

Но и в настоящем китайские ремесла и промысла, даже деревенские, во многих отношениях любопытны.

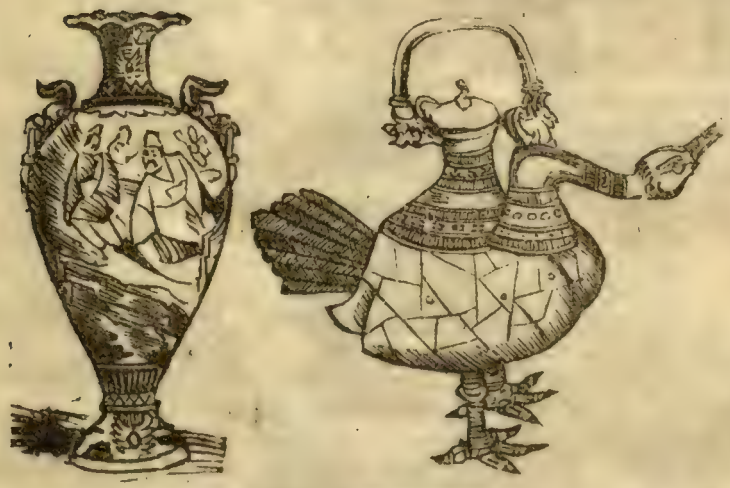
Ручными мельницами китайская деревня полна. Впрочем, мельницы довольно плохого устройства, хуже наших крестьянских ветряных; затем, крестьяне сами же у себя дома, различными приспособлениями очищают рис, свою главную пищу.

Большая часть бобового и других масел производится в деревне самым незамысловатым, первобытным способом. Почти каждая деревня имеет один или даже несколько заводиков, кое-как оборудованных.

В деревнях умеют кое-где обрабатывать хлопок, изготовляя из него бумажные материи.

И до сих пор еще, несмотря на появление в Китае оборудованных шелкопрядильных фабрик, не менее половины всего производства шелка сырца (от кокона до ткани) все еще находится в руках крестьянства.

Помимо сказанных, в китайской деревне очень распространены разнообразные виды домашней промышленности.



Фарфоровая посуда.

Производство растительных масел, бумажных и шелковых пряжи и тканей, плетеных соломенных изделий (мебель, ковры, циновки и шляпы), изделий из бамбука, лакированных изделий горшечное производство и т. д.

Каждая провинция славится каким нибудь кустарным производством. Можно указать в виде любопытного примера на провинцию, известную своими фарфоровыми изделиями высшего качества (к слову сказать, остальные народы у китайцев научились изготовлять фарфоровые вещи). Еще 90 лет тому назад, до так называемого „возстания тайников", изготовлением фарфора там занималось миллион человек. То был целый миллион мелких кустарей, рассеянных по деревням, селам и городишкам области.

И так, до сих пор еще, несмотря на появление некоторого числа больших фабрик европейского образца, здание народного хозяйства современного Китая все еще продолжает покоиться на двух простейших устоях: земледелии и кустарном ремесле.

Продолжая оставаться при том полунатуральном хозяйстве, рассчитан

ном главным образом, на собственное потребление, не на товарообмен, не на куплю—продажу.

§ 10. Строй китайской торговли.

Китайский крестьянин тяжел на под'ем неохотно выходит из замкнутости деревенского уединения. Тем охотнее он принимает у себя странствующего торговца, который является во многих местах единственным связывающим звеном. (Торговец развозит и товары и новости. Есть особые „носители добрых вестей". Они без устали ходят по городам и деревням оглашая важнейшие новости дня).

Китайский торговец.

Китайский коробейник не знает устали, не боится непогоды, ни бездорожья. И в дождь, и в солнце обходит свой участок. Тут и товар продает, и чайные листья скупит, что-нибудь еще. Женит, сводит, сам женится где нибудь по пути.

Недаром европейские ученые говорят, что миллионы странствующих торговцев, переходящие из провинции в провинцию, в конце концов породнили между собой весь Китай. Если китайский народ, рассеянный на столь больших территориях (землях), весьма мало различается по физическому типу в разных местах, то это в большой мере заслуга или вина коробейников.

Странствующие деревенские торговцы являются в торговом отношении агентами городских торговых фирм. Начиная последним коробейником, кончая крупнейшей фирмой большого города, любой торговец Китая обязательно состоит в какой-нибудь торговой корпорации, и через нее связан со всем торговым сословием всего Китая.

Торговец входит в торговую „гильдию" (союз), в то или другое об'единение, прежде всего по влечению и из расчета. Но сложившиеся вековой привычке он не может, не умеет торговать иначе. Впрочем, обстоятельства гонят его в союз. Если же он заупрямится, его заставят пойти другие торговцы.

С древних времен все торговые промыслы Китая об'единены в **гильдии**, сильно напоминающие торговые организации, бывшие в большом ходу в городах Европы и России несколько сот лет тому назад. Тут и банкиры: торговцы шелком, чаем, опиумом, аптекарскими товарами, оптовые торговцы рыбой, лесом и т. д. Всякая специальность создает свою гильдию.

Деятельность гильдии распространяется на бесчисленные стороны торгового обихода. Гильдийские собрания устанавливают учетный и по текущим счетам процент, условия кредита, расчета, хранения и страхования товаров, их упаковок, транспорта. Устанавливает оптовые и розничные цены, регулируют вопросы, касающиеся заключения и выполнения торговых сделок, и так далее и так далее.

Гильдийские собрания происходят в указанные сроки, в определенном месте. Богатые гильдии обладают крупными капиталами и собственными зданиями для собраний. Бедные собираются в городских храмах. Собрания сопровождаются разными церемониями, происхождение которых теряется в глубине веков, торжественной трапезой и длиннейшим, по китайскому обычаю, театральным представлением.

Торговая гильдия следит за деловой и всяческой нравственностью членов, она ущемит злостного банкрота, но порою выручит случайно запутавшегося сочлена. Нет и речи о том, что член гильдии не выполнит гильдийского постановления. У союза есть пути и средства привести упрямого в чувство. Гильдия лишит его кредита, подвергнет его бойкоту со стороны всех торговцев города, обесславит и, наконец, просто подвергнет физическому воздействию.

У заставы.

Даже покровительство властей не всегда спасет от гнета гильдии. Вот, пример, взятый правда, из жизни гильдии ремесленной, не торговой—но все гильдии в этих случаях поступают приблизительно одинаково. Лет тридцать тому назад член гильдии в городе Сучжоу, по соглашению с правительственными чиновниками, нарушил чем-то устав гильдии. Так как он состоял под покровительством властей, то гильдия должна была проявить некоторую осторожность в преследовании нарушителя уставов гильдии. Поэтому, был пущен в ход лозунг: „закусать до смерти—не значит убить". Каждый член гильдии, общим числом до 120 человек, сделал укус; ни одному из них не было позволено уйти, пока губы и зубы его не были в крови. Таким способом „бунт" против гильдии был „подавлен".

Разумеется, не одно принуждение, экономическое или физическое, составляет силу торговых гильдий, корпораций, союзов. Условия китайской торговли и вообще жизни таковы, что тесная организация одна лишь может упростить бесконечные трудности.

Вот, например, взимание „ликина", внутренние пошлины на товары, уплачиваемой при перевозке товара из одного города в другой, из одной провинции в другую. Таможенные заставы расеяны по всем большим путям, водным и сухим, возле каждого города, сколько-нибудь значительного. Существуют оффициальные, назначенные властями, ставки ликина, но их никто не придерживается. У заставы всегда происходит торг с переторжкой. Досмотрщик запрашивает, проезжий сбавляет. От всей утомительной и дорогостоющей процедуры взимания ликина избавлен торговец, принадлежащий к гильдии. Гильдия платит оптом за всех своих членов, на большое время вперед, сторговавшись с властями на какой-нибудь круглой сумме.

Возьмем почту. В Китае только весьма недавно стала действовать правильная почтовая организация, поставленная европейцами на европейский лад, пользующая ныне большим успехом во всей стране. Еще не так давно население обходилось услугами специальных почтовых корпораций и гильдий.

Ряд фирм об'единялись для производства почтовых операций во всей стране. Почта, организованная гильдией, недурно сравнительно справлялась со своей задачей в течение столетий. Почтальоны гильдии (так называемые „минчу") проникали в самые отдаленные углы страны, развозили письма, денежные переводы, передавали всякого рода поручения, и тут же заводили за свой счет торговлишку на скорую руку. Почтовая гильдия весьма охотно входила в разные соглашения с другими торговыми гильдиями. Члену какой-нибудь торговой организации почта обходилась несравненно дешевле и удобнее, чем постороннему независимому лицу.

Вековой опыт научил китайского торговца мастерски пользоваться формой организации для ведения любых дел, даже самых неожиданных. Так, при появлении европейских торговцев в Китае, а именно в Кантоне, в 1720 г. благодаря новизне дела, возникла масса затруднений. Китайские купцы немедленно нашли выход... в гильдии. Создалась влиятельная гильдия кантонских крупных торговцев, принявшая на себя ответственность перед правительством и населением Китая за иностранцев и за все их дела. В связи с этим гильдия монополизировала, то есть забрала всецело в свои руки, на 122 года, всю торговлю Кантона с иностранцами.

Таким образом, гильдия, корпорация, союз составляют чрезвычайно многое в жизни китайских торговцев. **В сущности, об'единение торговцев живет тем же родовым духом, что и деревенская община той же, хотя в измененной форме, внутренней силою семейно-родового уклада.**

Китаец, оторвавшийся от деревни, записавшийся в купцы, меняет лишь вывеску семейно-родового об'единения.

С течением времени, под влиянием новых веяний, идущих из капиталистического запада, торговые организации Китая начинают терять черты старого и принимать новые.

Старомодные союзы, об'единявшие богатых и бедных торговцев и промышленников в одну как-бы большую семью, все чаще распадаются, давая место акционерным обществам обычного европейского типа.

Старые гильдии, с наступившим изменением общих условий, теряют свою патриархальную власть и древнее обаяние над торговопромышленной массой. На их место становятся во многих случаях торговопромышленные палаты, построенные на других основах, близких к иностранным образцам.

Китайская городская торговля, имея за собой тысячу и более лет существования в одних и тех же городах, давно выработала во всем подробнейшие распорядки.

Торгующие одним товаром размещаются на одной и той же улице, в том же „ряду". Старые фирмы, заслужившие доверие, приобретают право выпускать свои бумажные деньги, известные и признаваемые в определенном кругу потребителей и торговцев. Заметим кстати, что китайский торговец вообще честен, и по привычке, и по принуждению гильдии. Сплоченность, давние навыки работы, честность пр. и т. п. качества дают китайцам большие преимущества там, где им приходится (на русском Дальнем Востоке, на Малайских островах и т. д.) сталкиваться с конкуренцией торговцев других национальностей. Китайских торговцев трудно победить, трудно выжить.

Видное место в строе китайской торговли занимает кредит.

Китай, вообще, страна бедная. Свободные средства, обращающиеся в стране, относительно не велики. Охотников получать кредит всегда во много раз больше, чем предлагающих деньги. Поэтому, ссудный процент в Китае весьма высок по сравнению с европейским, даром, что обычай и гильдейская связь хорошо гарантируют возврат денег. В деревне обычай велит вернуть долг из первого же урожая, как бы мало ни осталось крестьянину. Городской китаец охотно оттягивает платеж, но обычай, суд и гильдия весьма строги на этот счет.

Большинство китайцев, как выше было сказано, вечно задолжены, в долгу родятся и умирают. В свою очередь, любой китаец сбереженные им деньги, если он не превратит их в драгоценность (золото, камни) с целью спрятать, наровит отдать в рост на хороший процент. Бесчисленные банки, менялы, ломбарды привлекают мелкие и крупные средства, затем пускают в рост.

Китайцу весьма трудно бывает получить деньги под свой чисто-личный кредит. Гораздо легче и более принято кредитоваться через посредство своей гильдии. Или же торговцы составляют своеобразное товарищество на вере по нашему общество взаимного кредита, где кредит переходит от одного члена к другому по очереди. Такие способы кредитования еще сильнее скрепляли между торговцами связь гильдейскую, то есть преображенную родовую.

Разумеется, новое время и здесь заводит новые песни, на европейско-американский лад.

§ 11. Городские производства.

Мы уже имели случай говорить о кустарных производствах в китайских деревнях. В городе ремесленник и кустарь развивают еще более живую деятельность, чем в деревне. Достаточно посмотреть на улицы крупных и мелких городов Китая. Первое, что бросается в глаза, это бесконечный ряд полузакрытых лавочек, на виду у покупателей вырабатывающих всевозможные предметы, как широкого потребления, так и роскоши.

Несмотря на быстрое проникновение в страну капитализма, создающего со сказочной быстротой целые кварталы фабричных труб, не смотря на это, Китай беспорно еще остается страной по преимуществу мелкого ремесла и кустарничества.

Например, имеются такие цифры о провинции Чжецзян, расположенной у моря, в долине реки Янцзыкианга. В этой провинции насчитывается более 2800 предприятий, но из них оборудованы машинами только 218. Остальное приходится на кустарные мастерские. На долю машинной промышленности падает несколько более 8% всего числа предприятий провинции.

Чжецзян, между тем, принадлежит к числу наиболее промышленных областей Китая.

В других провинциях старозаветное ремесло, значит, еще сильней машинной фабрично-заводской промышленности. Помимо всего, в Чжецзяне имеются еще, как и в любой другой провинции Китая, тысячи, десятки тысяч весьма мелких ремесленных мастерских, которые не вошли в этот счет.

Китайская промышленность, беря заодно хорошо поставленные фабрики и простейшие кустарные мастерские, распределяется следующим образом по отраслям производства.

Улица с мелкими мастерскими.

Мукомольное дело. Им теперь занята масса мельниц, число которых все растет, так как посевы пшеницы в Китае заметно увеличиваются с каждым годом. За последние 20 лет в Китае выстроено до 120 новейшего типа мельниц, перемалывающих до 200 миллионов бушелей пшеницы. Центром мукомольного дела является Шанхай, так как плодородная долина Янцзыкианга (при впадении этой реки в море расположен Шанхай) производит большое количество пшеницы.

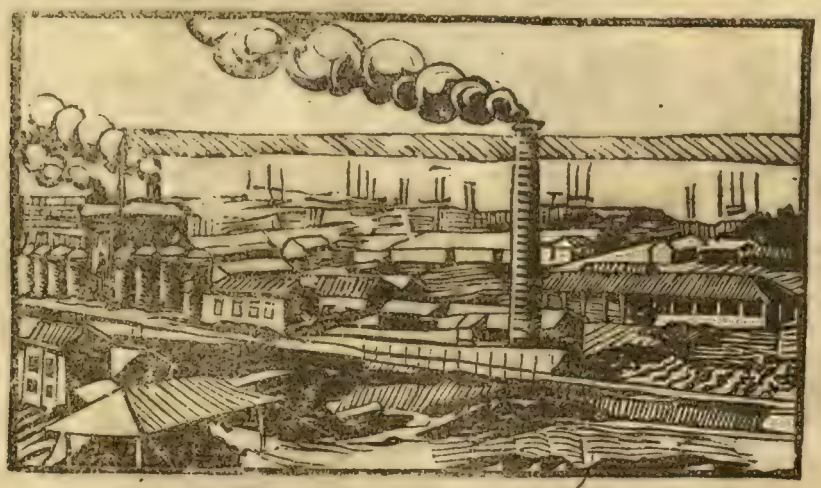
Маслобойных заводов насчитываются многие тысячи. Из них крупных 140. Но опять таки только 15 из них обладают новейшим техническим оборудованием. Остальные оборудованы сборными машинами. Частью старыми, употреблявшимся еще тысячу лет тому назад, частью самыми новейшими. Так например, на заводе Та-ю в Шанхае имеется пресс тысячелетней давности, затем есть простейший горизонтальный пресс, железный винтовой и, наконец, позднейшего типа гидравлический. Средоточием маслобойной промышленности также является Шанхай, в котором насчитывают свыше 40 крупных маслобойных заводов.

Общее производство хлопка в Китае, по последним данным, достигает от 37 до 44 миллионов пудов.

Еще 20 лет тому назад почти весь хлопок вывозился из Китая заграницу. Сильный толчок хлопчатобумажной промышленности дала последняя война. Европейские страны и Америка, занятые обслуживанием своих армий, не смогли ввозить в Китай достаточно бумажных материй для многомиллионного народа. Китайские промышленники, расчитывая на высокие прибыли, взялись сами перерабатывать хлопок.

В настоящее время во всем Китае находятся в действии, не считая кустарной промышленности, а также не считая людей, работающих у себя на дому по заказам фабрик, 102 фабрики с 2.832.020 веретенами и 12.130 ткацкими станками, оборудованные по последнему слову техники.

Центром хлопчатобумажной промышленности является, опять-таки, Шанхай с его 26 фабриками (1.029.222 веретенами и 7.190 ткацкими станками). Общее число рабочих, занятых в хлопчатобумажной промышленности Китая, должно быть не менее 200.000 человек. Из вышесказанных 102 фабрик китайцам принадлежит 68, остальные иностранцам.



Европейская фабрика в Китае.

Шелкопрядильные фабрики появились в Китае 40 лет тому назад. Сейчас фабрик, оборудованных европейскими машинами, насчитывается 216 с 65.970 веретенами. Но и сейчас не менее половины всего шелка-сырца все еще производится крестьянами на дому, ручной работой.

В 1920 году в Китае добыто 1.200.000.000 пудов угля. Значительных копей с большим количеством рабочих насчитывается немного больше 20. Самые крупные угольные копи—Кайланские недалеко от Пекина, принадлежат англичанам (22.000 рабочих). Следующие по величине, Фушунские, принадлежат японцам. На бесчисленных мелких копях, в том числе крестьянских, добывается немного меньше половины (две пятых) всего угля, извлекаемого в стране.

Угольные богатства Китая довольно велики и привлекают жадные взоры империалистов разных наций. Запасы угля, покоящиеся в недрах Китая, исчисляются учеными в 3.000.000.000.000 пудов (три триллона пудов).

В настоящее время промышленность и население Китая обходится 1.200.000.000 пудов в год (одним миллиардом двумя стами миллионами). По такому расчету, если потребление угля останется все таким же ничтожным, угольных запасов Китая хватит на 2.500 лет.

Из стран, расположенных на Тихом океане, Китай—самая богатая в отношении угля. Австралия имеет запас всего 4000000000 (четыре миллиарда) пудов. Япония столько же, или меньше. Побережье Соединенных Штатов Америки, обращенное к Тихому океану, также небогато углем. Поэтому китайский уголь живо интересует соседей Китая.

С другой стороны, Китай должен будет беречь про себя уголь. Угольные запасы Китая кажутся велики, неистощимы, пока в Китае так мало фабрик и заводов. Если китайская промышленность достигнет когда нибудь такого расцвета, как нынешняя американская, английская, германская, если в Китае начнет уходить столько же угля по расчету на одну душу населения, как в Америке, Англии, или Германии, то Китаю хватит его угля всего на *15 лет.*

Дело в том, что угольный запас Китая меньше германского, в три раза меньше английского и в шестьдесят пять раз меньше американского, между тем как людей в Китае в два раза больше, чем в трех перечисленных странах, вместе взятых.

Кайланские кам.-угольные копи.

С запасами железной руды в Китае обстоит чуть ли не хуже еще. Приблизительный подсчет открытых месторождений железа дает меньше 60.000.000.000 пудов.

Соединенные Штаты имеют запас в четыре раза больший. Германия имела до Версальского договора в три раза больше, Англия на одну пятую больше. Если бы китайская железнодорожная промышленность стала работать таким же полным ходом (темпом), как английская или американская, Китаю хватило бы его запасов руды только на *пять лет.*

Однако, в настоящее время железнодорожная промышленность Китая находится в совершенно младенческом состоянии. Вряд ли в 1921 году выплавлено хоть 60 миллионов пудов. О какой-либо нехватке руды сейчас не может быть и речи. Наоборот, в самом Китае и у капиталистов других стран создается ложное впечатление о каких-то неисчерпаемых рудных богатствах Китая—знай, мол, бери.

Не рассматривая по отдельности других родов промышленности, укажем лишь общую цифру предприятий в Китае, пользующихся в 1920 и 1921 годах европейскими машинами. Таких предприятий насчитывают, по словам одних, 1500, по словам других—более 2000.

Разумеется, это количество *чрезвычайно не велико* для Китая с его пространствами и населением.

Эта цифра предстанет перед нами в другом свете, если мы посмотрим, когда начали работать эти фабрики. Чуть не три четвертых всего количества выстроены за последние 5—10 лет.

Это ясно свидетельствует *о промышленной революции в Китае Великая страна* „Серединной Славы", как называют китайцы свое государство, *живет еще пока чуть не вся в старом, в земледелии старого образца, в кустарных и ремесленных промыслах, словом, в полу натуральном* хозяйстве старых времен. Новое тем не менее, пробивается со стремительной быстротой в глубь народного хозяйства, растет не по дням, а по часам, как в волшебной сказке.

Промышленное машинное производство составляет сейчас, быть может, *не более одной пятой или десятой части* общего производства страны. Но влияние его уже сказывается мощно во всех областях народно-хозяйственной жизни. Кто скажет, что будет через 10—15 лет столь стремительно мощного развития!

Китайские промышленники в значительной мере связаны еще поныне *той же корпоративно-гильдийско-родовой спайкой* и солидарностью, что и торговцы. Это относится и к рабочим. Попробуем далее речь о влиянии семейно-родового начала на рабочих в дальнейшем при рассмотрении рабочего движения в Китае.

§ 12). Главные города Китая.

Города Китая, надо сказать, не производят вообще на иностранцев большого впечатления. Они пыльны, грязны. Мало сравнительно зданий, поражающих нас величиной, богатством отделки или своеобразной красотой постройки, таких зданий, какие мы находим в любом большом городе Европы и Америки.

Китайский город жизнью и обстановкой мало отличается от большого села. Те же голые стены домов, те же магазины. Существенной разницей между городом и селом служат только громадные стены, которыми окружен город (вроде русского Кремля). Китайцы—народ бедный: их города также бедны внешне и по существу. Они богаты только людьми.

Чужестранца поражает многолюдство китайских городов, не уступающих численностью населения большим столицам мира. Огромные толпы толкутся, работают и живут весь век на узких до нельзя и пыльных до отвращения улицах.

Вследствие грязи и загаженности городов, не знающих ни водопроводов, ни современной канализации, ни правильной уборки нечистот, города Китая являются огромными рассадниками болезней и нечистот. Городская жизнь укорачивает дни существования миллионов людей.

Китайские здания большей частью делаются из плохо обожженного кирпича. Китайцы, очевидно, жалея дрова, дорого обходящиеся в Китае, не дожигают кирпич до необходимой степени. Вследствие этого китайские дома в дождливое время обращаются в холодные и сырые погреба и нередко разваливаются.

Впрочем, за последние десятилетия многие города Китая обзаводятся разными улучшениями, строят на европейский лад школы, больницы, трамваи и т. д.

Забегая вперед, укажем также на так называемые **„иностранные сэттльменты"** (поселки) в нескольких городах Китая. Иностранцы выговорили себе

у китайского правительства большие земельные площади в ряде крупных городов Китая. Эти пространства затем застроились хорошими домами на лучший современный образец, с тенистыми парками, красивыми площадями. Особая полиция, поставленная и управляемая европейскими властями, следит за чистотой и безопасностью „сеттльментов", не уступающих, поэтому, в иных отношениях европейским городам. Впрочем, стоит отметить обилие пыли в иностранном квартале Пекина, несмотря на частую поливку водой. Таково уже свойство лессовой почвы Сев. Китая.

В сэттльментах проживают и китайцы. Почти все европейцы, проживающие постоянно в Китае, поселяются в сэттльменах.

Китайский город. Грязь, скученность.

В Китае, то есть почти целиком в городах Китая, в 1919 г. проживало всего 350.951 иностранцев. В это число включены 148.170 русских, из них добрая сотня тысяч падает на Харбин и на станции Китайско-Восточной дороги в северной Маньчжурии. Еще больше, чем русских, насчитывается в Китае японцев—171.485 ч. Из них опять-таки большинство приходится не на Внутренний Китай, а на южную Маньчжурию. Англичан в Китае всего 13.234, американцев 6.660 ч., остальных иностранцев по мелочи.

Может быть небезынтересно отметить здесь, что такие же иностранные „сэттльменты", под названием „немецких слобод" заводились было когда-то, при московских царях, и у нас в России, в Москве, например, потом вывелись.

Перечислим важнейшие города Китая, идя с севера на юг.

Пекин—главный город Северного Китая, в течение последних восьми столетий с некоторыми перерывами был столицей всей „Небесной Империи", как китайцы гордо называют свое государство. Сейчас город является местопребыванием президента Китайской республики, а также других органов центральной власти.

Пекин—единственный город Китая, который может произвести на иностранца большое впечатление своими величавыми дворцами и храмами. На Пекине лежит некоторый отпечаток величия и силы древнейшего в мире государства.

Имея 800.000 жителей, Пекин, однако, не имеет соответственно большого торгового значения. Он—не торговый, а только политический центр Северного

Китая и, в некотором смысле, всей страны. Посольства всех иностранных государств находятся в Пекине, в самом центре „Запретного Городка". В той части Пекина, куда раньше, при старинных императорах и не так давно еще, доступ был строжайше закрыт всем, кроме придворных чиновников и императорской дворни.

Недалеко от Пекина, почти у самого моря, расположен город **Тяньцзин**. Он и есть настоящая торговая столица Северного Китая. Здесь торговля кипит бурливее, чем в Пекине, разрастаясь с каждым годом. Тяньцзин находится на железной дороге, в 80 верстах от Пекина. Кроме того, река Бей-хе, на которой стоит Пекин, доходит до Тяньцзина, здесь соединяясь с „Великим Каналом". Тяньцзин соединен железной дорогой и водными путями сообщения с другими городами Северного Китая. Тяньцзин торгует с Монголией. В Тяньцзине имеется иностранный „сэттльмент", один из самых больших в Китае.

Иностранный Сетрельмент.

Циньдао — один из главных городов провинции Шаньдунь. Весь город представляет собой ни что иное, как сплошной иностранный сэттльмент. Сначала немцы, потом японцы, с 1897 г. по 1922 г., т. е. в течение четверти века, строили и украшали город, который сейчас живо напоминает хорошие, благоустроенные города какой-нибудь Германии. Город, расположенный, подобно Тяньцзину, у самого моря и в то же время на железной дороге, имеет хорошую торговлю. Прекрасный здоровый воздух и отличные морские купания привлекают сюда летом европейцев, японцев и богатых людей вообще со всего Китая.

Сианьфу, в провинции Шеньси. Древняя столица Китая. Население — 750.000. Стоит на скрещении путей, идущих из долины Желтой реки к долине реки Янцзыкианга.

Ченду. Главный город многолюднейшей провинции Сычуань, на крайнем западе **Внутреннего Китая**. Население около 500.000 ч. Город лежит в плодородной равнине, значительный торговый центр. В районе быстро развивается промышленность.

Чунцин. Там же, в провинции Сычуань. Население около 500.000 ч. Значительно развиты торговля и промышленность. Город открыт для торговли с иностранцами, то есть иностранцам разрешено там селиться и приобретать недвижимое имущество.

„Уханьские города"—Ханьян, Ханькоу, Учан. Эти три города расположены почти рядом, в том месте, где железная дорога, идущая от Пекина на севере до Кантона на юг пересекает реку Янцзыкианг, которая, как мы знаем, прорезывает Китай **с запада на восток**.

„Уханьские города" расположены, считая грубо, **в самой середине Внутреннего Китая. От этого пункта видно во все стороны Китая.**

Население всех трех городов, вместе взятое, исчисляется свыше миллиона человек. Полагают, что в будущем район этих трех городов, в виду своего выгодного географического положения (в середине страны, по середине главной железнодорожной линии страны и приблизительно в середине главнейшей реки Янцзы), станет **центральным** в стране, вроде, укажем, как Москва является благодаря своему срединному географическому положению естественным центром России.

Ханькоу занимает по торговле первое место из этих городов. Ханькоу известен довольно широко в России. Мы вывозим оттуда, главным образом, китайские чаи. До войны все крупные чаеторговцы России имели представителей и развесочные склады в Ханькоу. В Ханькоу иностранные государства имеют свои „сэттльменты". В последнее время Ханькоу довольно быстро застраивается китайскими фабриками, заводами и банками.

Гор. Пекин.

Чаньша—главный город провинции Хунан, лежит несколько южнее уханских городов по той же железной дороге. Население около полумиллиона. Город растет быстро.

Нанкин—главный город провинции Цзянсу. Население свыше 400.000 ч. Был столицей всего Китая до того, как императоры переехали в Пекин. Нанкин весьма удобно расположен. Река Янцзыкианг в этом месте глубока, представляя наибольшие удобства для океанских пароходов. Из Нанкина начинается железная дорога на Шанхай, имеющая важное значение.

Шанхай, в провинции Цзянсу. Главный торговый город Китая. Еще 80 лет тому назад место, занимаемое этим городом, представляло сплошное болото. Сейчас население значительно превышает миллион.

Из этого числа, иностранцев всего только 25.000 ч. Тем не менее, иностранцы, главным образом, англичане и американцы, являются строителями

города, его фактическими хозяевами, держат в своих руках половину или больше торговли и промышленности Шанхая, задают тон жизни.

Шанхай—огромный город скорее американского образца, мощеный асфальтом, с громадными, подчас пышными зданиями, широкими и чрезвычайно оживленными улицами.

Шанхай—торговая столица всего морского побережья Китая. Расположенный недалеко от впадения реки Янцзыкианг в море. Шанхай **является одним из наиболее важных торговых портов мира.**

Город занимает командующее положение по отношению ко всей долине реки Янцзыкианга, с населением долины в 200 миллионов человек. Все, что родит долина, все, там производимое, добываемое, весь излишек, идущий оттуда в торговлю—сплавляются вниз по реке в Шанхай, где грузятся на океанские пароходы. Через Шанхай проходят иностранные грузы, продвигаемые в Средний Китай.

Кроме того, теперь в самом Шанхае и его окрестностях, выстроено множество фабрик и заводов, дающих занятие 200.000 рабочих. В Шанхае огромный и благоустроенный общий „сэттльмент", а рядом отдельный французский. Международное поселение охраняется английской полицией, набираемой из индусов.

Кантон—главный город провинции Гуандун. Население около полутора миллионов человек. Таким образом, Кантон является самым большим городом во всем Китае.

Кантон, живущий своей жизнью, обособленной жизнью, во многом не похожей на другие города, играл в прошлом и продолжает играть в настоящем большую роль в политической жизни страны. Многие революции, приводившие в дрожь „Запретный Город" (в Пекине), брали начало в Кантоне. Город расположен недалеко от моря и недалеко от Западной Реки (Сицзяна), приближающейся уже к своему устью.

Кантон раньше всех городов Китая повел торговлю с европейцами. Англичане оборудовали близ Кантона огромнейший океанский порт Гонконг, один из самых посещаемых в мире, и раньше вся торговля Кантона с внешним миром проходила через Гонконг. Сейчас Кантон начинает соперничать с Гонконгом по оборотам своей торговли: Кантон является, бесспорно, столицей всего Южного Китая, одновременно и торговой, и политической.

Гонконг—крупнейший порт на китайском берегу. Но островок, на котором он расположен, уступлен Китаем Англии. Таким образом, Гонконг формально и не являлся вовсе китайским городом, ни портом.

§ 13. Абсолютное перенаселение.

Иностранцы, изучающие быт китайского народа, передают о таких обычаях, распространенных в разных провинциях Китая, как продажа детей в рабство родителями (особенно девочек), как многоженство, сопряженное с с весьма тяжелым, буквально рабским положением младших жен.

„Жизнь второй, третьей и так далее жены—это пять укусов"—так говорят сами китайцы.

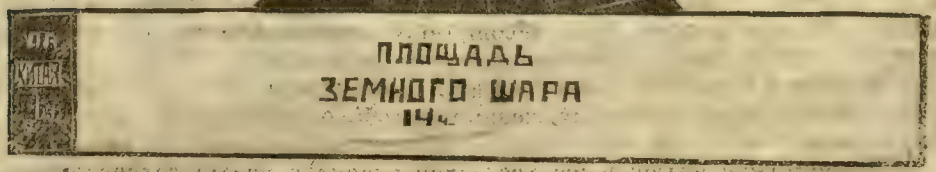
Подобные явления вытекают, прежде всего, из семейно-родового уклада жизни, особенно крестьянской.

Отец есть безусловный глава рода, пользующийся безграничной властью над детьми, он волен их отдавать в рабство, продавать. Жена, дети обязаны всячески повиноваться ему: даже жены сыновей обязаны, по понятиям китайского крестьянина, решительно всем угождать свекору.

Любопытно отметить, что отец, продавая в рабство своих детей. по случаю, например, голода, обязан, в силу установленного обычая, опросить сородичей, — не выручит-ли из них кто-нибудь из беды, а если нет, то не пожелает-ли кто купить его сына или дочь?. Только после отказа всего рода, отец продает на сторону, отмечая в купчей крепости (бумаге) также и факт своего напрасного обращения к роду.

Несомненно, только весьма тяжелые обстоятельства вынуждают отцов семейства и весь род пользоваться своей властью до такой степени. Но этих-то тяжелых обстоятельств имеется в жизни китайской деревни гораздо больше, чем где-бы то нибыло... Главная причина—**перенаселение**.

Китай занимает 1/14 поверхности земного шара населения 1/4.



Благодатные равнины внутреннего Китая вмещают чрезвычайно много людей, больше, чем могут сейчас вместить. Долина Янцзыкианга, этот „Сад Мира", переполнен сверх всякой меры. На одну квадратную версту в провинции Цзянсу приходится 585 жителей. Сравнить хотя-бы с Россией, где на круг (Европейская Россия и Сибирь) приходится на одну кв. в. 15 человек. Во всем Китае (с окраинами) на круг приходится 70 чел. на 1 кв. в.

Вообще говоря, Китай занимает 1/14 земной поверхности, а население Китая составляет 25%, то есть одну четверть всего человечества.

Окраины, а также некоторые области Внутреннего Китая, заселены крайне слабо. Зато в десятке провинций род людской размножился, как кролики, в благодатном климате, при устойчивом распределении земли, наслаждаясь внутренним миром, наступившим, говорят, в Китае тысячу лет тому назад, после полутора десятков революций.

В течение последних столетий во Внутреннем Китае избыток населения дает о себе знать, и очень чувствительно. Земля, при очень простой, хотя и очень старательной обработке ее китайским крестьянином, не может уже прокормить растущее количество людей. Голод становится частым гостем в деревнях Китая, в этих самых благодатных углах мира.

Введение новейших открытых и проверенных наукой способов обработки земли могло-бы до некоторой степени помочь делу, но у китайского народа нет ни средств, ни знаний.

Крестьянство спасается от перенаселения, как может. Бежит в города, продает туда своих дочерей и жен. Сам крестьянин бежит в разбойные шайки,

нанимается в солдаты. Грязь, нищета и переполнение скашивают быстро и верно ряды городского населения. Повторные случаи голода в больших сельских округах убавляют население всякий раз на десяток миллионов.

Случается восстание, например „тайпгов" в 1850—1864 г. г., и 30-ти миллионов человек как не бывало. Однако, города и деревни попрежнему полны излишнего люда.

Поэтому, все чаще китаец ищет выход в бегстве из страны за границу. Китайское правительство принимало меры к тому, чтобы направить избыток населения в Маньчжурию и Монголию, вообще в китайские же полупустынные владения, обрамляющие собственно Китай. Сам китайский народ по своей воле охотнее всего бежит на юг, на тихоокеанское побережье юговосточной Азии и в Австралию или же на восток в Калифорнию. Словом, в те страны, где хорошо растет и дешев рис, вековая пища народа. Бегут, чтобы заняться торговлишкой, наняться в рабочие или взяться за земледелие, огородничество, плодоводство.

Вопрос о том, куда Китаю девать избыток своего населения, как расселить его по менее заселенным областям страны, и куда двинуть их за границы Китая, этот вопрос становится очень острым, самым острым вопросом в жизни страны, да и не только Китая.

Если посмотреть на дело еще и с другой стороны, то сам факт существования огромных человеческих масс, как-бы лишних в жизни страны, или, как принято говорить в науке, факт **абсолютного перенаселения**, он наглядно свидетельствует о плохом состоянии народного хозяйства.

Миллионы отдельных хозяйств Китая и вся страна в целом должны поскорее применить все новые улучшенные способы общественного сотрудничества и разделения труда, уже открытые и применявшиеся другими народами.

Старомодное натуральное хозяйство очевидно не удовлетворяет потребностей огромного населения. Оно доживает свой век в Китае, как и в других странах.

Глава третья.

Старый Китай, его нравы, религия, история.

§ 14. Родовая психология.
§ 15. Культ предков.
§ 16. Религия.
§ 17. Быт и нравы.
§ 18. История Китая до 1842 г.

Краткое содержание главы III.

Тысячу лет назад вся земля в Китае перешла в руки крестьян. Каждому семейству обеспечен его наследственный участок на общей земле рода. Закостенелая китайская деревня ныне, как и встарь, хозяйничает на мелких участках, старинными орудиями и приемами первобытной интенсивности под старинной властью рода. Почтение к роду есть основа народных нравов старого Китая. Поклонение общим предкам рода составляет основу народной религии, а также философии китайских ученых.

Старый Китай, его нравы, религия, история.

§ 14. Семейно-родовая психология.

Своеобразный строй китайской жизни, глубоко отличающийся от европейского и в большем и в малом, сложился в Китае вследствии замкнутой жизни этой страны в течение тысячелетий. Китай был большим миром сам в себе и по себе. Китайцы, в силу самого географического положения их страны, окруженной морями, пустынями и горами, сравнительно мало сталкивались с другими народами, да и то с низшими по культуре

За тысячелетия замкнутого существования жизнь народа, особенно крестьянства, развивалась весьма медленно, порой производя целыми столетиями впечатление неподвижной. Особенно в деревне.

Огромную роль в этом смысле играл последние столетия земельный закон, на котором построено владение землей в Китае.

Закон имеет, как сказано, почтенную тысячелетнюю давность. Крестьянская масса, далее, продолжает обрабатывать землю теми же простейшими орудиями, какими пользовались их предки сотни и тысячи лет тому назад. Благодаря особенностям земельного строя, в китайской деревне не было — до последнего времени, до вторжения капитализма—слишком острой внутренней борьбы между многоземельными и малоземельными крестьянами. Вдобавок, деревня имела до последнего времени сравнительно мало хозяйственных связей с городом. Городские чиновники и участковые урядники редко наведывались в деревню.

Все эти условия, вместе взятые, создавали настроение покоя и неподвижности в китайской деревне, куда еще недавно не проникали посторонние, чуждые влияния.

На этой почве сложился характер китайского крестьянина: чрезвычайная неподвижность, глубочайшая несклонность к новшествам, полнейшая

„самостийность". Столь же полное отсутствие любви к обширному „отечеству", не умещающемуся в узкие пределы деревни, или „уезда", да и в узкую голову китайского крестьянина.

В жизни китайской деревни поразительнейшими, единственно-важными событиями являлись стихийные природные явления и бедствия. Деревне приходится от времени до времени иметь дело со страшным наводнением Янцзы, Хуанхэ или их притоков, довольно часто с засухой. Тут смерть неизбежна для десятков миллионов людей, потому что правительственная власть, слабо связанная с деревней, редко и в недостаточной мере поспевала на помощь.

Крестьянство Китая вне отчаяния склоняло голову перед роковым, неотвратимым бедствием. Тоже было и в иных подобных случаях. В характере китайского крестьянина, то есть у подавляющего большинства нации, сложилась, поэтому, черта фаталистического, спокойного преклонения перед неотвратимой судьбой.

Больше всего повлияло на жизненный уклад и характер всего народа именно семейно-родовое начало.

Раз земля, основа существования, принадлежит семье и роду, то начальник рода является всем. Семья от мала до велика подчинена отцу. Последний, в свою очередь, подчинен старейшинам, начальникам рода.

Однако власть рода тяготеет не только над человеком, но и над всем его потомством—ведь, земля остается в роде из века в век, из поколения в поколение. Родители, деды, прадеды не только даруют китайцу жизнь, но и определяют его место на свете, его занятие, его земельный участок, его хозяйственный быт. Так рассуждает и верит китайский крестьянин.

Почитание предков чрезвычайно сильно в Китае. Собственно говоря, в этом почитании состоит главная основа китайской религии. Китайцы поклоняются также разным божествам, в лице которых они чтят явления природы, главным образом, страшные и бедственные явления. Но китаец несравненно больше чтит духи своих предков и боится их, чем стихийных богов. Враждебная, злая стихия—так чувствует китаец, может принести человеку страшные беды временного характера;—однако, есть надежда выпутаться из всех обстоятельств, пока состоишь в роде и с родом. А без рода никуда, ни на этом свете, ни на том.

Китаец старого времени не чувствовал себя одиноким перед лицом тягот и опасностей существования, покуда он сохранял связь с городом и свое положение в роде (или в гильдии, корпорации и т. д.).

То, что мы называем „положением", китайцы образно называют „лицом". Потерять лицо—ужасная вещь для китайца. Вместе с „лицом" он теряет и уважение сородичей, земляков, или товарищей по гильдии, корпорации, теряет надежду на выручку в трудном случае. При скученности населения, при обычае жить на виду, трудно приходится человеку, „потерявшему лицо".

Мы перевели-бы китайское выражение „потерять лицо" нашим „крупно осрамиться" или же „потерять честь". Иностранцы, долго жившие в Китае, рассказывают уловки, к которым прибегает китаец, угрожаемый „потерей лица", для того, чтобы спасти лицо".

Китайцы—скареды в обыденной жизни, но ничего не жалеют там, где нужно поддержать свое положение, „лицо". Можно сказать, что китаец вечно на чеку, всегда держит фасон, как мы бы выразились перед своими сородичами и согражданами. Те видят насквозь его и его жизнь, целиком от-

крытую для чужих глаз. Это не смущает китайца, придающего огромное назначение условностям, о которых хорошо известно, что это условность и только. „Китайские церемонии" при встрече и т. д. вошли в поговорку. Китаец чрезвычайно щепетильно блюдет свое „лицо"; он деликатен и внимателен также по отношению к своим знакомым и друзьям, помогая им сохранять их „лицо".

В социальном общежитии китайцы проявляют добродушие, терпение, юмор; не выказывают ни следа первости в своем на редкость мирном, культурном разговоре и общении.

По сравнению с европейцем китаец, можно сказать, совершенно не имеет нервов. Больше всего заботясь о соблюдении социальных учтивостей и форм, китайцы, разумеется, не могут быть искренними и чистосердечными. Европейца поражает неискренность китайца любого класса и состояния.

Китаец настойчив, даже упрям, но предпочитает итти к своей цели окольными путями, на которых он не рискует уронить свое достоинство или задеть чужое. Жизнь всегда в обществе равных, всегдашняя забота о „лице", выработали во всех слоях китайского народа большие актерские способности. Европейские наблюдатели утверждают, что любой китаец не уступит нашему актеру умением напустить на себя тот или иной вид, выразить на своем лице то или иное чувство.

Таков психологический склад народа, выросшего в крепкой родовой (и корпоративной) связи, в условиях большой скученности, и тяжелой борьбы за существование.

Разумеется, описанные свойства характера не в одинаковой степени присущие всем китайцам в разных провинциях, в разных профессиях, классах, состояниях. Однако, перечисленные свойства житейски необходимы в китайском обиходе еще и теперь, и потому встречаются на каждом шагу, окрашивая в свой цвет обыденную жизнь. **В том же смысле можно говорить о „родовом" или корпоративном характере китайца как мы говорили о „рисовом" характере японца.**

Когда речь заходит о национальном характере, обычаях и верованиях китайского народа, надо различать, однако, жителей Южного Китая от северян. Там, на юге, море, близость чужих стран, развивали в населении, на оборот, подвижность, предприимчивость, склонность к новшествам, политическим и всяким иным.

§ 15. Культ предков.

Глубокое влияние описанного родового, или шире, социального начала можно проследить в китайской религии, точнее в нескольких китайских религиях. По мнению многих, китайцы в большинстве своем не имеют даже никакой религии, заменив ее почитанием рода в лице его предков. Китайцы верят довольно мало в божества, добрые или злые, множественные или об'единенные в едином боге. Зато все китайцы придают огромное, чисто-религиозное значение культу предков рода и вообще своим обязанностям по отношению к роду.

Иностранцы долго жившие в Китае, замечают, что китайцы могут поклоняться и не поклоняться идолам, могут верить в богов или открыто проявлять неверие, и никто ни обратит на это никакого внимания, но стоит только кому-нибудь проявить небрежность в поклонении предкам, и все начиная от его родственников и соседей, обрушиваются на него с негодованием.

Один из наибольших упреков китайцев своим соотечественникам, принявшим христианство, заключается в том, что они в своей новой вере пренебрегают предками.

В китайских массах держится верование, что основатели родов, отошедшие в мир духов, оказывают оттуда влияние на жизнь и судьбу своих потомков. Такой взгляд довольно просто вытекает из социально-экономического уклада. Если основатель рода, добывший наследственный участок земли, тем самым определил на долгие века положение и благосостояние своих потомков, то от чего не допустить, что он и дальше станет заботиться о своем роде оттуда, с того света?

По представлению, весьма распространенному среди китайских масс, человек имеет три души. После смерти одна из них направляется в „Темный мир", где она попадает в обстановку, в общем похожую на ту, в которой она жила на земле. Вторая душа остается в могиле, тогда как третья душа входит в дощечки или таблицы с именами усопших, благоговейно хранимые их потомками. Поклонение предкам имеет в виду, главным образом, эти две последние души.

Похороны.

Если усопший был главою семьи или рода, табличка его (женщины не в счет) ставится в храме предков рядом с табличками самых славных лиц из того же рода. Если же он принадлежал к боковой линии, табличка его хранятся где-либо в его доме и почитается только его родными и друзьями. Душам, обитающим в могилах, поклонение совершается один раз в году, весной, в „праздник могил".

Душе, которая обитается в табличке, хранимой дома, поклонение совершается два раза в год.

Весьма торжественно обставлено поклонение перед табличками основателей и глав рода, в особых зданиях, в так называемых „храмах предков".

Поклонение им совершается дважды в год, весной и осенью, в присутствии по возможности всех членов рода (мужчин). Все являются в нарядной парадной одежде, которая одевается только раз в году, именно в этот высоко-торжественный праздник. Обряд поклонения совершается главами раз-

личных колен, на которые распался род, ведущий свое происхождение от общего основателя, По совершении обряда происходит торжественный обед, обильный и великолепный.

Расходы по празднеству и обеду покрываются обычно из специальных фондов, большей частью в виде земель, доходы с которых посвящены основателями рода на устройство праздников, связанных с культом их памяти.

В городах даже самых больших, имется точно также храм покровителя города, признаваемого как-бы родоначальником всего города.

Китайцы весьма строги, как уже сказано, насчет поклонения предкам. Тут двойной страх: предка, который нашлет всякую напасть с того света, и общественного мнения сородичей, которые усмотрят в неуважении к предку неуважительное отношение к роду и родным.

Как глубоко укоренился культ предков, видно из следующего факта. Монахи (иезуиты), трудившиеся в качестве миссионеров над обращением китайцев в католичество, нашли практичным включить в свою проповедь и культ предков, чтобы угодить китайской пастве. Пришлось вмешаться папе римскому, который воспретил примешивать к католической вере „языческий“ культ предков.

§ 16. Религии.

Бог войны или т. н. «Ад'ютант Неба».

Помимо общего поклонения предкам, в разных областях Китая, в разных слоях народа жива вера в тех или иных богов, духов, в те или иные сверхъестественные силы. Этих божеств и духов не перечислишь—чуть не в каждом округе есть свои. Китайские массы очень суеверны, даже и сейчас еще. Весьма распространена вера в „фын-шуй“, в естественные силы, навлекающие на селение или город то добро, то зло. Люди, знающие „слово“ или „способ“, могут отвратить злое действие „фын-шуй“, превратить в благотворное.

Между прочим, суеверия, связанные с фын-шуй, принесли не мало вреда Китаю, задержав на долгое время разработку богатств, скрытых в его недрах. Население боялось стуком кирки или лопаты потревожить покой подземных духов. И вот богатства скрытые, в почве,

лежали нетронутыми. Ужас и трепет охватили в свое время все слои населения, когда впервые зашла речь о проведении телеграфа через Китай. Всех страшила мысль, что рытьем ям, затем навешиванием над землею железной проволки не только придется нарушить покой духов, живущих под землею, но еще в добавок оскорбить все те таинственные существа и силы, которые носятся над поверхностью почвы.

Между прочим, из-за „фын-шуй" китайцы старались до последнего времени строить дома одинаковой высоты и в городах и в селениях.

Нужно-ли говорить, что приведенные суеверия суть характерные верования народа искони и глубоко земледельческого? Китайский земледелец был глубоко убежден, что его божественные предки и вообще божества разрешили ему только копаться на самой поверхности земли, не заглядывая в ее недра, и не возвышаясь над землей.

В конце прошлого столетия и в начале двадцатого проведение телеграфа, железных дорог, развитие горнопромышленности и т. д., нанесли сильный удар „фынь-шуй" и многим другим суевериям.

Со временем все меньшее число китайцев верит в ад, куда вход будтобы ведет через башню в 10 ярусов, находящуюся в одном из уездов Сычуаньской провинции. Меньше чтут драконов, имеющих, якобы, свойство обращаться большими или малыми и, что самое важное, вызывать влагу. Не так боятся змей и ужа, которых раньше считали прообразом дракона.

Буддизм—весьма распространенная религия в Китае с давних времен. В буддизме китайцам особенно понравилось учение о перерождении, о том, что каждый человек после смерти вновь перерождается в человека же или в животное, по заслугам его или винам. Это учение об'ясняет страдания человека его греховностью в предыдущих перерождениях, устанавливая совершенно неразрывную связь между прошлым и настоящим на основе наследственности. Это вполне в духе китайских взглядов, окрашенных консерватизмом, верой в род и в наследственность.

В Китае свыше 20 миллионов мусульман. Особенно много их в провинциях Ганьсу, Шэньси, Юннань.

Несмотря на многолетнюю работу христианских миссионеров, располагающих в Китае большими силами и средствами, практические результаты весьма малы. Миллион с чем-то кое-как обращенных католиков, четверть миллиона протестантов—китайцев, горсть православных.

Мы оставили под конец рассмотрение китайской философии. Учения философов Конфуция, Менцзы, Лаоцзы и других заменяют огромному множеству китайцев религию. Впрочем, эта философия, очень древняя, есть сама нечто среднее между религией и философией, как европейцы понимают то и другое

Великий китайский философ Конфуций советовал своим ученикам и последователям быть как можно осторожнее с бестелесными существами, не увлекаться идеей божества. Сам он тщательно избегал в своих сочинениях слова „Бог", заменяя его везде словом „Небо". У Конфуция „Небо" выходит очень похожим на божество, на высшую нравственную силу, до некоторой степени также наблюдающую над ходом дел в мире. Все же „Небо" Конфуция не есть бог, не есть прямой хозяин и правитель мира, как это выходит по религиозным учениям других народов.

Европейские миссионеры считают Конфуция неверующим, считают его учение проповедью неверия, а китайцев, следующих Конфуцию, лишенными религии.

Философия Конфуция есть опыт построить познание мира и личное совершенство человека, который не довольствуется заветами предков, **однако не помышляет уходить от рода и** родовых устоев. Конфуций учит, **как стать самостоятельным главой рода, малого и большего.** В этом смысле его книги несколько похожи на древне-русский „Домострой", тоже учивший править семьей—лишь размах Конфуция много шире.

Конфуций.

Между прочим, из учения Конфуция и других философов вытекало, что человек жестокий, глупый и т. п. недостоин быть императором. Если такой человек как-нибудь очутился на троне Китая, право и долг подданных свергнуть его, что-бы заменить лучшим.

Эта часть учения Конфуция была широко использована всеми революционерами последующих времен, вплоть до революции 1911 г., заменившей монархию республикой. По учению Конфуция и согласно взглядам большинства китайцев, монархия не есть божественное установление, и монарх не есть ни бог, ни потомок богов, что проповедуется, например, в Японии о микадо.

Философия Конфуция есть учение о жизни, как жить и как работать над собой, над самоусовершенствованием в рамках родового строя и церемоний. Конфуций подтвердил основы родового уклада. Его философия и религия учат, прежде всего, сыновнему почтению и почтению к предкам.

В любом городе или большем селении Китая вы увидите большие, довольно красивые ,арки и ворота, в честь лиц, особо отличившихся почтением к родителям и старшим. В последнее время наметилось стремление приспособить философию Конфуция к изменившимся условиям, чтобы сохранить ее характер национальной философии.

Другая распространенная философия или, если угодно, религия Китая—даосизм, учение мудреца Лаоцзы. Во многом близка к буддизму. Даосизм есть смешение шаманства с буддизмом.

Даосы знают и любят массу чудесных рассказов и преданий, между тем, как книги Конфуция, состоя из голых, сухих, довольно разрозненных рассуждений и поучений. Даосизм говорит больше воображению и чувству, конфуцианство уму. Китайская интеллигенция, особенно чиновная, во все времена и теперь больше тяготела к Конфуцию. Народ часто предпочитал даосизм, буддизм и просто суеверие.

Китайские императоры и мандарины являлись одновременно во многих случаях также жрецами, отправляя религиозные церемонии. В настоящее

время президент республики в Пекине, губернаторы и чиновники в провинциях и округах выполняют те или иные обряды от имени населения. В самые последние годы обозначилось стремление отделить церковь и религию от государства.

Государственная власть в Китае не признавала и не признает одной какой-нибудь религии или философии господствующей.

Отдельные императоры в разные эпохи китайской истории покровительствовали какой-нибудь любимой религии, чаще всего конфуцианству, преследовали по временным политическим соображениям другие религии, чаще всего буддизм и христианство.

Лао-Дзи.

Но в день китайского нового года китайские императоры последней (маньчжурской) династии сначала отправлялись в свой шаманский храм, затем приносили по конфуцианскому обряду жертву в храме предков, затем отправлялись на поклонение кумиру Будды из сандального дерева, и после того заезжали в даоский храм ветра. Итак одно лицо зараз оказывало почтение 4-м религиям. Китайский император, будучи сам шаманистом или конфуцианцем, пользовался правом возводить даоских чудотворцев в сан бога.

Китайцы не понимают нетерпимости и исключительности христиан. Они нередко говорят европейским миссионерам приблизительно следующее: „Мы видим, что ваша религия хороша, но и наша хороша. Почему же вы говорите, что только ваша религия правильна. Вы не так вежливы, как мы".

§ 17. Быт и нравы.

Огромная толща крестьянского и городского населения живет бедно, на самом краю нищеты. Таков основной факт, налагающий свою печать на все стороны быта и жизни народа, на всю его психологию.

Массы китайского населения довольствуются в обыденной жизни самым малым. Простейшая пища в умеренном количестве, грубая одежда и обувь. Пища и одежда китайского простолюдина ниже качеством пищи и одежды среднего и даже бедного русского крестьянина.

Китайский крестьянин, если он не нищий, ест три-четыре раза в день, но каждый раз это—повторение одних и тех же блюд. Главным блюдом является вареный рис, к которому добавляются соленая репа или капуста, вяленая и соленая рыба, а также творог из фасоли и маринованные огурцы или фасоль.

Многие по бедности заменяют рис картофелем, а на севере просом. Рыбу едят далеко не все и не всегда. Еда изо дня в день одна и та же. Даже люди сравнительно зажиточные соблюдают строгую экономию, почти скаредность, в повседневной еде. Отступления от обычной еды допускаются только по случаю особо важных гостей или официальных обедов.

И пищу и питье китайцы употребляют по большей части горячими. Вследствие этого брюшной тиф не так свирепствует, как другие эпидемии.

На обеденный стол ставятся чашка с рисом, или по числу участвующих в обеде маленькие чашечки, из которых содержимое китайцы извлекают весьма искусно палочками.

В противоположность домашним обедам, официальные (по случаю гостей или праздника) отличаются большим разнообразием кушаний.

Китайцы предпочитают свиное мясо коровьему. На севере едят свиней, баранов, козлятину, говядину и различную птицу. На юге едят также и крыс, лошадей, собак, кошек. В Шаньдуне производятся собачьи окорока, высоко ценимые китайцами. Лягушки также составляют любимое кушанье китайцев. В некоторых местах в пищу употребляется саранча. Наибольшими китайскими деликатессами являются плавники акулы и трепанги. Китайцы не употребляют в пищу некоторых из наших обычных продуктов, например, коровьего молока, яйца в смятку и проч.

Одежда китайцев отличается простотой, отсутствием мод и практичностью. Китайская одежда не давит грудь ни горла, не стесняет ноги. Меховые одежды китайцы носят мехом наружу. Побогаче люди или чиновники делают одежду из пестрых материй с рисунками, преимущественно шелковых. Добиться шелковой одежды—мечта китайца, Простые китайцы носят, главным образом, одноцветные материи, белые или синие. Женский наряд в общих чертах напоминает мужской. На юге женщины сохранили малайскую прическу с воткнутыми в нее ножами. Маньчжурки в обычное время носят довольно странный прибор—доску, поставленную вертикально на голове, слева направо.

До последнего времени все китайцы носили косы. Маньчжуры, завоевав Китай в 1644 году, ввели обязательное ношение косы в знак покорности. Теперь китайцы с трудом отвыкают от этого украшения. Во многих местах власти после революции 1914 года прямо предписывают бросить косы, под страхом наказания.

Так живет подавляющая масса китайского народа, в суровой бедности и простоте, вечно на краю нищеты, непрерывно трудясь в поте лица. У китайцев мало праздников, и больше рабочих дней в году, чем у любой европейской нации.

Если к. н. стихийное бедствие или злой случай подкосит хозяйство китайца, ему трудно расчитывать на помощь государства или богатых односельчан. Власть мало вмешивается в Китае во внутреннюю жизнь населения. Расходование государственных средств на дело помощи пострадавшему населению имеет место редко и в ничтожных размерах. Бессердечность богатых классов в Китае поражает каждого европейца. Чувство жалости им неизвестно. Житницы их могут быть полны зерном, но никогда никто из них не выпустит ни одной горсти в пользу нуждающихся, хотя бы от голода умирали целые округа.

Наоборот, все они стараются тогда еще более повысить цены с целью получить как можно более прибыли. И так, разорившийся крестьянин (или городской торговец) может надеяться только на помощь своего рода или корпорации. Не добившись и у них содействия, несчастный опускается в сословие нищих.

Именно в сословке. Нищие в Китае образуют сплоченные группы, своего рода гильдии, управляемые особыми старшинами. Все домохозяева или торговцы облагаются старшиной в пользу нищей братии. Сам по себе, без принуждения, китаец мало подает нищим. Милосердие, проповедуемое китайской религией и философией, находит слабый отклик в сердцах людей, погруженных по горло в жестокую борьбу за существование.

Положение китайской женщины не завидно. Только сейчас, после революции, закон начинает признавать равноправие женщины. Раньше о нем не было и речи. Трудно сказать, как создалось исторически столь подчиненное, приниженное положение женщины. В глубокой древности Китай, что видно по разным обломкам седой старины, пережил, как и многие другие страны, полосу патриархата, когда мать, а не отец, была устоем первобытной семьи. Как бы то ни было, а китайская женщина ныне гораздо менее значит, повидимому, и в хозяйстве и в семье, чем наши женщины.

В полевых работах китаянки участвуют, повидимому, в слабой степени. Их забинтованные крошечные ноги чрезвычайно понижают работоспособность. По домашнему хозяйству китаец делает многое такое, что у нас выполняется женщинами.

Каждый китаец, достигши зрелого возраста (18 лет), и имея достаточно средств, чтобы содержать или купить жену, старается обзавестись семьей. Обычно вопрос о женитьбе решается самими родителями, которые засылают свах к родителям невесты. Будущих жениха и невесту не спрашивают (в последнее время меняется и это). В будущем муж сумеет, кроме законной жены (одной), приобрести по своему желанию и наложницу. Иногда наложницы получаются в подарок. Наложницы считаются как бы прислугой и должны находиться в подчинении у жены. В случае смерти жены и рождения сына, когда ей минет 30 лет, наложница может заступить ее место. Второй выход замуж считается дурным поступком.

За отсутствием до недавнего времени каких бы то ни было профессий для женщин, выдача дочерей (к 16 годам) замуж считается необходимым и единственным шагом в их жизни, признанном освободить родителей от забот.

Муж решительно главенствует над женой, считает ее (в теории, по крайней мере) за низшее существо „инь“, тогда как он,—высшее начало в мире—ян, не благоволящее (у зажиточных людей и при гостях) иметь даже со своей женой один стол.

Молодая женщина, вступившая в семью, по обычаю вполне подчинена свекрови. Мужу непристойно заступаться за жену.

Муж в нужде вправе продать жену, как и любого из детей.

Особенно тяжело бывает положение женщины, не подарившей своему мужу мальчика. Зато, если у жены родился сын, положение ее становится устойчивым и почетным. Голос ее также принимается во внимание в семье, и свекровь делается к ней более внимательна.

Усыновление мальчика от родственников или от наложницы весьма распространенное явление.

Рождение сына встречается с радостью. Соседи и родные поздравляют и несут подарки. Рождение дочери встречается с некоторым разочарованием, а иногда с ненавистью. Если дочери начинают значительно увеличивать его семью, китаец не стесняется отделываться от новорожденной малютки убийством девочек. В деревне, тем более в дальних провинциях, этот обычай и сейчас в полном ходу.

Китайца пугает необходимость приготовлять для дочери приданое. „Выданная замуж дочь, что вылитая вода“—говорят китайцы, т. е. совершенно бесполезный для семьи член.

Обращаясь к дочери, китаец употребляет слово „ятоу“, (раба). Бедные задолжавшие семьи сплошь и рядом продают дочерей, зачастую прямо в дома разврата. Такой же смысл имеет и ранняя выдача дочерей замуж.

Положение китайской женщины не может серьезно улучшиться, пока не будет искоренен обычай бинтования, уродующий женскую ногу и лишающий женщину свободы передвижения. Нога, для того, чтобы сделать ее маленькой, и по китайским обычаям изящной, подвергается сильным мучениям, нередко ведущим к полному онемению пальцев. С такой ногой китайская женщина не может ходить далеко, ходит какой-то качающей походкой. Обычай бинтования ноги не коснулся некоторых провинций Китая. Сейчас он быстро выводится везде. Все чаще и обычнее вид свободной женщины с неизуродованной ногой, что раньше сочли-бы публичным скандалом, только немногочисленный класс рабынь мог встарь не бинтовать ног.

Чрезвычайно привязанные к своему дому и к семейному очагу китайцы, тем не менее, равнодушны к чистоте и порядку. Пыльная почва и скученность жилищ вообще не благоприятствуют чистоте, грязь и беспорядок составляют непременное условие каждого китайского дома. В жилищах низшего и даже среднего класса поражает полное отсутствие забот о чистоте и еще менее о комфорте. Полы, обыкновенно земляные, плохо подметены. Паутина никогда не снимается с углов. Кстати, и китайское лицо (в деревне и в городской бедноте) никогда не знает мыла.

Семейная жизнь низших и средних классов в Китае совершенно лишена замкнутости и интимности. Ставни открыты целый день на улицу. Все и всем видно. Тонкие перегородки не глушат звука. Выростая среди постоянного шума, китайцы привыкают к нему, в конце концов он становится для них потребностью.

В заключение приведем следующие интересные выдержки из китайского журнала, где сделана попытка сопоставить некоторые китайские обычаи европейским. Из этих мелочей лучше всего видно большое своеобразие китайской жизни и культуры.

Иностранцы любят собак, китайцы их не любят. Китайцы в жаркое время ходят полураздетыми, иностранцы в легком платье. В знак почтения китайцы надевают шапку, европейцы для того же снимают ее. У китайцев мужчины и женщины по большой части курят табак, европейские женщины по большей части не курят. У китайцев мужчины и женщины пользуются одинаково веером, у европейцев только женщины. У китайцев улицы по большой части узки, у европейцев широки. Китайцы любят отращивать большие ногти, европейцы не любят. При судебных процессах китайцы преклоняют свои колена перед судьей, европейцы встают. Китайские защитники подсудимых боятся людской огласки (относится более к прежним временам) иностранные адвокаты выполняют свою роль открыто и ради своих клиентов приходят в суд. Китайцы, любят большие очки, иностранцы маленькие. Китайцы уважают бумагу с написанными на ней иероглифами, иностранцы не уважают. Китайцы преклоняются перед редкими явлениями боятся их, иностранцы борются с ними. Китайцы моют лицо горячей водой, иностранцы холодной. При похоронах у китайцев употребляется белый цвет, у иностранцев черный, белый же цвет употребляется у них при свадьбе. Китайцы по свое-

му характеру добры и терпеливы, иностранцы же суетливы. Китайцы грязны, иностранцы любят чистоту. Китайские чиновники в обхождении крайне вежливы, иностранцы ведут себя свободнее. У китайцев гости за столом сидят на самом почетном месте, у иностранцев то же место занимают хозяева. Китайцы при встрече делают приветствия посредством складывания рук в кулаки и поднесения их к лицу, европейцы при свидании пожимают друг другу руку. Китайцы не любят ходить пешком, европейцы, даже будучи знатного происхождения, любят гулять, считая, что это полезно для организма. Китайцы любят цветок мудань, европейцы астры, розы и т. д. Китайские женщины шьют слева направо. Обед у китайцев начинается с дессерта, при чем вино за ним пьют горячим. Ученик, отвечая урок учителю, стоит у китайцев обратившись к учителю спиной.

Затем противоречия в характере европейцев и китайцев проявляются еще в старании последних увеличить свои года, и—вторых уменьшить, что особенно замечается у дам. Таким образом, китайцы отдают предпочтение старости и смерти телесной и духовной. Европейцы ставят на первый план молодость, жизнь, старость для них признак оскудения энергии".

§ 18. История Китая до 1842 г.

Сами китайцы в своих исторических записях уверяют, что китайское государство существует уже около 5.000 лет, начавшись за 3.000 лет до рождества Христова. Европейские ученые урезают полтысячи лет, признавая китайское государство существующим примерно с 2500 лет до рож. Хр. В то время китайцы населяли верхнюю долину реки Желтой, реки (Хоанхо), а именно-нынешнюю провинцию Гансу, Шеньси, Шаньси, Хенань.

С 2205 года по 1766 до р. Хр. процарствовали первые китайские императоры, существование которых можно считать сколько-нибудь достоверным. Они принадлежали к первой династии Ся.

Мы не станем перечислять следующих династий. При третьей династии —Чжоу—жили три великие философы Китая, которые чтятся и сейчас китайцами наравне с богами и выше богов. Лаоцзы жил в 604 году до р. Хр. Конфуций (с 551 г. по 479 г. до р. Хр.), и Менций (372 — 289 г. г. до Рождества Христова).

В четвертом столетии до р. Хр. китайское государство начало распадаться на мелкие феодальные государства, враждовавшие друг с другом, плохо слушавшиеся императоров. Это напоминает время, когда древняя Русь распалась на удельные княжества.

За 200 лет до рож. Христова царил великий император династии Цин, по имени Цин-Ши-Хуань-Хи, известный в китайской истории под названием „Первого Небесного Императора". Этот император в борьбе с удельными князьками разделил империюна 36 провинций (областей). Он сжег книги великих китайских мудрецов. Он же приступил к постройке Великой Стены.

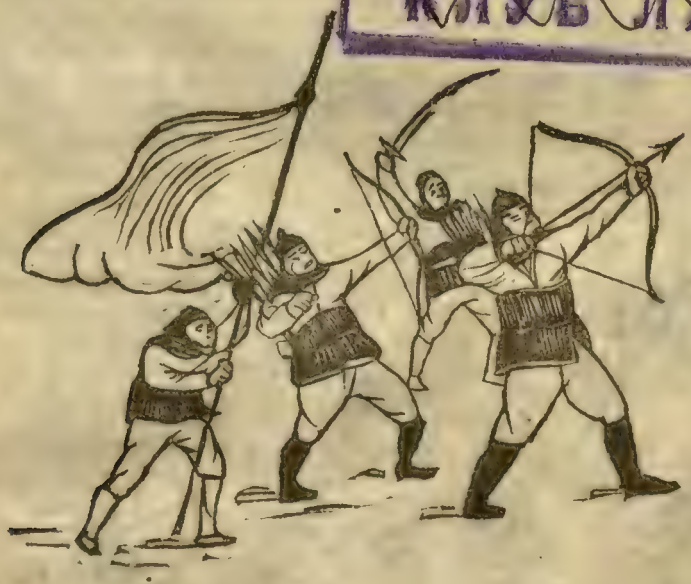
Великая Стена, мы знаем, идет вдоль северной границы Китая, с запада на восток. По ту сторону Стены лежат Монголия и Маньчжурия.

В то время китайская империя начинает уже страдать от набегов кочевых скотоводческих племен, населявших степи Монголии и Маньчжурии. Китайские-ли земледельцы первые потревожили это осиное гнездо, двигаясь на восток в поисках новых земель, или же наоборот, но с тех пор Китай не знал покоя со стороны северной границы. Великая Стена годами сдерживала мелкие племена, порывавшиеся пограбить земледельческие селения Се-

верного Китая. Но от времени до времени северные кочевники собирают, что называется „вооруженный кулак". Стена рушилась всякий раз под напором орды.

Династия Хан прославилась в истории Китая. Китайцы до сих пор называют себя „Сыновьями Хан". Эта династия процарствовала с 206 г. до р. Х. по 221 г. после р. Х. Во дни императоров Хан были проведены многие дороги и каналы, построены большие мосты. Торговля процветала. Страна богатела. Снова были восстановлены записи учения мудрецов, и были выгравированы на камне. Из Индии [illegible] священные книги буд-

КЛУБ ЛА



Воины дэ. Китая.

дийской веры. Китайская империя завязала сношения со Священной Римской Империей в Европе. Были введены экзамены по литературе на право получения должности. Составлено Уголовное Уложение. Империя раздвинула свои пределы на юг, присоединив пышный Южный Китай. На севере империя вела борьбу с кочевыми татарскими племенами, вторгавшимися из Монголии. Китайские армии доходили на западе до самого Каспийского моря, везде разнося славу китайского оружия и государства.

Династия Хан погибла от внутреннего несогласия в государстве. Татарские племена гуннов из Монголии в 317 г. захватили Северный Китай. Императоры вынуждены были переселиться на юг, в Нанкин (провинция Цзянсу).

С 400 и до 900 г. после р. Хр. продолжалось „Смутное время" китайской истории. Внутренние раздоры терзали империю. Одно время, в седьмом и восьмом веке после р. Хр., Китайские императоры приобрели власть над Кореей, ставшей было провинцией Китая.

В начале второго тысячелетия после р. Хр. татарское племя „Кидани" стало теснить Северный Китай со стороны Монголии. (От названия этого племени пошло слово „китайцы", которым мы означаем весь китайский народ). Сзади за киданями, из Монголии напирали еще другие татарские племена.

То было время, когда из глуби монгольских степей поднимались одна за другой могучие монгольские (татарские) орды, и под предводительством своих прославившихся ханов угрожали всему миру, всей Европе и всей Азии, не исключая и Китая. Киданов разбили Кины.. Кинов побили монголы, под предводительством великого Кублай-хана.

Он в 1264 г. овладел всем Китаем, и в 1280 г. основал монгольскую династию китайских императоров, под названием Юань. В это самое время монгольские же орды владели и Россией (татарское иго), Персией, Кавказом, Серединной Азией, Малой Азией и т. д.

В Китае монголы не процарствовали и 100 лет. Они были, правда, лучшими воинами, чем китайцы, и в начале были хорошо организованы, как воинская сила. Но кочевое племя монголов, хотя имело во главе в высшей степени одаренных ханов, не знало, как управлять китайцами, многочисленным народом старинной земледельческой культуры.

В 1368 г. китайский народ восстал и выгнал монголов из страны.

Рисунок старинной битвы.

Следует упомянуть, что при Кублай-хане, который сам по себе был великим государем, путешественник из Венеции (в Италии), некий Марко Поло, пробыл в Китае при дворе императора 17 лет. Он возвратился в Европу, сумея правдиво и вместе с тем интересно описать все виденное им. Его книга была первой и долгое время единственной, из которой европейцы могли что-нибудь узнать о Китае.

Кублай-хан пытался, между прочим, завоевать Японию. Он соорудил огромный флот для нападения на японские острова, но потерпел неудачу.

При династии Минов (1368—1644 г. по р. Хр.) китайцы успешно продвигались на юг, присоединив нынешний Индо-Китай. Зато не знали покоя с севера. Монголы, изгнанные из Китая, продолжали все время беспокоить набегами из степей.

Татарское племя маньчжуры, сродни сибирским тунгусам, овладели в начале 17-го столетия после рож. Христ. нынешней Маньчжурией. В 1644 г. они захватили Пекин, а вслед за тем весь Китай.

Маньчжуры основали свою династию—Дайцинь, которой повезло лучше, чем монгольской династии Юань. Маньчжурские императоры правили Китаем

с 1644 года до 1911 г. Они сумели организовать военную диктатуру над Китаем (о ней подробнее в другом месте). 10 маньчжурских императоров один за другим восседали в Пекине на „Троне Дракона".

Маньчжуры, овладев Китаем, приказали всем китайцам в знак покорности маньчжурским завоевателям носить косы. Китайцы потом за 300 лет привыкли к позорному знаку рабства, стали им гордиться, и теперь с трудом отучаются от ношения кос.

При последней маньчжурской династии в Китай стали все чаще прибывать европейские торговцы. Первыми прибыли португальцы, собственно еще до маньчжуров, в 1517 г. Португальцы взяли в аренду полуостров Макао, близь Кантона (в 1840 г. они совсем его присвоили себе). Из Макао повели торговлю с Китаем.

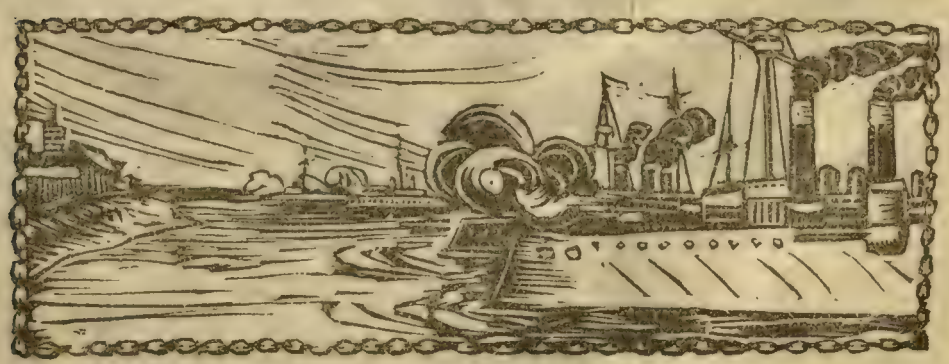
В 1545—1549 г. г. китайцы по приказу императора перебили всех португальцев. Затем те вернулись и вновь заторговали.

За португальцами потянулись другие европейцы. Одно за другим прибывали европейские посольства. Голландские послы, сгорая желанием завязать выгодную торговлю с Китаем, согласились ползать на коленях перед императором, как полагалось при китайском дворе.

Русские, начавшие завоевывать пустынный Амур, заключили в 1727 г. договор с Китаем в гор. Кяхте. Американцы повели с 1784 г. довольно живую торговлю с Кантоном, Шанхаем и по реке Янцзы.

Англичане завязали кое-какие сношения с Китаем в начале 17-го века. Лет сто шла английская и вообще иностранная торговля с Китаем через Кантон, под надзором кантонских местных властей. В 1816 г. английский посол не был допущен к императору, в виду его отказа пасть ниц перед троном. Дело в том, что китайское правительство не сочувствовало открытию правильных торговых сношений с европейцами, пугаясь иностранцев. Местные же власти в городах Южного Китая были не прочь содрать с приезжих купцов.

Наконец, в 1841—1842 г. г. англичане, приглядевшись к внутренней и военной слабости „китайского колосса на глиняных ногах", нанесли ему сокрушительный удар. Из-за ссоры по поводу ввоза опия (голландцы завезли в Китай с острова Явы привычку курить опий, а императоры Китая решили искоренить вредный обычай) английская боевая эскадра обстреляла китайское побережье, захватив Шанхай и др. города. 29 авг. китайское правительство подписало в Нанкине мир с Англией, на условиях, тяжелых и унизительных для Китая.



Глава четвертая.

Собственный путь развития.

§ 19. Феодализм в Китае.
§ 20. Неразвитость торгового капитализма.
§ 21. Хозяйственная раздробленность.
а) Денежная система.
б) Таможенная система.
в) Податная система.
§ 22. Мандарин на место феодала.
§ 23. „Джентри".
§ 24. Административно-политич. раздробленность.
§ 25. „Самостийность" провинций.

Краткое заключение главы IV.

Китай пережил свою феодальную эпоху. Однако, ряд причин замедлил развитие нового социально-политического строя. Приход европейцев в половине XIV-го века застал Китай в состоянии промежуточном, переходном от феодализма. Народное хозяйство страны, денежная, таможенная, податная системы, народное образование, строй управления и политики одинаково отражали переходный характер эпохи.

Собственный путь развития.

§ 19. Феодализм в Китае.

На огромном теле Китая можно учиться чему угодно. Географии, потому что редкая страна может показать такое разнообразие географических форм. Можно и социальной науке, потому что Китай пережил решительно все формы социально-экономического развития (до капитализма), какие полагаются и науке политической экономии. Все пережитые времена оставили свой след в жизни, в законодательстве, в литературе. От каждой имеются в том или ином углу Китая обломки или остатки, иногда весьма значительные.

Затем, следует иметь в виду, что китайский народ, благодаря особому (счастливому или несчастному, это другой вопрос) расположению своей страны в стороне от великих мировых путей древности и средних веков, ни разу не столкнулся серьезно ни с торговлей, ни с культурой, ни с оружием Египта, Персии, Греции, Ислама, ни даже соседней Индии, ни средневековой Священной Римской Империи. Ни одно из атлантических государств, гремевших в древности и в средние века, не имело сколько-нибудь значительных сношений и тем более крупных схваток с Китаем, который глядится в воды Тихого.

Народ Китая имел дело, и много всякого дела, лишь с кочевыми или полуземледельческими племенами Средней, Северной Азии, Малайских островов, как раз с племенами, у которых китайцам почти нечему было научиться. Китайцы были учителями многих диких народов; но их собственное развитие можно считать почти совершенно самостоятельным, вплоть до нашествия европейцев в 18-м веке по р. Х.

Вследствии огромных размеров страны, вследствии ее уединенности, вследствии понижающего влияния соседства с кочевниками, социально-экономическое развитие Китая шло чрезвычайно медленно, не похоже на ускоренный ход, почти бег событий в Западной Европе. Во второе тысячелетие после р. Х. развитие пошло совсем медленно, как-бы застывая. Тогда-то

страна начала подлинно заслуживать свою европейскую репутацию „неподвижного Китая".

Китайцы, можно думать, пришли из Иранского плоскогорья (Персия) через Восточный Туркестан, к реке Хуанхэ. Эмигранты, двигаясь через неизвестные и враждебно настроенные земли, вели усиленную борьбу с туземными племенами, чьи названия затерялись в глуби тысячелетий. В первое, самое трудное время, у пришельцев существовали централизация власти и выборное начало. Родовые старейшины (Бо-Син, древнее название Китая, означает „сто семейств") составляли вече при выборном князе (легендарные императоры Яо, Шунь, Юй стали в китайской философии и истории олицетворением идеала правителя). Земля, очевидно, была поделена между завоевателями по родовому признаку, при участии, и может быть по указаниям князя.

Двор с китайскими экзаменационными будками.

Затем, когда туземцы стали везде отступать, китайцы принялись воевать уже не целым войском, а отдельными отрядами, в разное время. То там, то сям возникали более культурные, уже прочно осевшие на земле, клочки китайского населения, которые подчиняли туземные племена и, смешиваясь с ним, образовывали характерную группу, а в административном отношении удельное княжество. С этого времени центральная власть потеряла свое значение, как орган объединенного завоевания, во главе которого должно было стоять лицо, наиболее выдающееся. Власть начала дробиться, становясь в то же время наследственной, лишь освящаемой верховной властью богдыхана. Таким образом, было положено начало удельной системе с большим количеством (до 71) княжеств, в первое время разделенных землями туземцев. Затем, по мере подчинения последних, владения отдельных княжеств начали соприкасаться. Пошли войны между княжествами. Так как окраинные княжества усиливались все время, продолжая свою завоевательную политику, то в начавшейся борьбе должны были выйти победителями

более вотчинные и сильные владения (то же, напомним, было точь в точь в средневековой Германии, расширявшейся за счет славянских племен). Этим было положено начало об'единению Китая.

В удельный период единственным владельцем земли считался князь удела как и в большинстве европейских стран в начале феодального периода. Это не нарушало, вестами, семейно-родового порядка землепользования. За пользование землей князь взимал барщиной довольно скромной, на основе своеобразной „колодезной системы". Каждая квадратная „ли" пахотной земли, равная 900 „му", делилась на 9 квадратов по 100 „му". Наружные квадраты по 100 „му" были временно в частной собственности отдельных семей; под усадьбы и огороды отводилось из внутреннего квадрата на каждую семью по с половиной му, остальные 80 му подлежали общей обработке, и доход с них обращался в пользу князя.

Внутренность экзамен. будки.

В удельный период китайской истории выдвигаются на первый план „сеймы" князей. По своему характеру они были совершенно подобны с'ездам русских князей удельного периода. Сеймы понемногу начали заменять императорскую власть. Но и китайские сеймы, как и сеймы всех других стран в удельный период феодализма, были бессильны прекратить раздоры и войны между самими феодалами, между владетелями отдельных уделов.

В четвертом веке до р. Х. Китай стал переходить к частной собственности на землю, под непреодолимым давлением экономических условий. Проводником этой земельной реформы явилась, сначала в своем княжеском уделе, затем в широком масштабе, династия Цинь, положившая конец удельным междуусобиям и об'единившая Китай. Северный удел Цинь, повел во всех отношениях решительный курс на реформы и новизну. Мы сказали-бы, сравнивая с ходом европейского развития, что князья Циньского удела взяли за три—четыре столетия до р. Х. курс на **буржуазный строй**. Реформы циньского первого министра Вэй-Яна осуществили **первую в мире программу буржуазного переустройства страны.** Сам Вэй-Ян попал на службу циньского князя потому, что князь, нуждаясь для своих завоевательных целей в способных помощниках, об'явил, что примет любого дельного человека, не взирая на его прохождение. Вэй-Ян 359 г. до р. Х. провозгласил следующие интересные законы, открывшие к власти и почету дорогу не дворянам (до того и впоследствии в Китае было 5 степеней дворянства), простым „буржуа" города и деревни. Совсем маленькая буржуазная конституция.

Программа Вэй-Яна состояла из 4 главных пунктов: 1) награды и служебные отличия назначались исключительно за заслуги. Родственники князя лишались всяких привилегий и должны были только личными своими качествами выдвигаться; 2) введена строгая ответственность перед законом, за ук-

рыватольство полагалось тоже наказание, что за преступление; 3) были приняты меры к поднятию народного трудолюбия, а именно были установлены облегчения для трудящихся и наказания для тунеядцев (последние обращались в рабов): 4) было установлено более рациональное распределение податей, в смысле их уравнения.

Результаты этих законов, как рассказывает китайская история, оказались поразительными. Удел Цинь настолько окреп, что соседний удельный князь, чтобы обезопасить себя от Цинь, приказал построить на границе своих владений стену.

Мандарин.

Не помогла и стена. В сто с чем-то лет Цинь покорил все остальные уделы. Завершивший об'единение Китая циньский князь присвоил себе название Ши-Хуань-ди, то есть „первый император", как будто до него никого не было. Ши-Хуань-Ди был военным гением на манер Наполеона и крутым реформатором на манер нашего Петра Великого. Жестокостью он превзошел Иоанна Грозного. По словам китайских историков, он обезглавил более 1.400,000 человек, не считая его противников, павших в битвах. С удельными князьями он расправился свирепо.

Цинь-Ши Хуань-Ди (Первый Небесный Император) разделил всю империю на 36 областей (провинций), в целях укрепления правительственной власти. Такая мера напоминает декрет французской революции, уничтоживший (в 1790 г. после р. Хр.) старое деление Франции на феодальные владения, графства, княжества, герцогства, заменивший их департаментами (губерния по нашему), управляемыми чиновниками. Французская революция, как и китайский император, имели в виду новым делением страны разрушить старые, укрепить государственную власть в противовес феодалам.

300—400 лет спустя, то есть, примерно, в первые века христианской эры, установлен был другой закон, ясно указывающий на конец политической мощи

феодалов. Этим законом введены литературные экзамены на чин мандарина. С тех, видимо, пор повелось в Китае, что любую, сколько нибудь важную должность, может занимать только выдержавший экзамен на ученую степень мандарина. Экзамены производились по указаниям и под надзором императора. Ни богатство, ни владение большим земельным имуществом, ни даже военные заслуги не давали никому в Китае, с тех пор и до самого 1905 г., права занимать государственные должности. Очевидно, этот закон явился страшным ударом по политическому могуществу феодалов—он вырвал из рук исключительное право на государственные должности, на суд и управление, словом на политическую власть.

Леса. Охота феодала.

Должно быть, феодалы не оставались в долгу, потому что следующие семь сот лет ознаменованы в Китае ожесточенной внутренней борьбой. Она закончилась тем, что феодалы потеряли свою последнюю-твердыню—владение земельной собственностью. При династии Танов установлен основной земельный закон. Отныне государственные земли не подлежали больше продаже, а частные поместья, превышавшие известный размер, перешли в собственность государства. Установлено на все времена, что оставленное в течение 3-х лет без обработки поле может быть конфисковано, свободно лежавшая земля может быть занята каждым, кто докажет наличие средств для обработки. Законом все земли переданы в вечное владение крестьянским общинам на семейно-родовом начале. Неограниченное господство феодалов рухнуло. Облегченное крестьянство принялось с новой энергией за обработку огромной страны. К последующим столетиям относится, между прочим, массовое истребление лесов в Китае. При феодализме существовали бесчисленные заповедные леса, служившие для охоты больших и малых феодалов. В китайских записях того времени имеются указания на многочисленную лесную стражу. После падения

феодальных княжеств обычай охотиться быстро вывелся. Драки феодалов между собой кончились, также как охотничьи выезды. Жизнь стала спокойнее, мирнее, и под сенью мира крестьянское население Китая множилось с неслыханной быстротой. Через несколько сот лет от густых лесов Центрального и Северного Китая ровно ничего не осталось; весь лес пошел на жилища и поделки для многомиллионных масс. Та же после-феодальная эпоха положила начало перенаселению Китая.

§ 20. Неразвитость торгового капитализма.

По многообразным причинам внутреннего и внешнего свойства, дальнейшее развитие остановилось в Китае на полдороге.

Дело зашло и в Китае далеко, но не так далеко, как в Европе.

Феодалов не стадо. Они перестали тяготеть над китайским крестьянином и горожанином. Семейно-родовая община в каждой деревне стала полной хозяйкой своей земли и своей рабочей силы. Городские гильдии (корпорации) и ремесленные цехи в городах Китая освободились от прихотей феодальных соседей.

Но, с другой стороны, торговое сословие Китая никогда не проникло со своими товарами, заказами, требованиями и понятиями так глубоко в китайскую деревню, как торговый капитал европейских стран в европейскую деревню. Китайский торговый капитал и после падения феодального строя **не заменил феодала в его отношениях к деревенской общине.** Торговец не подточил сколько-нибудь заметно власти рода и „стариков" в китайской деревне, отца семейства в семье. Китайская деревня осталась и по крушении феодального строя сравнительно мало связанной с городом, и продолжала жить весьма замкнутой натурально-хозяйственной жизнью до самого прибытия европейцев в страну, да и десятилетия после того.

Судя по нынешнему состоянию дорог в стране, падение феодализма не отозвалось в Китае бурно-стремительным ростом торговых сношений внутри страны. В европейских странах победа торгового капитализма над старым феодальным укладом жизни сопровождалась большим оживлением внутренней торговли, которой до того препятствовали опека, эксплоатация и своеволие феодалов. В Европе именно в ту пору началась усиленная прокладка всякого рода колесных и водных дорог; по этим дорогам потянулись обозы из всех местностей, даже самых захолустных, в главные города европейских стран; из столицы и других городов расползались по всей стране всякого рода ремесленные изделия, а также королевские охранные отряды. В странах Европы за падением феодализма быстро последовало тесное об'единение всей страны нитями торговли и всяческих хозяйственных сношений. Там, в Европе, торговые города быстро присвоили себе власть над округой, которую раньше имел феодал. В Китае же все описанное произошло, очевидно, в гораздо более слабой степени, чем в Европе.

Весьма вероятно, что в этом сыграли также большую роль огромные пространства Китая. Китай во много раз больше Англии, или Франции, или Германии, то есть тех стран Европы, о которых мы говорили выше. Связать столь огромные пространства многочисленными колесными дорогами, удобными для торговли—дело крайне трудное, оно оказалось непосильным. Железные дороги выдуманы, ведь, людьми не так давно и выдуманы европейцами. Китайцы давно и самостоятельно, гораздо раньше европейцев, открыли мно-

гие полезные предметы, например порох, сделали важные изобретения, например, книгопечатание, паровую машину; но железная дорога пущена в ход все-таки, не ими, а в Европе (в Англии).

§ 21. Хозяйственная раздробленность.

а) Денежная система.
б) Внутренние таможни.
в) Податная система.

Без хороших путей сообщения, без всеобъемлющей внутренней торговли Китай и после падения феодализма не мог быстро, или не мог вовсе, стать цельным, крепко спаянным государством. Европейцы, прибывшие в Китай в 15—17 веках по р. Хр., то есть сотни лет после перехода помещичьих земель в руки крестьян, не увидели уже настоящих феодалов, но не увидели и об'единенного по настоящему Китая. Вместо прежнего бесчисленного множества феодальных владений они нашли страну, подчиненную одному властителю—богдыхану (императору), пребывающему в Пекине, и тем не менее слабо спаянную внутри и в хозяйственном, и в политическом отношениях.

а) Денежная система.

Европейцы поразились прежде всего обилию всякого рода денег в Китае. Нам кажется простой вещью, само по себе понятной, что в одном государстве должны везде ходить одни и те же деньги. В Китае же мы сейчас

Кит. сер. монета 1-20 цен.

Китайск. медн. мон. „Чох".

Китайский Таян.

найдем с добрую сотню всякого образца монет, слитков, не считая 170 слишком образцов бумажных денег.

Если вы заработали, например, в одном городе Китае 100 „тэйлей", то в другом городе их обменяют только на 97 тэйлей; в третьем могут

предложить 107. Серебряные слитки, весьма ходовые в китайской торговле, имеют сегодня в одном месте одну цену, завтра и в другом месте другую, даром, что вес и качество серебра остались те же. Нечего уж говорить о бумажных деньгах, выпускаемых различными банками и властями в разных городах и провинциях. Эти бумажки впрочем, также, как металлические серебряные деньги (доллары, тэйли) везде принимаются и расчитываются только **по курсу**, меняющемуся изо дня в день, из города в город. Десятки и сотни тысяч менял и меняльных лавок, больших и малых, во всех без исключения городах Китая, с утра до вечера высчитывают, расценивают и спекулируют на разнице между деньгами разных провинций, на „разнице" между таким-то и другим тэйлем, между „крупным„ долларом и „маленьким" долларом, подлежащим размену на сто двадцать „маленьких" сент вместо ста „крупных" сент, между „маленьким" долларом и медными деньгами бесчисленных выпусков и образцов. Китайский крестьянин, отправляясь в город продавать или покупать, должен хорошо знать те сорта бумажек и монет, которые можно и нужно держать в данной местности, должен справиться в меняльной лавке о курсе даже местной монеты. Поехав в другой город или в другую провинцию, крестьянин совершенно растеряется, если не будет держаться крепко за полу менялы или посредника.

Европейцам не трудно было понять причину этого обилия и разнообразия денежных знаков. Стоило им только вспомнить, что происходило в самой Европе в добрые дни феодального строя, или, лучше сказать, на последней грани феодализма, когда еще многие князья и герцоги Европы имели право чеканить каждый свою монету, а торговые города выпускали в обращение каждый в отдельности свои монеты и бумажки. Тогда, в Европе, такой порядок мог держаться потому, что люди сравнительно редко выезжали из одного феодального владения в другое, редко покидали пределы своего города или округа для торговых сношений. Лишь только в Европе сильно развилась торговля и лопнули феодальные связи, весьма скоро центральные правительства (каждой страны) отобрали в свою исключительную собственность право выпускать деньги, наравне со всеми прежними правами феодалов. Этим правительства доставили населению ценное удобство пользоваться во всей стране деньгами определенного вида и качества, исходящими из одного определенного источника, а именно от верховной государственной власти. В Китае же, к своему немалому изумлению, европейцы встретили картину, уже совершенно забытую в Европе. Это доказывало, **что в Китае нет прочной хозяйственной скрепы, связующей воедино всю страну.** Европейцы уразумели, что в сущности каждая китайская провинция также мало сносится с другими, как мало феодальные владения Европы сносились одно с другим в доброе старое время.

б) Внутренние таможни.

Европейцы замечали повсюду еще и другой видимый знак хозяйственной раздробленности Китая. „Ликин"—налог, о котором мы имели уже случай писать выше, взимается в Китае при перевозке товара из одного города в другой, из одной провинции в другую. Товар, даже не выходя из пределов одной провинции, пройдет 2-3 таможенных заставы, причем торговцу придется уплатить не менее 10% стоимости товара. При перевозке товара из одной провинции в другую, или через несколько провинций, таможенная пошлина добежит уже и до 15—20%. Не всякий товар выдерживает такой

накладной расход. Несомненно, что взимание ликина в высшей степени затрудняет внутреннюю торговлю в Китае. Чуть товар сдвинется с места, платн большой ликин, не говоря уж о трудности и дороговизне товарного движения по скверным дорогам Китая. В Европе когда-то существовали во всех внутренних странах внутренние таможенные заставы того же рода. Но рост сношений в эпоху капитализма смел с путей внутренней торговли европейских стран эти шлагбаумы, как смел перед этим феодальные и просто разбойничьи заставы. Зная, какие массы товаров ежечасно провозятся по колесным, водным и железным дорогам любой европейской страны, и с какой быстротой, нельзя даже представить себе теперь в Европе что-нибудь вроде взимания внутреннего таможенного налога. В один какой нибудь месяц такая штука разрушила бы народное хозяйство любой европейской страны. Отличный пример дан французскими таможнями в Руре. Они губили всю хоз. жизнь Германии и Средней Европы. Между тем, в Китае с ликином живут, хотя, разумеется, внутренняя торговля страдает немало. Это обстоятельство дало европейцам верное представление о слабости и неразвитости китайской внутренней торговли, которая может мириться с такой вещью, как ликин. Или, иначе говоря, о том, на сколько китайская деревня все еще живет замкнутой жизнью натурального хозяйства.

в) Податная система.

С того момента, когда европейское военное судно впервые пристало к берегам Китая, и вплоть до настоящего времени, европейцы наблюдают земельное право и земельную налоговую систему, которые носят на себе очень явный и яркий отпечаток переходной от феодализма эпохи.

По воззрению китайцев, вся земля в стране является собственностью государства. Вряд-ли был издан когда-нибудь указ о национализации земельной собственности. Но просто земля отобранная когда-то императорским указом у феодалов, так и не получила дальнейшего движения.

Фактически и практически китайский земледелец распоряжается своим участком вполне бесконтрольно, вправе его закладывать и переуступать. Право государства на землю проявляется в двух видах. Во-первых, государство может для своих надобностей просто отобрать землю от владельца, уплачивая ему всего лишь половину действительной стоимости, и то скорее, как „утешение" за причиненное огорчение, чем как выкуп. Во-вторых, государство взимает с населения поземельный налог. Здесь надо иметь ввиду, что китайское правительство до самого последнего времени не считало себя вовсе обязанным оказывать населению те или иные производительные услуги, скажем, строить дороги, урегулировать торговлю, учреждать школы, содействовать промышленности и т. п. Центральное правительство защищало страну от внешних нападений и только. Итак, правительство взыскивало налог не как вознаграждение за свою деятельность на благо страны, а как плату за пользование принадлежащей государству (до революции императору) землей, бывшей феодальной.

С точки зрения китайского закона совершенно безразлично, кто владеет землей. В так называемых кадастрах (земельных списках) записана земля, а не ее временный владелец. Человек умирает, земля не может исчезнуть. Императорская (теперь республиканская) казна должна получать свой феодальный оброк с определенного количества земли определенного

качества, засеянной определенным хлебом. Дальнейшее —как и что—касается местного начальства и населения.

Остается прибавить, что поземельный налог взыскивается способами, отсталыми по технике и хищными по выполнению. Эти приемы не могут не напомнить практиковавшегося в крепостной России и во всех феодальных странах Европы способа выколачивания податей.

В теории взимание поземельного налога очень простое. Налог сравнительно невелик по размерам, опять-таки в теории. В 1644 г., когда последняя маньчжурская династия только что заняла престол Китая, она назначила твердые и довольно низкие ставки налога раз навсегда, с тем, что они не могут быть никогда повышены. На практике население платит, по вычислениям европейцев, ровно в три разабольше основного, неизменного оклада.

Налог взимается особыми сборщиками под руководством уездного начальника. Сборщик не состоит на жаловании. Он сам должен выколотить и налог для казны, и набавку для себя, еще кое-что для уездного и высших чиновников. С этой целью сборщик податей идет на всевозможные ухищрения и насилия. Как общее правило, сборщики неправильно исчисляют курс различных денег при переводе из одной денежной единицы в другую, пользуясь чрезвычайно сложностью китайской денежной системы. Китайскому сборщику ничего не стоит обобрать до чиста крестьянина, не сумевшего или забывшего приготовить деньги к сроку (2 раза в год). Сплошь да рядом забирают единственный чугунный котел, в котором семья готовит себе пищу.

Поземельный налог—единственный сколько-нибудь серьезный налог не только в старом Китае, но и в послереволюционном. Он составлял главный доход полу-феодальной императорской власти. Встарь от характера императора, от его силы и авторитета зависел размер той части налога, которая доходила до Пекина. Это положение сохраняет силу и при республике. Местные чиновники, затем высшие провинциальные власти задерживают ровно ту часть налога, какая прилипнет к пальцам, какую могут оставить у себя для личных или общественных нужд, без того, чтобы вызвать гнев и кару Пекина. При слабой центральной власти до Пекина доходят лишь крохи; сейчас вместо 500 млн. рублей только 50 млн. в год; провинции бесконтрольно расходуют поземельный сбор, даже занимают деньги под него, и ссужают деньгу друг другу.

Поземельный налог, даром что небольшой по размерам, в теории считающийся и с плодородием почвы и с общей доходностью участка, вызывал во все времена массу народных волнений. Грабительство сборщиков и чиновников, неопределенность денежного курса и т. д., делают налог не определенным по размеру, оскорбительным для народного чувства справедливости. Китайский крестьянин отвечал бесчисленными восстаниями, проводившими несколько раз даже к разделу империи. Тем не менее, всякий раз, когда буря стихала и народ возвращался к повседневному труду, эта ужасная налоговая система, связанная с общей ужасной системой управления страной, возобновлялась почти в старом виде. Отсталая, застойная экономика полу-феодальной страны не давала, видимо, никакого исхода ни казне, ни населению.

Не только денежная система и налоги, но в такой же степени вся хозяйственная жизнь страны носят на себе ясную для европейского глаза печать раздробленности, внутренней несвязанности, застойности, каким страдала

Европа в конце феодального периода своей истории, на пороге торгового капитализма. Тоже наблюдается в области административной, умственной и политической жизни.

Здесь нелишне заметить следующее. Все сказанное выше о хозяйственной жизни старого Китая,—самобытных путях его развития, и то что будет сказано в следующей главе об административном, судебном, политическом строе старого Китая—все это вовсе не одна лишь старая быль, не только история. Провозглашение республики в 1911 году не изменило по щучьему велению лица старого Китая. 12 последующих лет многое изменило, но все же старое живо в разных областях страны и народной жизни, под новой или даже старой вывеской, причудливо переплетаясь и споря с новыми веяниями.

§ 22. Мандарин на место феодала.

Чиновная бюрократия—мандарины—заменила в Китае класс феодалов. Чиновники, а также ученые, были постоянными и вернейшими помощниками императоров в их борьбе с феодальной знатью. Они плотной стеной окружали трон.

Разрушив могущество феодалов, мандарины присвоили себе большинство феодальных привилегий, переначив их, мы сказали-бы, на буржуазный лад. И сейчас, вплоть до наших дней, мандарины упорно борются за свое первенствующее положение против растущих сил новой жизни.

Мандарин по своему положению, своим правам и правам был тем же старым феодалом, с тем различием, что путь к званию мандарина вел через учение и через милость монарха, а не через знатное происхождение.

Доступ на чиновничью службу еще со времени Ши-Хуан-Ди открыт в Китае для каждого желающего. Исключение составляли только сыновья проституток, актеров, цирульников и некоторых других недостойных в глазах китайцев профессий. Всякий мог стать мандарином, стать кем угодно, от уездного начальника и включительно до вице-короля, управляющего неограниченно несколькими провинциями. Любой чин, любая степень могли быть достигнуты личным трудом каждого, кто сумел овладеть необходимыми познаниями и выдержать экзамены.

Женщины начинают, и очень понемногу, проникать на государственную службу только в настоящее время.

Гражданскими чиновниками в Китае назначались только лица, прошедшие ученый искус и выдержавшие государственный экзамен. Так было до самой реформы 1905 г.

Мандарины до последнего времени не получали ни жалования, ни денег на расходы по управлению. Им отдавались, как-то было и в России при московских царях, уезды, округа, провинции и целые вице-королевства „на кормление". В последнем столетии (это ведется и до сих пор, под иным названием) стала обычным явлением покупка должностей. Получивший ученую степень, приобретавший таким образом право занять должность, затем эту самую должность покупал за деньги. Платили и платят многие тысячи китайских тэлей и долларов, смотря по рангу должности. Если нет своих денег, кандидат на должность может легко занять у торговых фирм под будущие доходы.

Такой порядок и считается в Китае, вообще говоря, в порядке вещей, и редкий смотрит на это косо. Чиновник должен, ясное дело, вернуть сумму ссудившим фирмам. Кроме того, он должен отложить себе что-нибудь

„на старость" и на случай выхода в отставку. Тем более, что срок службы на одном месте ограничен законом. Второй раз могут не послать „на кормление". Итак, самый справедливый мандарин (и современный чиновник все равно, как бы он теперь не назвался) имеет доходы, взимает непредусмотренные законом поборы. Если чиновник ограничивается так сказать „законными" поборами и не занимается вымогательством, если он учен, мудр и справедлив в судебных решениях, он может подчас заслужить хорошее отношение населения. Последнее в некоторых случаях добровольно подносит отъезжающему чиновнику красный шелковый „зонтик от тысячи народа". Это уж совсем хорошо, большая честь для чиновника и его рода. Но как правило, китайские чиновники были и есть вымогатели, взяточники, грабители населения; последнее, как правило, чиновников ненавидело и ненавидит.

Боится и ненавидит, но не презирает. Ибо китайский мандарин издревле и поныне всевластен. Мандарин не имел надобности, подобно российским чиновникам дореформенных времен, гнуть шею перед помещиком—крепостником. Китайские мандарины с феодалами покончили, идя рука об руку с императорской властью. Чиновники до известной степени считались и считаются с торговыми корпорациями, с влиятельными родами землевладельцев и т. к. Но только до известной степени.

Безответственный перед населением, китайский чиновник был сугубо ответственен перед начальством. Китайская теория ответственности была весьма проста. Чиновник, начиная с урядника и кончая вице-королем, отвечал за все, происходящее в его округе или участке. Чиновник в теории „отец народа", и от него требуют абсолютной предусмотрительности и полного всеведения. Чиновник обязан все предусмотреть. Он также отвечает за все последствия, как глава семьи за семейные дела, или как феодальный владелец за все события в поместьи. Извинения неведением и прочие отговорки одинаково неуместны в трех перечисленных случаях.

Помимо системы наказаний за неблагополучие вверенного района, существовали еще (отчасти сохранены и ныне) специальные мероприятия, так сказать, предупредительного характера, предназначенные сдерживать неисправных чиновников и ликвидировать зарвавшихся. Мандарин не должен был служить в своей провинции, для того, чтобы он был совершенно беспристрастен и избегал фаворитизма. Встарь чиновник не мог служить на известной должности более трех лет. Исключение делалось только для наиболее выдающихся лиц. Была узаконена система доносов, существующая и поныне. Ни один самый высокий чиновник не избегал более или менее негласной цензуры доносов. Особые цензора следили по долгу службы также за деятельностью всех чинов, вплоть до императора. В важных случаях, если у них хватало мужества, они доносили самому императору об его собственных упущениях и грехах. Во всяком случае, они все грехи монарха записывали в историческую летопись династии, в назидание потомкам.

Сложная система бюрократического госконтроля на деле действовала и действует очень плохо. Китайский чиновник очень свободен в своих действиях, слишком свободен. Между тем размеры его власти чрезвычайно широки. Он и администратор, и судья, и жрец. Мы уже говорили об его роли жреца. По судебной части мандарин одновременно и судья, и следователь, и прокурор, и защитник, если ему угодно. Выходит суд, правда, очень дешевый, что ценится бедным и экономным населением Китая. Зато судья полно-

властей. Все в его руках, а эти руки на редкость цепки. Судиться для китайца зачастую означает разорение, даром что судебные пошлины и законные расходы невелики.

Китайскому судье предоставлен самый широкий простор. Он считается с примерами из прошлого, со своей совестью и умом, если таковые есть. Он неограничен бесчисленными формальными нормами судопроизводства, которых принужден придерживаться европейский судья. Самый скромный уездный мандарин мог и может назначить наказание вплоть до смертной казни.

Смертные приговоры, однако, подлежат утверждению Пекина. Всыпать изрядную порцию бамбуков—это полное право мандарина, которым он широко пользуется даже в ходе судебного следствия. Но бамбуки „в следственном порядке" не позорят допрашиваемого—он не „теряет лица"

Отметим при этом случае прославленную жестокость китайских судебных наказаний и китайской тюрьмы до самого последнего времени, а в глухих углах и ныне. В этом отношении китайцы превзошли даже пытки и наказания феодальной эпохи в Европе и в России. Древнейшие китайские наказания шли в таком порядке: клеймение, отрезание носа, удаление коленных чашек, оскопление, смерть (путем обезглавления или путем умышленно медленного разрезания на мелкие куски). Надо полагать, что все эти наказания еще и сейчас существуют в разных углах Китая. До недавнего времени было весьма распространено одевание преступнику на шею тяжелой деревянной колодки, с которой он не расставался ни днем, ни ночью. Китайские тюрьмы и места изощренной следственной пытки представляли собой действительно „сад пыток", как образно назвал их один европейский писатель.

Имея обширную власть править населением, судить его, разорять, пытать, мандарин прошлых времен, да и современный, имеет для собственного вразумления и руководства только учение древних мудрецов, Конфуция, главным образом, дополненное и разработанное бесчисленными последующими комментаторами. Китайский чиновник не получает специальной подготовки, скажем, юридической. Его ум воспитан на философии и истории былых времен, разных эпох китайского развития. Одне и те же древние книги питают ум образованного китайца, в том числе всего чиновного сословия, со школьной скамьи и до могилы. Усерднее всего изучивший бесчисленные книги попадал в Хань-Линскую академию, откуда для наиболее успевающих раньше путь вел в вице-короли. Как не относиться к исторической и социальной мудрости, записанной в китайской ученой словесности, последняя все же не могла заменить знание живой жизни. Этого знания от кандидата в мандарины экзаменующие не требовали. Впрочем, изучение словесности поглощало без остатка все физические и душевные силы китайского студента, кандидата на ученую степень и на должность.

Что бы ни делал мандарин на практике, он особенно заботился лишь об одном: чтобы его действия имели вид законности, чтобы они по форме хотя примыкали к древнему преданию, так, чтобы не уронить репутации своей учености и верности учению.

По китайским понятиям мандарин должен был показываться народу только на торжественном паланкине (носилках), во всем официальном величии сана, суровым, бесстрастным. Мандарин, соединяющий в одном лице и ученость и власть, был в глазах старого Китая олицетворением мощи, высшим идеалом человека. Как ни стремятся китайцы к личной прибыли (пого-

ловно), что самый богатый купец считал ученого и властного мандарина выше себя. **Эта любопытная черта говорит о том, что мандарин унаследовал былой авторитет феодала и говорит о неспособности класса китайских капиталистов занять положение в общественной иерархии, оставленное феодалами.**

§23. Джентри.

Старинные мандаринные и нынешние чиновники принадлежат к китайской интеллигенции к, т. н. „джентри". Сюда же примыкают школьные учителя, некоторые категории жрецов, ученые словесники, не занимающие почему либо должностей, но имеющие требуемый умственный ценз для мандаринства. Вся местная интеллигенция обычно держится вместе, образуя сплоченные ассоциации. Мандарин выручает учителя в трудных случаях, учитель поддерживает авторитет мандарина. Промежуточный слой интеллигенции в других странах везде обслуживающий разные классы и преимущественно класс господствующий в Китае, этот слой волей судеб оказался сам на несколько столетий господствующей группой.

Надо признать, что интеллигенция служила и служит цементирующим элементом в неспаянном целом Китае.

Взять, например, книги и письменность, которые составляют духовную пищу этой интеллигенции и через нее передаются разным слоям населения. Китайские иероглифы замысловатыми и трудными начертаниями стали нарицательной „китайской грамотой". Годы и десятки лет уходят у китайцев на изучение одной лишь азбуки. Однако, нельзя упускать из виду, что эта иероглифическая, бесконечно трудная письменность есть единственная, которая понятна китайцу любой провинции. Не всякий понимает, и далеко не всякий способен изучить большое число иероглифов. Все же мандарины, учитель, ученый словесник любой провинции разбирают официальные указы, напечатанные в пекинской официальной газете, умеют читать одни и те же книги. В Китае нет единого народного языка. Есть несколько десятков наречий (диалектов). Китайцы, собравшиеся из разных провинций в одно место, вовсе не поймут друг друга или поймут с трудом. Частенько такое собрание пользуется услугами переводчика. Но собравшиеся, если они грамотны, могут прибегнуть к иероглифам, тогда они поймут друг друга. Даже японец, затесавшийся в это собрание и не знающий ни слова по китайски, сумеет об'яснить свою мысль присутствующим, пустив в ход иероглифы. (Японцы заимствовали свои иероглифы у китайцев). Начертание каждого иероглифа, понятное глазу, если даже его произношение неизвестно уху, выражает определенное, всем известное понятие.

„Четверокнижие" и „Пятикнижие" книги, содержащие мудрость древних философов, суть точно также единственные книги, читаемые во всем Китае от края до края. Эти же книги оказали огромное влияние на религию и философию Японии. Книги об'единяют умственную жизнь китайских провинций, далеких друг от друга. Чиновник, переезжавший из одного округа в другой, из одной провинции в другую, и везде олицетворявший единую волю центра, затем странствующий учитель и, наконец, всюдесущие книги мудрецов—вместе взятые, они составляли три единую скрепу Китая. Скрепу далеко недостаточную, как недостаточно странствующего торговца для об'единения экономики разных углов страны.

С нашей, европейской точки зрения в китайской премудрости Четверо-и Пятикнижия также мало сейчас толку, как мало удобств для читателей и пишущих в китайской грамоте иероглифов. Русский или европеец, присмотревшийся к китайской жизни, поражается невежеству учителей, которые в глубине Китая и сейчас еще считают арифметику ненужной „цифирью“, и совершенно равнодушны к прикладным и техническим наукам. Иностранная печать в Китае, не стесняясь, обзывает всех мандаринов невеждами, ни в грош не ставит их глубочайшее знание Конфуция и Менцзы.

Китайцы до последнего времени думали иначе. Чрезвычайно сильно было в старом Китае уважение к учености, даже независимо от почета и богатств, достигаемых знанием. Вот две иллюстрации:

Встарину нередко богатые купцы нанимали специально людей, которые собирали везде обрывки книг, газет, плакатов. Ибо бумага с напечатанными на ней иероглифами, независимо от ее содержания, по взглядам старого Китая была достойна всякого уважения и не должна была валяться.

В Китае до конца XIX-го века не было министерства народного просвещения. Народ привык издавна сам разрешать вопросы образования. Для устройства школы не требуется ни малейшего вмешательства или воздействия властей. Школа имеется в каждой деревне, население которой в состоянии нанять учителя. Учатся вместе дети (только мальчики) и состоятельных и бедных людей. Школы для девочек и девушек стали возникать лишь за последние 25 лет. Пока их ограниченное число. Тяга широчайших масс населения к грамоте была и есть беспредельна.

В истории страны один лишь решительный богдыхан Цинь-Ши-Хуан-Ди велел казнить 700 ученых и сжечь столько философских сочинений, сколько мог найти. Эти меры не помогли. Ученые и мандарины взяли впоследствии верх и прокляли память Ши-Хуань-Ди. Народ, забывший давно миллионы жертв этого кровавого императора, до сих пор помнит сожжение книг. Жрецы‘ ученые, учителя и мандарины доселе позорят память Ши-Хуань-Ди за это дело.

В настоящее время республиканское правительство Китая, заодно с частью китайской интеллигенции и новой буржуазии, стремится обновить учение Конфуция, чтобы сделать его господствующей религией, скрепой нарождающегося капиталистического Китая, в противовес влияниям Европы, Америки, Совроссии.

§ 24. Политическая раздробленность.

Промежуточное социально-политическое состояние, в котором европейцы нашли Китай, в котором стране суждено было оставаться до самого конца прошлого 19-го столетия, рисовалось приблизительно в следующем виде:

В Пекине, в главном городе Северного Китая, пребывало правительство богдыхана (императора), считавшегося повелителем всего Китая. С 1644 по 1911 г. в Китае царила чужеземная династия маньчжурского происхождения. Власть маньчжурских императоров была подлинной военной диктатурой; маньчжуры принуждали к повиновению все провинции Китая, имея к своим услугам многочисленную обученную армию. Маньчжурские войска стояли гарнизоном во всех провинциях Китая, кроме шести. Множество маньчжуров, считавшихся на военной службе, проживало в Пекине на постоянном жаловании богдыхана. Всякий маньчжур мужского пола считался ратником ополчения: все способные к военной службе маньчжуры призывались в действующую армию.

И солдаты действительной службы, и ратники-маньчжуры были записаны в одно из восьми „знамен“; все войско известно под названием „знаменных войск“. Частями „знаменных войск“ расположенными в любой провинции командовал „чаньчунь“, т. е. военный губернатор, назначаемый обязательно из маньчжурских генералов. В довершение к этой стройной и в свое время грозной военной организации императоры маньчжурской династии распола-

Китайский солдат и офицер.

гали также громадной числом, стройной чиновничьей армией. Чиновники от низших и до самого высокого мандарина, проходили систему экзаменов; все чиновничье сословие было таким образом в руках экзаменаторов, назначаемых в конечном итоге императором. В высшем чиновничестве маньчжуры играли первенствующую роль. Мало того, закон не дозволял чиновнику находиться на государственной службе в его родной провинции. Укоренившийся обычай предписывал перемещать чиновника на другой пост после трех лет службы на одном месте. Вместе взятые эти меры отрезывали чиновника от местного населения, затрудняя до чрезвычайности сговор чиновничества с местным населением против власти императора и власти маньчжуров.

Разумеется, суровая военная диктатура чужеземцев вытравила в Китае за несколько сот лет всякие воспоминания о феодальном своеволии. Но даже правительству завоевателей—отчасти как раз потому, что завоевателей—не удалось утвердить глубокую и тесную связь, политическую и экономическую, между центральной властью монарха и толщей населения сел и городов. Такую тесную связь мы наблюдали во всех государствах Европы после падения феодального строя. Мы не находим ее в Китае.

Китайские императоры и в особенности маньчжурской династии, являлись, в конце концов, **самодержавными и всемогущими властителями только по внешности, формально.** По существу дела, отдельные провинции и даже части провинций сами разрешали свои дела, важные и мелочные. Все европейские наблюдатели говорят о неуверенной, слабой политике центрального китайского правительства, которое испокон века старалось поменьше вмешиваться во внутренние дела населения, довольствуясь по большей части

Суд мандарина.

внешним почетом народа, да исправным поступлением дани. Надо полагать, что эта терпимость выработалась нелегко у властолюбивых монархов, особенно из хищных династий завоевателей, монгольской и маньчжурской. Скорее всего завоеватели подчинялись необходимости, скрепя сердце. Любой император мог вскоре убедиться в трудности приблизить центральную власть к провинции, даром, что Пекин был начальством и грозой огромной чиновничьей армии, раскинутой по всей стране. Чиновник униженно падал перед императором и высшими сановниками. Зато, прибыв на место служения особенно в провинцию, удаленную от Пекина, чиновник становился „царем и богом" местного населения, и фактически переставал совершенно зависеть от центральной власти.

На месте службы чиновник быстро отрывался от указаний и власти центра и проникался местными интересами, в такой скажем, степени, как в старые времена феодальный помещик или князь. По долгу службы чиновник выполнял приказы центральной власти полицейского характера или по сбору налогов. В остальном он слушался „местных людей", предпочитая жить с ними в ладу, если разумеется, отношения не портились его чрезмерным взяточничеством или вымогательством. Кто были эти „местные люди"? Такие же влиятельные чиновники, но вышедшие в отставку и осевшие на родине, затем

представители старых, заслуженных чиновничьих, а также наиболее состоятельных именитых фамилий и, прежде всего, каста „ученых“, то есть получивших ученое звание после государственных испытаний, сделавшихся, благодаря этому, гордостью своего уезда или даже целой провинции. Собрания этих местных людей уездных и провинциальных „джентри (как их называют европейцы наанглийский лад), пользовал ись, если не по праву, то фактически почти не ограниченным влиянием. Ни одно из правительственных распоряжений или мероприятийне может быть проведено в жизнь в Китае, если оно не встретит поддержки со стороны „джентри“.Зная и учитывая это обстоятельство, чиновники, назначаемые в провинцию из Пекина, считаются с „джентри“ не менее, а более чем с центральной властью, стараются примкнуть к ним теснее, иметь с ними постоянно-действующее соглашение.

Китайские преступники.

Ни правительственные чиновники, ни местные джентри не имеют (до последнего времени) прямого хода в китайскую деревню. Последняя управляется своими старейшинами, стоящими во главе семейно-родовых союзов, в таком же, вероятно, порядке, как и в древние времена феодализма. Стоит указать на то, что во многих сельских округах Китая нет до сих пор даже намека на сельскую полицию. Некому собирать государственные или местные подати в деревне, некому проводить там закон, если сами старейшины не выполняют этого дела, по своему разумению. Вследствии того, что китайская деревня связана с городами хозяйственно и всячески гораздо слабее европейской, уездные и провинциальные центры не состоят ни в какой близкой связи, духовной или социально-политической, с окрестных деревенским населением. Чиновники и джентри сами по себе, деревенские общины сами по себе.

Деревенский Старейшина.

Вот характерное замечание английского наблюдателя о строе управления старого Китая.

„В Китае, говорит английский ученый Морзе, в течение столетий существует формально самодержавное центральное

правительство, действующее через чиновничество, которое, хотя и назначается самодержавным правительством, было и останется во многих отношениях независимым от него, и которое, хотя и происходит из народа, не имеет с ним никакой связи. В то же время народ, уплатив причитающиеся с него налоги, продолжает жить своею обособленной жизнью торговца, промышленника и крестьянина, пользуясь во всем существенном полной свободой, ничего не требуя, кроме только того, чтобы чиновничество оставило его в покое, и политически организуясь только с двумя целями—защиты или протеста или восстаний против возмущающих его действий чиновников".

§ 25. «Самостийность провинций».

Результатом и увенчанием описанных порядков социально-политической жизни страны явился сильнейший провинциальный сепаратизм, обособленность. Каждая провинция, особенно из числа более отдаленных от Пекина, в сущности считала (отчасти и считает) себя почти независимой единицей, и рассматривает жителей других провинций, как иностранцев. Провинциальный сепаратизм заходил иногда так далеко, что некоторые провинции во время войн Китая с другими государствами заявляли о своем нейтралитете (непричастности). Общегосударственная связь всего Китая, поддерживаемая преимущественно нападениями и насилием чуждых иноплеменных династий, не пустила глубоких корней в сознание китайских народных масс. Европейские ученые утверждают, что даже само слово „отечество" до самого последнего времени не существовало в китайском языке.

Тем сильнее связь уроженцев одной и той же провинции — земляков, по нашему. В Китае повсеместно существуют провинциальные клубы, об'единяющие жителей одной провинции, живущих на территории другой к. н. провинции. Клубы ставят своей целью защиты интересов земляков против покушений со стороны чиновников и местного населения. Клубы отлично свидетельствуют о силе и живучести связей, об'единяющих жителей одной и той же провинции, о могуществе **провинциального** патриотизма, любви к отечеству, **которым для среднего китайца является только его родная провинция**.

Некогда такой же узкий, местный патриотизм, такие же областные сепаратистские („самостийные") стремления жили в любом из государств Европы. В конце феодального периода, и некоторое время после, примерно, в 16—17 столетиях до р. Хр., жители, скажем, нынешней Франции, даром, что признавали власть одного и того же короля, но мало чувствовали себя французами. Люди тогда жили исключительно интересами своей области, называлась-ли она княжеством или герцогством. Спрошенный об его происхождении, любой тогда называл бы себя гасконцем, провансальцем или бретонцем и не откликнулся бы на имя француза, многие даже бы не поняли этого слова.

Во Франции, как и в других государствах Европы, успехи внутренней торговли, усиленное дорожное строительство, появление больших фабрик и многие другие обстоятельства потом быстро и крепко спаяли провинциалов, создав понятие нации. К концу 18 века, во время беспрерывных войн с соседями, ближними и дальними, жители разных областей Франции уже забывали понемногу о старых областных перегородках феодального периода, уже начали чувствовать себя французами, причем для большинства понятие отечества и Франции сливалось с понятием верности королю, господину и отцу Франции.

В Китае после падения феодалов и в этом об'единительном отношении, как и во многих других, развитие остановилось на полпути. Центральное правительство в Пекине страдало внутренней слабостью, потому что не опиралось на добровольную поддержку провинций. В этом обстоятельстве, между прочим лежит об'яснение того, что европейским торговцам и капиталистам удалось, как мы увидим дальше, так легко и с такими сравнительно малыми военными усилиями наложить весьма быстро руки на китайскую страну и государство.

Глава пятая.

Иностранный капитал преобразует Китай.

26. Иностранные товары в Китае. Компрадор.
27. Хозяйственные реформы.
28. Иностранные таможни.
29. Разрушительная работа иностранцев.

Краткое содержание главы V.

Торговый капитал Европы и Америки организовал ввоз в Китай иностранных фабричных изделий и вывоз китайского сырья.

Торгово-промышленники Китая запряглись в службу иностранного капитала. Действуя через китайских купцов и через императорское правительство, иностранцы улучшили пути сообщения, поставили таможни, ввели частичные улучшения в денежное обращение. С прибытием иностранных торговцев возросли доходы императорской казны. Хозяйственная работа иностранцев в Китае крепче спаяла народное хозяйство страны и дала сильный толчек хозяйственному развитию в сторону капитализма. Ускоренное экономическое развитие Китая оказалось чрезвычайно болезненным для народных масс.

КЛУБ ЛАЗО

Иностранный капитал преобразует Китай.

§ 26. Иностранные товары в Китае. Компрадор.

Начиная с мира в Нанкине (в 1842 г.), Китай все более подпадает под власть великих держав. Прошел десяток, другой годов. Англия, Россия, Германия, Франция, Америка стали диктовать свою волю в его больших и малых делах. В начале 20-го столетия самостоятельность Китая уже свелась фактически на нет.

Европейцы добились господства над Китаем **беспощадным** применением вооруженного **насилия**. Ниже мы расскажем о ряде войн, в которых Китай терпел одно поражение за другим, пока, наконец, не убедился окончательно в огромном превосходстве европейских армий и государств. Однако, **не одни лишь военные поражения** повалили Китай на обе лопатки, превратив его из могущественного независимого государства в игрушку мирового империализма. Иностранцы пустили в ход не только превосходство своих пушек и броненосцев над допотопным вооружением китайских войск. Они столь же ловко воспользовались раздробленностью Китая, о которой мы говорили выше. Китай не был спаян ни экономически, ни политически. На-

Отряд европевских войск в Китае.

родное хозяйство Китая, организованное на допотопный и полуфеодальный лад, также быстро спасовало перед натиском иностранных купцов, фабрикантов и ростовщиков, как китайские армии перед иностранными батальонами.

Для завоевания огромной страны и огромного народа иностранцам понадобились сравнительно небольшие товарные запасы, небольшие деньги и ничтожные военные усилия.

Кто знает, какую силу забрали в Китае иностранные капиталисты, будет сильно поражен, если посмотрит, как мало Китай ввозит товаров из за границы и вывозит за границу. Возьмем цифры 1919 г. За этот год Китай ввез товаров из всех стран Европы и Америки меньше, чем на миллиард (тысячу миллионов) золотых рублей, и на такую же приблизительно сумму вывез продуктов и товаров. Миллиард, два миллиарда золотых рублей, это звучит хорошо. Но Китай ведь имеет не то 400, не то 500 миллионов населения. Если разложить, то окажется, что на душу китайского населения ввезено на два или на два с половиной рубля товару в год, и столько же вывезено. На круг каждый китаец имел в 1919 г. всего на 5 рублей торговли с заграницей. Цифра ничтожная до смешного. Как ни беден китайский народ в селах и городах, но все же одна душа населения (в среднем на круг)производит и потребляет в год на несколько десятков золотых рублей. Значит, иностранные товары и вообще торговый оборот с заграницей играют и по сей день сравнительно весьма малую роль и количественную роль в народно-хозяйственной жизни Китая. А иностранные торговцы и вообще капиталисты, тем не менее, оказывают, начиная с середины прошлого столетия, непомерно большое и все растущее влияние на хозяйственную жизнь Китая.

Компрадор и европ. промышленник.

Торговлей в размере всего двух миллиардов рублей в год крепко прибрать к рукам народонаселение почти в полмиллиарда людей—такая ловкость рук граничит с фокусом. Об'ясняется секрет просто—развинченностью, устарелостью хозяйственной жизни Китая в момент прибытия иностранных капиталистов.

Последние сумели вскоре сделать китайский торговый класс своим слугой, а правительство Китая—своим должником. Европейский торговый капитал быстро укрепил свою власть над буржуазией китайских городов и над центральной властью Пекина. Он запрет ту и другую на работу **по хозяйственному об'единению Китая, по искоренению устаревших, вредных пережитков китайского феодализма.**

Иностранные капиталисты имели в виду исключительно свою выгоду. Торговцы Европы и Америки привыкли у себя на родине работать и быстро наживаться в новейших, усовершенствованных порядках **торгового капитализма.**

Ради наживы они пожелали в несколько десятилетий пересадить в Китай порядки, выработавшиеся в Европе в течение нескольких столетий. Китай и без иностранцев уже расставался со своеобразным феодальным укладом своей жизни, был на пути к новому строю. Переход от старого к новому совершался в Китае, видимо, с чрезвычайной медлительностью. Иностранцы принялись бесжалостно **подстегивать** развитие страны. Обветшавший старый Китай легко рушился под напором новизны.

Отборнейшие торговопромышленники Китая вскоре пошли на службу к иностранцам.

Иностранный торговец не мог работать в Китае только сам, силами своей собственной конторы. Сначала китайский закон ему запрещал это. Мы знаем, что первые поколения европейских купцов в Кантоне были обязаны, согласно приказу тамошнего вице-короля (наместника), вести всю торговлю исключительно через посредство особой гильдии китайских купцов. Подобный же порядок, лишь слегка измененный, был принят затем добровольно иностранными капиталистами, но чисто практическим соображениям. Иностранец редко мог и хотел непосредственно иметь дело с китайской массой. Иностранец предпочитал, вообще говоря, иметь при себе китайских агентов, так называемых **„компрадоров"**, являвшихся посредниками во всех делах между иностранцем и китайцами.

Компрадор не просто китаец, добросовестно знающий свою страну, товарные нужды городского и деревенского населения, условия торговли. Одного знания рынка и даже больших связей мало для того, чтобы стать компрадором. Последний должен прежде всего представать иностранному банку или торговцу солидное денежное обеспечение, выражающееся в сотнях тысяч рублей, или поручительство китайского банка на такую же сумму. Словом, **компрадор—есть китайский капиталист на службе у европейца**, притом самый отборный, так сказать, капиталист, соединяющий богатство с торговым умением и знаниями.

Компрадор на службе у европейского банка или фирмы выполняет бесчисленные работы. Он учиняет сделки по поручению фирмы, наблюдает за выполнением сделки в части, касающейся китайцев, проверяет наличный расчет, собирает справки о местном рынке, затем коммерческую и экономическую информацию вообще, дает рекомендации и отзывы о китайцах, с которыми иностранная фирма вступает в долговые отношения, управляет штатом китайских служащих фирмы. Разумеется, компрадор отлично знает иностранный язык. Компрадоры обычно располагают большим штатом своих китайских сотрудников. Положение компрадора является, до самого последнего времени, одним из наиболее важных и ответственных в европейско-американских предприятиях в Китае.

Компрадоры в течение всего прошлого столетия являлись совершенно необходимыми для торговых и вообще экономических сношений заграницы с Китаем. В свою очередь китайские компрадоры отлично наживались на своей посреднической роли. При деле они изучали приемы европейской торговли, получали понятие о заграничных товарах, заграничных порядках, об устройстве заграничной торговли и промышленности. Компрадоры быстро обрастали богатством и влиянием. Затем компрадоры уже сами становились во главе китайского торгового сословия и учили других своих собратий европейским приемам торговли.

§ 27. Хозяйственные реформы.

Действуя через компрадоров, европейские торговцы и банки сумели на практике преодолеть невыразимые трудности китайской денежной системы. Иностранцам удалось, благодаря их богатству и знаниям, упорядочить денежное обращение в нескольких десятках городов Китая, в которых развита иностранная торговля. Скажем, в Шанхае цена (курс) местных денег в общем согласуется все время с ценою серебра. В Шанхае, как и везде в Китае, менялы усиленно спекулируют на курсах. Но там иностранные банки держат спекуляцию в руках, и не позволят очень уже резко повышать или понижать курс, что грозило-бы крупным убытком иностранным купцам. Ино-

Европейский банк в Китае.

странные, а также китайские фирмы тех городов Китая, где работают иностранные банки, имеют возможность производить сделки на купле—продаже товаров на продолжительные сроки, могут спокойно работать не опасаясь того, что завтрашние деньги окажутся видом и ценой непохожи на сегодняшние, что малая кучка местных менял или недобросовестных чиновников устроит вдруг искусственный скачок курса. Деньги, принятые, скажем, в Шанхае, имеют, поэтому славу прочного постоянства во всей провинции и далеко за ее пределами, охотно принимаются везде, что облегчает торговлю огромной округи. В силу сказанного Шанхай, Кантон, Пекин, Тяньзин и другие подобные города стали крупнейшими средоточиями не только внешней торговли Китая с заграницей, но и внутренней торговли между различными провинциями и рабочими Китая. В последствии иностранные банки стали подумывать о создании одинаковых денег для всего Китая, но-

добно тому, как в любой стране Европы и Америки имеется лишь один вид денег, обязательных к приему, всякие же другие деньги не могут иметь хождения по стране. Правда, до сих пор попытки создать в Китае твердую, единую и прочную валюту успеха не имели.

Вскоре по прибытии иностранные капиталисты занялись путями сообщения Китая. Иностранцы застали Китай без сколько нибудь удобных сообщений между большими городами. Европейцы немедленно принялись за постройку железных дорог, за устройство пароходного сообщения вдоль бере-

Железно-дорожный мост через реку Хоан-Хе.

гов Китая и по большим внутренним рекам. В руках иностранцев дело оказалось чрезвычайно прибыльным. Пришлось в начале преодолеть большое сопротивление со стороны китайских властей и населения. Слухи разошлись, что при прокладке железнодорожной линии будут разрыты могилы; между тем, нет ничего священнее для китайца могил его предков. Китайское правительство со своей стороны, вполне основательно опасалось, что прокладка железных дорог позволит иностранцам забрать большую силу в Китае. Поэтому, правительство упорно вначале отказывало в разрешении на постройку дорог. Первая железная дорога в Китае построена в 1876 г. иностранцами обманным путем. Заявив о постройке конки, иностранные предприниматели пустили по рельсам паровозы. Не прошло и года, как китайское правительство выкупило у иностранцев дорогу, вынуло шпалы и увезло рельсы подальше, на остров Формозу. Тем не менее, с 1880 г. возобновилась постройка железных дорог иностранцами или же китайским правительством на средства, занятые у иностранцев. К 1919 году Китай обладал общим протяжением действующих железных дорог до 9000 верст. К 1914 г., к началу европейской войны, в Китае были запроэктированы, разрешены правительством, часть даже начаты постройкой многие другие железные дороги, общим протяжением в 18.000 верст. Война задержала железнодорожное строительство. Осуществление в будущем хотя бы половины уже готовых проэктов сделает Китай срав-

нительно легко проходимым во всех направлениях, усилит чрезвычайно внутреннюю и внешнюю торговлю страны, будет способствовать росту производства. Сообщение вдоль морского берега поддерживается иностранными пароходами; по Янцзыкиангу ходят суда лучших конструкций, Китай имеет, благодаря иностранцам, недурную сеть почтово-телеграфных учреждений, возглавляемых французом, генерал-почмейстером.

Европейский пароход на реке Янцзыкианге.

Лучшее денежное обращение в важнейших торговых центрах, новые пути сообщения, служба компрадоров, миллиардный привоз и вывоз товаропродуктов—этими вот веревочками иностранные капиталисты постепенно сумели крепко связать хозяйственную жизнь Китая (за исключением западных провинций; туда европейское влияние сравнительно мало проникло). Концы веревок всегда оставались в руках иностранного капитала; дергая за них, он мог направлять по своему усмотрению жизнь и труд многих десятков миллионов людей в Китае.

§ 28. Иностранные таможни. Займы.

У себя на родине иностранный торговец привык „работать" с центральной государственной властью. В Китае точно также иностранные капиталисты нашли выгодным „работать" в согласии с императорской властью. Иностранные капиталисты точно также льнули в Китае именно к центральной монархической власти в Пекине, как у себя на родине льнули к своим монархам и своим столицам. И тут, и там они поступали одинаково по одинаковым коммерческим соображениям. Иностранцы находили в общем для себя легче и удобнее иметь дело через свои посольства и своих представителей в Пекине непосредственно с самодержавным императором всего Китая, и через Пекин давить на местные провинциальные власти. Это нравилось им больше, нежели обращаться всякий раз к своенравным провинциальным царькам, к так называемым „ваше-королям" провинций или губернаторам-даотаям. Иностранцы быстро разглядели слабость императорской власти, плохо доходившей до

глуби провинций; пришлый капиталист был готов даже в своих интересах оказать пекинской монархии помощь против своеволия местных чиновников полу-феодалов.

Иностранцы оказали большую денежную помощь императорской казне, еще даже не вынимая копейки из собственного кармана, одной организацией таможенного дела. Рост внешней торговли Китая с приходом иностранцев, сам по себе, обещал увеличить доходы китайских властей.

Иностранные купцы позаботились, прежде всего, о том, чтобы платить поменьше пошлин на ввозимые и вывозимые ими товары. Уже нанкинский мирный договор Китая с Англией постановил, что Китай не имеет права по своему усмотрению устанавливать размер вывозных и ввозных пошлин по внешней торговле. В договоре говорилось, о „справедливом, разумном таможенном тарифе". Слово „разумный, справедливый" иностранцы толковали в свою пользу. Китаю было позволено фактически наложить лишь очень небольшие пошлины, не более трехпяти процентов со стоимости товара.

Таможенный осмотр.

В дальнейшем, оградив свой карман, иностранные капиталисты и дипломаты были уже не прочь следить за правильным поступлением таможенного дохода именно в карманы центрального пекинского правительства, а не в чьи-либо иные. Начиная уже с 1854 года, в Шанхае и в других важнейших торговых городах, Китая, расположенных и на морском побережье, и внутри страны, начинают действовать таможенные учреждения под управлением иностранцев. Все эти таможни называются морскими, даром, что некоторые устроены в городах вдали от моря. Всеми „морскими" таможнями в Китае заведует англичанин, назначаемый пекинским правительством по соглашению с английским.

В 1898 году установлено, что так называемый „главный инспектор морских таможен" будет всегда англичанин до тех самых пор, пока в руках англичан сохранится главная доля иностранной торговли с Китаем. Надо отдать справедливость английским управителям китайских таможен в одном отношении. Они хорошо следят за поступлением пошлины со всех решительно грузов, подлежащих обложению, и доставляют весь таможенный доход без сколько нибудь значительной утечки прямо в Пекин, в главное таможенное управление, своему главе—англичанину. Будь таможенные сборы в руках китайских чиновников, особенно в прошлом столетии, китайскому правительству вряд-ли доставалось бы много, или что-нибудь. Иностранные таможенники с са-

мого начала стали поставлять Пекину ежегодно довольно крупные суммы, гораздо большие, чем все прежние доходы императорского двора. Новые поступления уходили на поддержание и расширение императорской армии, на постройку правительственных железных дорог и в немалой части на пышную жизнь императорского двора.

Иностранцы довольно скоро перешли от технической помощи по сбору таможенных и иных пошлин к прямой денежной „помощи" императорскому правительству. Иностранные торговцы и банкиры взапуски принялись снабжать пекинский двор крупными денежными суммами взаймы, точно также, как торговый класс Европы и Америки нынче делает займы своим правительствам. Почин в деле займов принадлежал царской России, причем в этом случае как раз немалую роль играли военные соображения. В 1895 году Россия вместе со своей тогдашней союзницей — Францией одолжили Китаю огромную сумму по тому времени, тем более огромную для бедного Китая, в 160 миллионов рублей. Китай вел тогда войну против Японии. Япония того времени была злейшим врагом царской России, ибо и Россия и Япония одинаково нацеливались на захват Кореи.

Большая часть этого займа, как и многих последующих, ушла на военные расходы. Часть осталась на расходы императорского двора и центральных государственных учреждений в Пекине. Маньчжурские богдыханы увидали в своей казне небывало много денег. Начиная со второй половины прошлого столетия, с момента внедрения иностранных капиталистов в Китай, и благодаря этому внедрению, в кассе императоров хватает денег на вооружение большого войска. Полчища богдыханов, даже снабженные кое-каким европейским вооружением, все-таки не в состоянии были противостоять ни европейским армиям, ни японской. С другой стороны, этих войск хватало на подавление местных восстаний и волнений в разных частях империи. Между 1850 и 1911 годами провинции Китая вынуждаются по этой причине больше прежнего считаться с приказами императора.

Европейские капиталисты брали с пекинского правительства солидные проценты по займам. Помимо процентов, они требовали так называемого „обеспечения". В короткое время пекинский двор прозакладывал иностранным кредиторам в виде обеспечений займов все, что можно было заложить — железные дороги, сбор податей и пошлин и т. д. Кроме того, каждый заем давал повод европейско-американским капиталистам вымогать для себя всяческие льготы и преимущества.

Помимо иностранных ростовщиков, пекинскому правительству негде было брать деньги. Свои китайские капиталисты еще не распоряжались (да вряд ли и теперь владеют) крупными суммами, каких требовали возросшие расходы и потребности правительства. Китайские банкиры могли ссудить двору мелкие суммы, при том ставили еще более тяжелые условия, чем даже иностранцы. Китай так беден деньгами, так мало привык к кредитным операциям, что там издавна берут по всяким займам гораздо более высокие проценты, чем где-либо заграницей. Иностранные капиталисты брали с пекинского правительства до 10 — 12%, свои туземные до 20 — 30% и больше. Естественно, пекинский императорский двор все более привыкал глядеть в руки богатым иностранным банкирам.

Китайские банкиры (они существовали давно, но число их и обороты быстро возрастают во второй половине 19-го века) до поры до времени скромно стояли в стороне от крупных правительственных займов. Кое-какие крохи

перепадают порой и китайскому банку за какое-нибудь мелкое посредничество при заключении займа. Главное же поле деятельности китайского капиталиста и банка развертывается не здесь. Свои китайские капиталисты не ссуждают деньгами своего правительства, зато они услужливо помогают правительству хранить и расходовать средства, полученные от иностранцев или через иностранцев. Императорский Пекин оброс в XIX веке, как никогда дотоле, китайской денежной буржуазией. Последняя пока что служила на побегушках у двора, у иностранного капитала и посольств, связывая всех своим посредничеством. Она выполняет через своих агентов поручения правительства и иностранцев в провинциях. Иностранный капитал, таким образом, пользуясь туземными банками, компрадорами, своим влиянием на пекинское правительство и так дальше, **связывает** все народное хозяйство Китая крепкими узами, **об'единяет** его под своим руководством.

§ 29. Разрушительная работа иностранцев.

Хозяйничанье иностранцев в течение более полувека заставило китайцев очень много пережить хорошего и дурного. Китай, безусловно, много выиграл, многому научился. Но он в то же время весьма много потерял и перестрадал.

Жестокость иностранцев в Китае

Иностранцы, оценивая работу европейско-американского капитала и европейских дипломатов в Китае, большей частью выпячивают наружу хорошие результаты, замалчивая дурное. Иностранцы старательно отмечают быстрый рост городов, где за несколько десятков лет народилось богатое китайское купечество, отмечают появление множества фабрик и заводов, рост и

улучшение сельхозяйственной культуры во многих местах. Они говорят, что народное хозяйство Китая за какие-нибудь 75 лет работы и руководства иностранцев сделало гораздо большие успехи, чем за предыдущие пятьсот лет. Иностранцы приписывают себе заслугу об'единения Китая, который они заставили по прибытии развинченным хозяйственно и политически.

Медаль, как водится, имела и обратную сторону.

Прежде всего, иностранцы решительно зазнались в Китае. Легкая победа над несчастной громадой Китая просто оп'янила чужеземцев. Они стали смотреть на китайцев сверху вниз, как на существа низшей породы. Совершенно забыли, что находятся не у себя, а в гостях, так сказать, у китайского народа.

Группа нищих китайцев.
По оригинальному китайск. рисунку.

У входа в зеленые парки (сады), разбитые в иностранном сэтльменте (поселки) в Шанхае, красуется выразительная надпись: „вход запрещен китайцам и собакам".

За убийство двух японских парикмахеров и одного торговца —японца в Нанкине японцы потребовали от Китая вознаграждение в один миллион рублей и, сверх того, по 15.000 рублей на семью каждого из убитых. В другой раз в китайском городе Чжанли были убиты 6 китайцев по вине самих японцев. Япония предложила китайскому правительству вознаграждение из расчета по 50 рублей за семью каждого убитого китайца. Таким образом, выходит, что японцы одного своего расценивают в 300 раз дороже китайца, одного японца за трехсот китайцев.

Короче сказать, японцы, как и другие иностранцы, не считают вовсе китайцев за людей. Китайцы ежедневно и ежечасно, в бесчисленных жизненных случаях, испытывают на себе пренебрежительную грубость и, более того, бесчеловечную жестокость иностранцев. Миллионные массы китайского народа почувствовали себя, наконец, в неволе у нескольких сот тысяч белых и японцев, крепко засевших в стране, презирающих коренное население страны.

Иностранцы, **действительно, ускорили победу торгового** капитализма в Китае. Но строя новое, иностранцы еще больше разрушали народно-хозяйственную жизнь страны, без счету, разбору и сожаления.

Иностранные капиталисты, мы знаем, усердно проталкивают свои товары, торговые обычаи во все углы страны, куда только можно добраться по железной дороге, по реке или экипаже. Во внутренних частях страны, куда иностранцам закрыт пока еще доступ, засновали китайские агенты иностранного капитала. Лихорадочная работа капитала в несколько десятилетий изменила лицо страны. Такой резкий переворот не обходился без жертв. Ки-

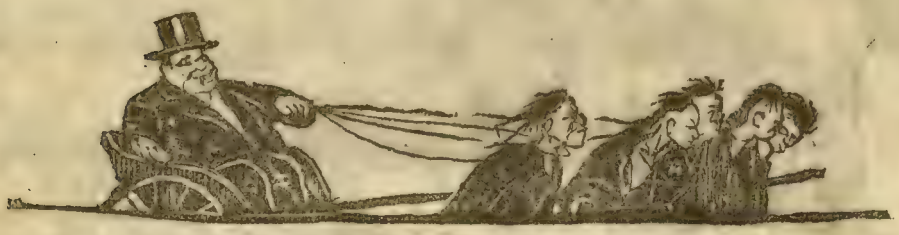
тайский кустарь, лишившийся работы, вследствие появления на рынке более дешевого заграничного изделия, мог спокойно умереть с голоду; ни европейскому торговцу, ни его комиссионеру—китайцу не было до него ровно никакого дела. Железные дороги и пароходы лишили заработка миллионы разного люду, не всегда давая им новую работу. Налоги стали тяжелее вслед за вторжением иностранцев, так как и центральному правительству, и провинциальным властям понадобилось больше денег на военные расходы, на уплату процентов по займам, на всякие нововведения. Иностранные советники научили Пекин умело и настойчиво выкачивать государственные сборы из провинции. Земледельцы массами стали разоряться от непосильных налогов. Раззоренный крестьянин не мог уже в такой степени, как встарь, рассчитывать на помощь рода, потому что и сам род запутался в быстрой смене жизненных условий. Европейские торговцы и их китайские приспешники усердно учили китайскую деревню и весь китайский народ жить по новому, „по буржуазному", согласно правила, что „всяк только для себя". Это правило гласило смерть для обычаев и нравов родового уклада.

Хунхузы.

Привозной капитализм чрезвычайно усилил неравенство в Китае. Отдельным местностям и людям повезло в новых условиях, они сумели приладиться к европейскому капиталу и к потребностям европейской торговли. Они богатели не по дням, а по часам. Зато целые другие местности, а также миллионы всякого люду повсюду в империи, разорились в новых порядках, оказавшись выброшенными из вековой колеи. Иностранцы утверждают, что Китай, взятый в целом, сильно разбогател за три четверти века, считая все продукты, изделия, деньги, стоимость новых дорог и зданий. По их словам, он разбогател, несмотря и на выкачивания иностранцами заграницу крупного ежегодного дохода. Пусть такое утверждение и верно, но от этого расчета новых богатств ничуть не легче миллионным массам, растоптанным по пути победоносной колесницы торгового капитала. Никто в Китае не заботился о бесчисленных жертвах, ни европейцы, ни новоиспеченная китайская буржуазия.

В Китае не было и нет помину о каком нибудь социальном обеспечении безработных, безземельных и т. д. Неудивительно, что вскоре по усилении торгового капитализма, заработавшего на европейский лад, Китай увидел миллионы разоренных в конец, обреченных людей, быстро теряющих старую связь с родом; эти „перекати—поле" кидаются, куда попало, в черно рабочие-ли (т. н. „кули"), наемниками-ли в армию, на пять, семь рублей

неаккуратно-получаемого солдатского жалованья в месяц, или, наконец, в **хунхузы**, по нашему разбойники. Давно уже на памяти людей Китай не знал такого расцвета бандитизма всяких видов, как последние десятилетия. Весь бездомный люд Китая знает твердо, что его несчастья пошли с прибытия иностранных „дьяволов". Миллионы людей, так или иначе ощутившие болезненно новый капиталистический уклад жизни, все они считали и считают иностранцев главным источником своих бед. Народные массы чаще всего совершенно упускают из виду роль китайских капиталистов, работавших все время рука об руку с иностранным капиталом, затем приступивших и к самостоятельной капиталистической работе, частью творческой, а в большей части разрушительной.



Глава шестая.

Политическое порабощение Китая.

§ 30. Войны и договоры с иностранцами.
§ 31. Народные восстания.
§ 32. Военная оккупация Китая.

Краткое содержание главы VI.

Торговля с Китаем и ростовщические займы Китаю являются чрезвычайно прибыльным занятием иностранного капитала. Иностранцы берут фактически крупную ежегодную дань с Китая. Иностранцы ведут все дела в Китае, не считаясь с желаниями китайского народа, ни с его интересами. Они вырвали у Китая ряд договоров, представляющих им огромные преимущества и права. Пребывание и торговопромышленная работа иностранцев в Китае построены на унизительных для Китая „договорных правах“ иностранцев. Гнев китайского народа выливался в восстаниях, направленных одновременно против иностранцев и маньчжурской династии. Народные восстания были подавлены наполовину силой иностранного оружия. Они вызвали занятие (оккупацию) важнейших стратегических пунктов Китая иностранными войсками.

Политическое порабощение Китая.

§ 30. Войны и договоры с иностранцами.

Таким образом, европейско-американский торговый капитал внес в застойную хозяйственную жизнь Китая новую струю. Само собой, иностранцы заставили Китай хорошо платить им за все свои услуги, настоящие и воображаемые. Всякие дела с Китаем от начала до конца приносили иностранцам крупные, почти баснословные прибыли. Иностранцы ввезли в Китай большие для Китая капиталы, как деньгами, так и машинами, материалами и т. д. Эти средства размещены иностранцами в займах китайскому правительству, в различных предприятиях в Китае, фабричных и торговых. Весь размещенный в Китае иностранный капитал продолжает оставаться законной собственностью иностранных хозяев. Между тем, большие прибыли от предприятий вывозятся ежегодно в значительной части заграницу. Подсчеты показали, что Китай ежегодно уплачивает таким родом заграницу **крупную дань** в сотни миллионов рублей.

Становясь кредиторами, эксплоататорами и учителями Китая, иностранные капиталисты одновременно постарались с помощью своих правительств обеспечить свое положение в Китае самыми жесткими мерами.

Поражение китайских войск в войне 1840—1842 г. г. с англичанами привело к **Нанкинскому миру**, тяжелому и унизительному для Китая. С **этого момента иностранцы ступили на грудь Китая**. Вся иностранная торговля Китая с тех пор ведется на условиях, диктуемых иностранцами, **не Китаем**.

Нанкинский мир создал так называемые „договорные порты". Англичане получили право проживать и торговать в пяти городах Китая, расположенных на берегу Китайского моря, а именно в Кантоне, Шанхае, Амое, Фучжоу и Нинбо, а также в окрестностях этих городов, на довольно большое расстояние. До нанкинского мира китайское правительство упорно отказывало иностранцам в праве селиться на китайской земле. В следую-

ящие годы после нанкинского мира китайское правительство было вынуждено предоставить остальным иностранцам те же права жительства, что и англичанам.

По нанкинскому миру Китай должен был уступить Англии остров Гонконг. С тех пор остров уже не считается владением Китая, но „колонией короля Англии". Англичане сумели в короткое время превратить пустынный остров Гонконг, обладающий, правда, бесценным географическим положением, в один из самых людных торговых пунктов всего мира.

Остров Гонконг.

Поселившись в первых „договорных портах" Китая, иностранцы устроились там, как у себя дома. С течением времени они навозили туда свои войска и свою полицию.

Видя всяческую слабость Китая, военную и хозяйственную, пришельцы становились с каждым годом все требовательнее. В течение 80 лет, начиная англо-китайской войной 1840 г. и кончая 1921 г., иностранцы то и дело вымогают у Китая всякие уступки. Китаю пришлось за означенное время выдержать пять больших войн с иностранными армиями. Все войны кончились несчастно для Китая. Помимо больших войн, были десятки мелких инцидентов случайных столкновений. Любая война, любой инцидент имели для Китая одни и те же последствия. Пекинскому правительству неизменно приходилось после проигранной драки подписывать новый договор, сначала с одной державой, а вслед такой-же со всеми другими. Новый договор предоставлял каждый раз иностранным жителям в Китае все новые и новые права и привилегии.

Иностранцы добились постепенно права судиться в Китае исключительно своим судом и по законам своей страны, а не Китая. Европеец в Китае знает только законы и суд своей родной страны, знать не хочет китайского суда и китайских законов, точно он не выезжал из пределов своей страны. Иностранец, обвиненный в каком-нибудь проступке судится своим консулом

и препровождается затем консульским полицейским в тюрьму, состоящую в ведении его консула. Такой порядок именуется „экстерриториальностью". Иностранное слово **„экстерриториальность"** в переводе на русский язык называется „внеземельность". Иностранец, живя в Китае, находится в отношении судопроизводства „вне китайской земли", а как бы на своей собственной. Даром, что китайский суд ни в коем случае не судит иностранца, обратное бывает сплошь и рядом. Во многих случаях иностранные консулы или особые иностранные судьи в городах Китая судят также китайцев, привлеченных по делу с иностранцем, или даже между собой

Прикрываясь той же экстерриториальностью, иностранцы не желают платить в Китае никаких налогов, ни общегосударственных, ни местных. Фактически иностранцы платят до сих пор только таможенные пошлины с товаров, ввозимых и вывозимых ими по внешним границам, и то потому лишь, что за этим следят поставленные державами английские таможенные. От всякого рода налогов, кроме указанных тамож. пошлин, иностранцы упорно отпекиваются под тем предлогом, что они живут в договорных портах на своей „земле, не на китайской, почему и свободны от податей, налагаемых китайскими законами и властями. Такое толкование чрезвычайно выгодно для иностранцев. Иначе им пришлось-бы платить ежегодно китайскому правительству и местным властям десятки, а то сотни миллионов рублей со своих предприятий и доходов.

Фактически свобода от налогов составляет крупную приманку для иностранного капиталиста. Нигде, ни в одной стране Европы и Америки, доходы торговопромышленного класса не достигают таких размеров, как в Китае. В тоже время нигде предпринимателю и банкиру не удалось-бы так легко ускользнуть от обложения. Китай подлинный рай для капиталистов всех стран, не омраченный призраком налогового обложения.

Весьма острое положение возникает ныне, когда иностранные капиталисты начали все чаще и усерднее проникать в глубь Китая, вне „договорных портов". Пользуясь смутным временем в стране, иностранцы стараются не платить ничего и вглуби страны, за пределами договорных портов, т. е. своей „внеземельной земли". На это уже, конечно, иностранцы ровно никакого права не имеют, что они отлично сознают, впрочем.

Эта сторона вопроса об экстерриториальности вызывает особенно озлобление со стороны китайских властей и торговцев.

Ниже следует выразительное перечисление войн и договоров Китая с иностранцами за 80 лет. Целая серия договоров сделала иностранных представителей (послов) в Пекине, вместе взятых, настоящими хозяевами Китая, гораздо более полновластными хозяевами, чем правительство страны в Пекине. На „договорные права" опирается все здание хозяйственного и политического господства иностранцев в Китае, на договорах же основывается вся работа иностранного капитала. Иностранцы заявляют, что их дальнейшая торговопромышленная работа и вообще дальнейшее пребывание в Китае только и возможны на основе непарушимых договорных прав. Китайцы же утверждают в настоящее время, что унизительные для Китая договоры с иностранцами душат жизнь страны, не давая никакого ходу самим китайцам, что „договорные права" иностранцев в Китае подлежат скорой и полной отмене.

В августе 1842 года в Нанкине подписан первый договор Китая с Англией. До того времени, Китай имел только старинные договоры с Россией

о торговле по сухопутной русско-китайской границе. В Нанкине побежденный Китай обязался заплатить Англии контрибуцию в 21 миллион рублей. Китайское правительство обещало считать английских чиновников равными китайским чинам того же ранга и обходиться с ними, как с равными. Между 1842 и 1847 г. г. Китай подписал с другими иностранными державами договора, предоставлявшие всем вообще иностранцам почти те же права в Китае, что англичанам.

Нанкинский мир вызвал повсеместное недовольство, особенно на юге Китая.

Китайский народ плохо мирился с унижением своей страны. Там и сям китайцы, гордые своей тысячелетней историей и культурой, выказали свое недовольство иностранцами, которых искренне считали низшей расой, необразованными и грубыми „варварами". В 1856 г. европейцы воспользовались небольшими кровавыми случаями (инцидентом), для того, чтобы проучить китайцев и чтобы попутно вырвать новые уступки у китайского правительства.

Кучка китайских офицеров и солдат завладела 8 октября 1856 г. небольшим английским судном в Кантоне, снизив британский флаг. Через год, в наказание, Кантон был занят англо-французским отрядом, высаженным на берег с военных судов. На следующий год англо-французские войска подошли почти к самому Пекину. Китай попросил мира. Ему пришлось открыть для иностранной торговли и для проживания иностранцев еще 8 городов, допустить в Китай иностранных послов и консулов, признать „экстерриториальность" иностранцев, согласиться на пребывание в стране христианских миссионеров—проповедников христианской религии. Наконец, китайское правительство обязалось тогда не обзывать иностранцев „варварами".

Договоры 1857 года были уже подписаны иностранными державами и Китаем. Оставалось лишь ратифицировать их, то есть окончательно утвердить. В июне 1859 г. британские и французские уполномоченные выехали в Пекин для обмена ратификаций. По пути их свита была обстреляна с китайских фортов Таку (близ Тяньцзина). Союзные войска немедленно выступили в новый поход против Китая. Отбитые в первых сражениях, англо-французские отряды дождались подкреплений.

В октябре 1860 г. Пекин впервые увидел в своих стенах иностранные войска. В 1860 г. Китаю пришлось, по новому мирному договору, разрешить британскому послу въезд и постоянное жительство в Пекине.

Китай снова заплатил контрибуцию в размере свыше 10 миллионов рублей. Вслед за этим Китай вынужден был подписать новые, почти столь-же резкие и унизительные для него договоры, с Россией, Германией, Америкой, Австро-Венгрией, Италией и т. д.

В 1865 г. опять небольшой инцидент в Шанхае; англичане опять выторговывают себе новые привилегии. В 1876 г. англичанам снова везет. Какой-то скандал в провинции Юннань. Снова пекинскому правительству пришлось допустить иностранцев еще в несколько городов, а также разрешить англичанам послать своих людей на разведку в Тибет, куда до тех пор не мог проникнуть ни один европеец.

В 1884 году Франция, не выставляя даже никакого повода, просто протянула руку за Тонкином (иначе называется Индо-Китай), богатой и людной областью, лежащей на юго-западе Китая, принадлежавшей издавна Китаю. Отказ китайского правительства примириться с грубым захватом вызвал войну. Самые военные действия были успешны для китайцев и не в пользу

французов... Франция не легко вышла-бы непобедительницей из этой войны, если-бы ее не поддерживали другие державы. Англия и другие не желали доставить китайцам торжества над белыми. 9-го июня 1885 г. Китай подписал мир, отдавший Франции Индо-Китай с миллионами населения, которое было превращено французами в полурабов.

Пример Франции и Англии подстрекнул Японию. В 1894 г. произошла война между Китаем и Японией. Китайский флот оказался хуже японского. Победив, японцы пожелали поступить со своими желтыми братьями-китайцами по науке белых европейцев. Мир, заключенный в Симоносеки 8-го ноября 1895 г. отдавал Японии Ляодунский полуостров. Но тут вмешались Россия, Германия и Франция, позавидовавшие японскому успеху. Вследствие протеста указанных трех держав, Японии пришлось выпустить добычу из рук. Ляодунский полуостров остался пока что за Китаем. За свою „помощь" Китаю в этом случае царская Россия выторговала себе у пекинского правительства право провести железную дорогу через Маньчжурию, смежную с Сибирью область, принадлежащую Китаю. Россия не замедлила расставить свои войска вдоль линии маньчжурской железной дороги. Франция выхлопотала право на проведение железной дороги на юго-западе Китая, в области, смежной с французским Индо-Китаем. По Симоносекскому миру Китай отказался от своих старинных прав на Корею. Япония оторвала навсегда у Китая остров Формозу, напротив южной провинции Фуцзян. Формоза—богатейший фруктовый сад, там же богатые чайные плантации. Формоза лежит всего в сто верстах от морского берега Китая. Отдав Формозу, Китай сблизил свои расстояния с Японией. Кроме того, Китай обязался выплатить Японии огромную контрибуцию в 350 слишком миллионов рублей. Вообще, Симоносекский мир (1895 г.) был тяжким и унизительным для Китая после Нанкинского договора 1842 г. Он поставил японцев в положение хозяев Северного Китая, какое англичане занимают в среднем и в Южном.

3 года спустя в 1898 году Германия воспользовалась случайным убийством двух немецких миссионеров в Шаньдуне. Немцы пригрозили Китаю войной. Китаю пришлось, во избежание войны, отдать Германии на 99 лет 250 с чем-то квадратных верст вокруг морской бухты Кяо-Чао, разрешить немцам провести две железнодорожные линии. 3 недели спустя царская Россия вытребовала у Китая также в долгосрочную аренду Ляодунский полуостров тот самый который 3 года тому назад Россия же не позволила забрать Японии. Остальные иностранные державы поняли русский и германский захваты, как начало окончательного раздела Китая. На всякий случай Англия и Франция поспешили тогда же, в 1898 году занять некоторые стратегические пункты, откуда удобно, по их мнению, следить за происходящим в Китае, чтобы поспеть во время к разделу добычи.

§ 31. Народные восстания.

Особо остановимся на восстании тайпинов (1850-1864 г.) и на боксерском восстании 1900 г. Оба восстания обошлись Китаю очень дорого в конечном счете. Оба движения столкнулись с иностранными армиями, да и были вызваны в той или иной мере появлением и действиями иностранцев.

В 1850 г. на юге Китая вспыхнуло наиболее кровавое изо всех восстаний в Китае тайпинское, известное у самих китайцев под именем „восстания длинноволосых", в виду того, что участники его отпускали длинные волосы. Подобно всем крупнейшим движениям крестьянства в отсталых странах,

тайпинское восстание началось, как движение новой религиозной секты. Тайпины заимствовали некоторые религиозные идеи у христианских миссионеров. Движение быстро приняло затем характер политического выступления против маньчжурской династии.

Восставшие быстро прошли долину Син-цзяна, опустошив по пути города. Они захватили важнейшие „уханьские" города в сердце Китая. (Хань-Ян), У-чан, Ханькоу и т. д. и, наконец, Нанкин. После этого вождь восстания провозгласил себя „небесным императором", основав новую династию в городе Нанкине. Итак, движение шло по линии крупных народных восстаний

Повстанцы-тайпины.

старого времени, неизменно кончавшихся, в случае удачи, образованием новой династии. Маньчжурским императорам грозила, может быть, участь монгольской и других чужеземных династий или же наоборот, они скорее бы справились с восстанием, если бы не вмешались европейцы. Тут врезалась война между Англией и Францией с одной стороны, Китаем—с другой. О причинах и ходе этой войны мы говорили выше. Война отвлекла внимание Пекина от тайпинов. Только по окончании войны с державами Пекин снова отправил войска против тайпинов. В 1864 г. Нанкин был взят. Самозванный тайпинский „небесный император", просидевший на престоле около 13 лет, отравился перед сдачей города.

Роль европейцев в усмирении тайпинского восстания заслуживает особенного внимания. Уже в самый блестящий период восстания, когда тайпины двигались на Тяньцзин и Пекин, знаменитый китайский сановник Ли-Хун-чжан набрал армию, в числе которой была часть европейцев. Эта армия, надо полагать, благодаря европейцам в ее составе, весьма энергично действовала против тайпинов, парализовав их успехи. Наряду с Ли-Хун-чжаном, главным деятелем по усмирению восстания был в это время Вард, американский офицер на службе пекинского правительства, руководивший военными действиями.

Во время войны с Китаем (1856-1860) европейцы держали нейтралитет по отношению тайпинов. Варду и Ли-Хун-чжану пришлось на это время

распустить свой иностранный отряд, заменив его китайским. Последний, все же состоявший под иностранным командованием (Вард, затем Гордон), стал впоследствии известен под именем „непобедимой армии".

Покончив с войной, англичане нарушили нейтралитет и сами выступили против тайпинов вместе с Вардом. Англичане мотивировали нападениями тайпинов на Шанхай. Вмешательство англичан решило судьбу восстания.

Таким образом, практичные иностранцы били маньчжуров на севере, чтобы сделать императора уступчивее, покорным своей воле. Затем они помогли ему против тайпинов из страха и недоверия к народному движению.

Боксер со своим пони.

Восстание похитило по разным расчетам от 20 до 30 миллионов жизней. Тайпины, затем военные действия опустошили богатую долину реки Янцзы. Следы разрушения еще теперь заметны на многих городах.

Так называемое „боксерское восстание" 1899-1900 г.г. ограничилось севером Китая Оно и на севере не приняло такого огромного, всенародного характера, как движение тайпинов на юге и в центре Китая и не сопровождалось столь страшной резней, быв подавлено почти в зародыше. Зато повстанцы-боксеры действовали в 1900 г. гораздо сознательнее и организованнее, чем тайпины в 1857 г. Боксеры, в отличие от тайпинов, знали очень ясно чего хотят и против кого идут. Они выступили сознательно и почти планомерно против ненавистных иностранцев.

Захватная политика европейцев, сопровождавшаяся пренебрежительным отношением к китайцам к тому времени стала постепенно вызывать в народе сначала глухое недовольство, а затем и анти-европейское движение. В Китае существовали всегда тайные общества, обычно противоправительственные и противо-маньчжурские. В это время они об'единились и составили одну обширную организацию, под названием „Кулака во имя правды и мира". Европейцы назвали их „кулачными бойцами" или на английский лад „боксерами."

Движение началось в Шаньдунской провинции в 1899 г. Боксеры, уверенные в помощи божеств, в своей неуязвимости, повсюду в Шаньдуне и Чжили избивали иностранцев, в том числе миссионеров. Затем они заняли Пекин, где ими были убиты германский посланник и японский секретарь миссии. В это время англ. адмирал с недостаточными силами (2300 солдат) метался от Пекина к Тяньцзину, тоже осажденному боксерами.

Императрица-регентша, правившая тогда от имени малолетнего богдыхана, растерялась, не знала, как ей быть. Соединиться-ли с народным движением, чтобы дружным натиском на иностранцев изгнать их из Китая и вновь заслужить любовь народную. Или же наоборот, просить у иностранцев помощи против бунтовщиков.

Казнь боксера в присутствии иностранца.

Успехи боксеров побудили китайское правительство вступиться и осадить иностранцев в Тяньцзине. Одновременно были отправлены тайные указы об истреблении иностранцев, что было исполнено в двух местах.

В августе 1900 года прибытие „экспедиционной армии", состоявшей из русских, японских, немецких, английских, американских, французских, итальянских отрядов под общим командованием германского фельдмаршала решило все вопросы и сомнения пекинского двора. Видя против себя все большие государства мира, даже желтую Японию, китайское императорское правительство спасовало совсем и окончательно. Оно смотрело с безнадежным спокойствием на вступление в Пекин союзных войск—последние шли освобождать европейцев, осажденных боксерами в так называемом „посольском квартале" Пекина. Оно покорно подписало невероятно тягостные условия мира, продиктованные иностранцами. Последние требовали смертной казни над тысячами пойманных боксеров, и маньчжурские палачи покорно рубили головы. Державы потребовали изгнания из Пекина в дальнюю область маньчжурского императорского принца Туана известного связью с боксерами. И вот этот ближайший родственник императора Китая пошел в ссылку. Отныне не могло быть никакой речи о к. л. вооруженном сопротивлении иностранцам со

стороны маньчжурской династии. Ведь именно иностранная армия спасла императорский двор, который иначе, в случае победы боксеров, был бы неизбежно сметен повстанцами, вслед за иностранцами.

Восстания тайпинов и боксеров, несмотря на их неудачный исход, обнаружили подлинные чувства Китая к иностранцам и к маньчжурским императорам. Китайская нация не захотела признавать унизительных договоров, подписанных пекинским правительством. Народные массы усматривали в слабости правительства или измену, или то и другое. Китайский простолюдин возненавидел пришельцев „белых дьяволов", даже не зная их. Народ был поражен зрелищем беспрерывных роковых неудач, понесенных в борьбе с европейцами и японцами маньчжурскими войсками, теми самыми страшными завоевателями, чьи отцы когда-то покорили Китай. Маньчжуры, 300 лет правившие Китаем огнем и железом, после стольких поражений, глубоко упали во мнении китайцев. Скрытая нелюбовь к чужакам—маньчурам ожила в китайском народе, потревоженном приходом новых завоевателей—европейцев и японцев. Поэтому, повстанцы—„тайпины" в 1857 г. и повстанцы „боксеры" в 1900 г. и открыли борьбу на два фронта сразу, против европейцев и против маньчжурской династии. Войска, посланные иностранными державами для охраны жизни и имущества иностранцев в Китае, должны были, в силу сложившихся таким образом обстоятельств, одновременно защищать и маньчжурских богдыханов против китайского народа.

§ 32. Военная оккупация Китая.

Победоносная союзная армия наложила в 1900 году на Китай огромную, непосильную, контрибуцию в виде возмещения за понесенные иностранцами убытки—расходы и волнения. Всего Китай обязался уплатить свыше 600 миллионов рублей. Одна пятая часть контрибуции шла—Германии, почти четверть—России, шестая—Англии, седьмая—Франции. Где было взять бедному экономически отсталому Китаю такую дикую сумму. Решительно неоткуда. Впрочем, Китаю неоткуда было взять и 300 слишком миллионов рублей контрибуции, обещанных Японии симоносекским мирным договором 1895 года.

Иностранцев вовсе не смущало отсутствие средств у Китая. Они собирались одолжить императорскому правительству денег на уплату этих контрибуций, на постройку железных дорог, на расходы управления, дать вдоволь денег на любые цели. После 1900 г. китайский должник оказался крепко в руках иностранных кредиторов. Отныне иностранцы вполне уверены в покорность императорского дворца. Отчего же не дать ему взаймы под хорошие проценты и крепкое обеспечение! Начиная с 1900 г., Китаем фактически правит, через посредство центрального пекинского правительства, так называемый „дипломатический корпус", заседающий в Пекине, в посольском квартале, недалеко от дворца. На случай повторения народных волнений иностранцы хорошо обеспечили себя военными мерами. После тайпинского и особенно после боксерского восстания иностранные гарнизоны и военные корабли были введены в Пекин в самую столицу Китая, во все крупнейшие „договорные порты" и, наконец, в важнейшие пункты по реке Янцзыкиангу. Не считая того, что японские (и до революции русские) войска стояли в Корее и в Маньчжурии (впоследствии и в Шаньдуне) на расстоянии суток или двух пути от Пекина. Обеспечив себя таким образом, иностранцы совершенно уверились в сохранении своих предприятий и капиталов

в Китае. Иностранные дельцы, произведя основательную разведку природных и всяких богатств Китая, хорошо дознались, что Китай „платежеспособен", что из китайского народа, если поналечь, можно выколачивать и капитал и проценты с большого государственного долга. После 1900 года, как раз начинается стремительный рост китайских правительственных долгов. Пекинскому правительству наперерыв предлагают деньги, оно безрасчетно и безвольно их берет. Государственный долг Китая достиг в сентябре 1922 года цифры в 1.906.000.000 китайских (мексиканских) долларов. На русские золотые рубли это выйдет столько же.

Почти весь этот долг забран у иностранцев. На душу населения выходит около 5 рублей золотом. По мерке богатых стран Европы и Америки это как будто немного. Любая капиталистическая страна имеет задолженность, большую этой и абсолютно и относительно. Но Китай беден, раз, и его народное хозяйство носит еще в подавляющей мере характер полу-натуральный. Пять рублей с головы—сумма как будто небольшая; но деньги, ведь, редки и дороги в отсталой, бедной стране.

Глава седьмая.

Промышленный капитал в Китае.

§ 33. Национальная китайская промышленность.

§ 34. Китайский капитал против иностранного.

Краткое содержание главы VII.

Китайский торговец накопил на службе у иностранцев значительные капиталы. Вокруг иностранных займов Китаю нажились чиновники и посредники—китайцы. От общего роста торговли и промышленности в стране часть доходов перепадала и китайцам. Капиталы, таким образом накопленные, вкладываются в промышленность. Китайцы, наравне с иностранцами, боролись за развитие промышленности, обещающей в Китае особо крупные выгоды. Нарождается национальный китайский капитал. Он требует введения высоких таможенных пошлин на иностранные ввозные товары, во имя развития собственной промышленности Китая. Он задумал смелые планы хозяйственного преобразования страны. Он повел борьбу с иностранным засилием над народным хозяйством Китая.

Промышленный капитал в Китае.

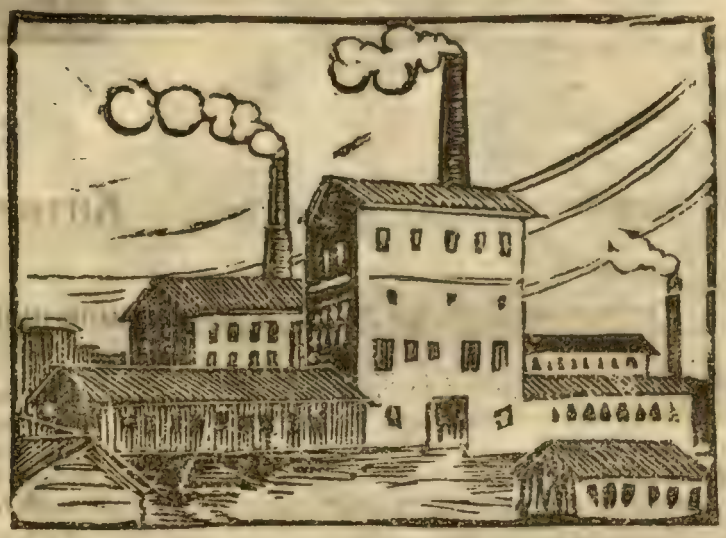
§ 33. Национальная китайская промышленность.

В прошлом столетии в Китае было весьма мало фабрик и заводов, оборудованных современными машинами. До 1895 г., то есть до японско-китайской войны, пекинское правительство чинило всяческие препятствия ввозу иностранных машин в страну. С тех пор в Китае выросла целая фабрично-заводская промышленность, немалая по величине, хотя чрезвычайно малая для такой громадной страны.

Иностранные купцы, из году в год возившие иностранный товар в Китай и вывозившие оттуда китайское сырье, они первые принялись, между делом, за обработку туземного китайского сырья на месте, в Китае же, трудом китайских рабочих. Они расчитали, что производство товара в Китае будет неслыханно дешево и выгодно. В китайских городах к концу минувшего века накопилось множество безработных, выброшенных жизнью из сел, оторвавшихся от рода, готовых работать за фунт риса в день. Китайская народная масса вообще живет бедно; страна, как мы говорили, с трудом кормит невероятно разросшееся население, кормит очень скудно; жизненный уровень китайского простолюдина много ниже, чем где-бы то ни было в Европе и Америке. В силу необходимости китайский рабочий не может быть слишком требователен. До самого последнего времени рабочие Китая соглашались работать за самую нищенскую плату. Помимо дешевого труда, иностранный предприниматель легко мог уклониться от уплаты китайской власти каких либо налогов со своих фабрик в Китае. Дешевизна рабочих рук и полная почти свобода от налогов обещали и, действительно, обеспечивали промышленнику прибыль столь большую, какой он не мог ожидать у себя на родине, в Европе и Америке. Первые застрельщики в дело устройства промышленных предприятий в Китае пожали такие огромные прибыли, что вскоре сотни европейских торговцев в Китае бросились на это дело.

С самого начала в развитии современной капиталистической промышленности в Китае стало заметно **значительное участие китайского капитала.**

Число и значение китайцев-фабрикантов растут с каждым днем. Трудно привести какие-либо точные цифры. В Китае нет до сих пор сколько-нибудь точной промышленной статистики. Не произведено ни одной хорошо подготовленной и потому сколько-нибудь надежной переписи всех заводов и фабрик в стране, с обозначением того, работает-ли предприятие машинами и какими именно, работает-ли оно на китайские или иностранные деньги, или на те и на другие, сколько в нем занято постоянных и временных рабочих. Более или менее достоверные данные о промышленности имеются лишь по



Большая паровая мельница в г. Уси.

отдельным провинциям и городам, за отдельные годы. Впрочем, по вопросу об участии китайского или иностранного капитала в предприятиях нет вообще никаких надежных цифр, так как во многих случаях иностранный капитал прячется под вывеску китайского и наоборот. Однако, все наблюдатели китайской жизни отмечают стремительный наплыв чисто-китайских капиталов в промышленность. Имеются косвенные данные в этом смысле, более убедительные и показательные, чем случайные цифры.

Тот город Уси в провинции Цзянсу, в той самой, где расположен город Шанхай. Уси—город исключительно китайский. Он не открыт для иностранной торговли. Он не значится в списке „договорных портов". Тем не менее, этот город представляется в большой центр мукомольной промышленности, организованной согласно требованиям новейшей техники. Развитие мукомольной промышленности в городе Уси связано с именем китайского капиталиста, построившего еще в 1900 году 4 мельницы с капиталом в два миллиона рублей. В том же городе множество китайских фабрик по изготовлению мешков, затем маслобойных, мыловаренных, кирпичных и др. заводов.

В той же провинции Цзянсу имеется новый город „Нань-Тун-Чжоу", известный под именем „образцового города". Город строился и строится под руководством китайца, крупнейшего собственника большого количества фабрик, расположенных в этом городе, бывшего министра земледелия и торговли.

Нань-Тун-Чжоу центр округа „Тун-Чжоу", большого района хлопчатобумажной промышленности. Ежедневное производство на хлопчатобумажных фабриках этого района превышает миллион тюков? Город имеет показательные и инструкторские станции по хлопковой и шелковой промышленности, высший сельскохозяйственный институт, 334 школы с общим количеством в 20.000 учащихся, пять современных банков, работавших на европейский лад и 8 старинного образца банков, больше занятых разменом денег и спекуляцией на курсах валюты. Есть спичечный завод, железоделательный электрический, мельница и т. д.

Патронный завод в Мукдэне.

Весьма вероятно, что в описанном городе и округе Нань-Тун-Чжоу работает и иностранный капитал, под маской китайского, или в компании с китайским. Так или иначе, добрая половина или больше промышленности принадлежит здесь национальному, чисто китайскому капиталу.

Кто они, новоиспеченные китайцы-фабриканты, „короли" сахара, хлопка, шелка? Это бывшие министры, придворные, высшие сановники Пекина, хорошо нагревшие руки на иностранных займах и на выколачивании налогов с провинций. Частью—они выходцы из глуби Китая, кочевавшие за пределами Китая по странам Азии и Америки, в поисках куска хлеба, случайно нажившиеся за границей, затем вернувшиеся в отечество в качестве насадителей промышленности. По **главным образом** китайские промышленники выходят **из вчерашних компрадоров.**

Мы писали уже о компрадорах, об их необходимой роли посредников в торговле Китая с внешним миром Компрадор, мы указывали, обязательно имел в начале работы свой капитал, довольно значительный по китайским понятиям, или хоть личный кредит на крупную сумму. Компрадор начинал не с пустыми руками, обычно в ходе работы его карманы пухли все более. Со временем, обогащаясь на службе у иностранцев, компрадор принимается мечтать о самостоятельности. Он изучил на службе у иностранца приемы иностранной торговли и промышленности. Его тянет применить знания и капиталы для

себя лично и исключительно. Выгоднейшие перспективы промышленной работы особенно влекут к себе компрадоров. Иностранные торговцы в Китае отмечают, что в недавние годы деятельность компрадоров на пользу иностранных предпринимателей становится все менее усердной. Компрадоры заметно „отлынивают" в сторону. У них падает интерес к их иностранным работодателям; они подчас даже отказываются гарантировать иностранную фирму от возможных потерь и убытков, какие фирма может понести от сделок с китайцами. Компрадоры проявляют непокорность, утрачивая интерес к „службе" в иностранной „фирме", унося с собой накопленный ими капитал на новые китайские фабрики и заводы. Вчерашние компаньоны иностранцев, они сегодня их конкуррепты, в торговле и особенно в промышленности завтрашние враги.

Шанхайский Банк.

Конкуренция китайского капитала с европейским постепенно стала сказываться не только в промышленности, но и в банковском деле. Китайские дельцы, пробивая себе самостоятельный путь в торговле и промышленности, довольно скоро поняли необходимость иметь собственные банки, построенные на современный лад, способные собирать по частям бездействующий капитал и снабжать им „работающих" китайских капиталистов, особенно промышленников. За несколько десятков лет китайские банки, более или менее независимые от иностранцев, сделали крупные успехи. Особенно важно и интересно учреждение двух больших центральных банков, тесно связанных правительством, но обслуживающих промышленность и торговлю. Так называемый „Китайский банк" вырос из частного китайского банка. В 1917 г. он был окончательно оформлен в виде полуправительственного, получастного банка. Пекинское правительство внесло свою долю в размере 5-ти миллионов рублей, китайские купцы более 7-ми миллионов. Сумма не покажется слишком великой; собрать ее удалось все-таки далеко не сразу и с весьма большим трудом. Другой, т. н. „Банк Путей Сообщения" был задуман вначале как чисто казенный, даже более того, как узко-ведомственный банк исключительно пекинского министерства путей сообщения. Потом, в 1911 году, в момент

КЛУБ ЛАЗО

китайской революции, банку грозила гибель, [illegible] спасло вмешательство группы китайских богачей во главе с Ляи-Шп-И, слывущим по всему Китаю „богом богатства".

Английские и японские банки в Китае, возглавляемые крупнейшим „Шапхай-Гонконгским банком" и сейчас остаются хозяевами на китайском денежном рынке; все же китайский национальный капитал питает желание и надежду освободиться от финансового (денежного) засилия заграницы. Иностранцы, благодаря своему богатству и связям до сих пор одни в состоянии предложить крупные суммы взаймы правительству и фабрикантам Китая на сколько нибудь сносных условиях. Китайские банки могут ссудить малость и берут процент гораздо выше иностранного. Пекинское правительство все еще питается займами у иностранцев. Китайские банкиры смогли предоставить правительству заем всего два раза и то в последние годы всего на сумму меньше 10 миллионов рублей золотом. Эти займы показательны, однако, выявляя направление будущего.

§ 34. Китайский капитал против иностранного.

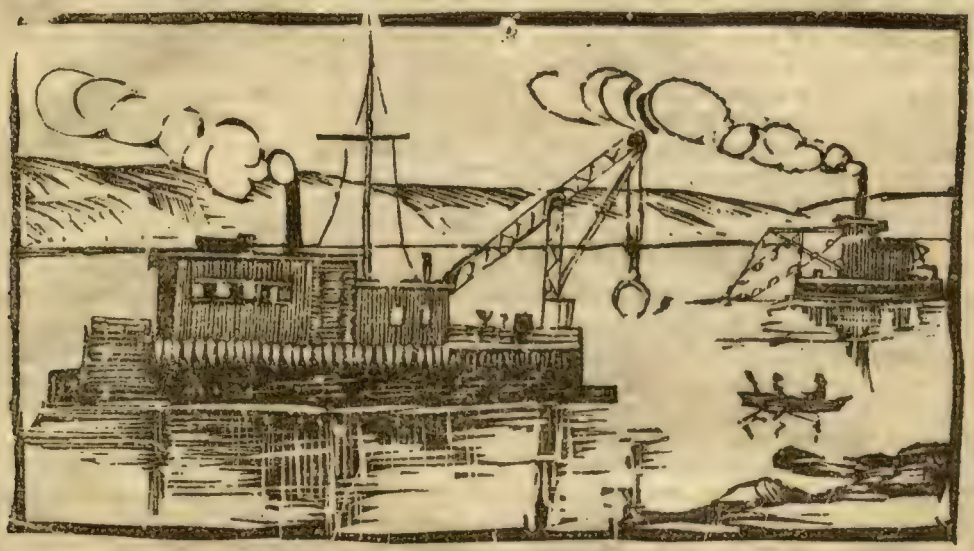
Рост национального китайского капитала сказывается ярко в оживленной конкуренции города Кантона с Гонконгом. Как известно, остров Гонконг захвачен в собственность Англией. Усилия англичан и вообще иностранцев превратили Гонконг в первоклассный океанский порт. Пока иностранный капитал царил безраздельно в Китае, положение Гонконга было совершенно прочно. С течением времени, однако, выросло значение внутренней торговли, находящейся в значительной мере в руках самих китайцев, сосредоточенной в Кантоне. Появились промышленные города внутри страны, на большом отдалении от моря и морского привоза товаров; торговля с этими городами оказалась в руках китайского Кантона, старинного центра Южного Китая с миллионным населением. И вот сами же гонконгские иностранные фирмы, почувствовав необходимость ближе продвинуться к внутренним центрам страны, переселяются в Кантон. Последний растет и сам по себе и за счет Гонконга.

Китайский национальный капитал обрастает богатством и влиянием. Он набирается мыслей и смелости. Зарождает смелые планы. Пока лишь планы, но будущее за ними. Отметим показательные во многих смыслах проекты исправления реки Янцзыкианга и создании нового океанского порта.

Китайцы считают, что в интересах их промышленности и торговли река Янцзыкианг должна быть освобождена от большого количества ила, крайне затрудняющего судоходство. Устье реки Янцзыкианга на всем обширном своем протяжении характерно своим густым желтым, вернее, глиняным цветом. Самое накопление ила в устье об'ясняется ослаблением течения реки, которая сильно разливается при своем слиянии с морем. Новая китайская буржуазия мечтает о величайших работах по исправлению реки, стоимостью в сотни миллионов рублей.

Сюда примыкает вопрос, возбуждающий много толков о новом порте. Та же река Янцзы заносит Шанхай илом, забивающим собой все подступы к Шанхаю. Расходы по очистке подступов создали необходимость в особом налоге, исчисляемом приблизительно в три четверти миллиона в год. Даром, что на очистку истрачено с 1906 года более 20 миллионов рублей, ил продолжает свою работу. Окончательное исправление Шанхая, т. е. превращение его в первоклассный порт, не угрожаемый быть занесенным илом, открывающий доступ в самую бухту океанским, глубоко сидящим кораблям и

эта работа должна стоить очень крупных денег. Но китайская буржуазия против затраты громадной суммы на пользу именно Шанхая. Дело в том, что порт Шанхай находится в исключительном и нераздельном владении иностранцев. В самом управлении шанхайским портом китайцам места не отведено. В управлении Шанхаем, как городом, китайской буржуазии отведено незначительное место, путем предоставления китайским собственникам права образования особого совещательного органа при городском совете. Мы говорили



Работы по углублению реки Янцзыкианг.

уже, как иностранцы вообще относятся к китайцам везде. По мнению китайской буржуазии, хозяйственное развитие самого Китая требует создания **свободного от иностранного влияния китайского порта**, где китайцы занимали-бы господствующее положение на самом рынке, сами диктовали бы условия ввоза и вывоза. Какой смысл, говорят китайцы, затратить на улучшение шанхайского порта большие суммы народных китайских денег, если китайская промышленная и банковская буржуазия все-таки будет чувствовать себя в Шанхае на положении гостей, с которыми иностранцы обращаются по собственному усмотрению и произволу. Отсюда толки о „новом порте", будущем **китайском** Нью-Йорке. Называют разные пункты для устройства порта, и вообще весь грандиозный (огромный) проект нового порта пока еще в области разговоров. Надо, эти разговоры чрезвычайно показательны и характерны для духа нового времени в Китае.

Зато уж совершенно серьезный разговор, очень неприятный большинству иностранцев, поведен новоявленной промышленной буржуазией Китая о **повышении таможенных пошлин** на морских и других границах страны. В этом вопросе интересы китайца-фабриканта сходятся с интересами того иностранца, который открыл промышленное предприятие в Китае. Все владельцы фабрично-заводских предприятий в Китае, независимо от цвета их кожи, были бы рады поставить преграду ввозу и конкуренции иностранных готовых изделий в Китай. В частности и, в особенности, китайские фабриканты чувствуют себя в силах развить обработку местного хлопка местными

рабочими руками на местных предприятиях до таких размеров, чтобы **Китай мог обходиться совершенно без иностранного ввоза. Китай уже стоит на пути к полной самостоятельности в хлопчатобумажной отрасли.** В 1919 году, например, на фабриках в Китае изготовлено 3.307.500 тюков пряжи, а „поглощено" Китаем в том же году 5.842.785 тюков. Увеличение вдвое собственного прядильного производства Китая позволило бы Китаю удовлетворить свою потребность в одежде **почти исключительно своими средствами.** Китайские мануфактурщики и заявляют о своей готовности увеличить фабрики вдвое-втрое, если будет введена таможенная пошлина на иностранную пряжу, огораживающая китайское производство от конкуренции иностранных хлопчатобумажных мануфактур.

Как выше сказано, и китайцы, и иностранцы, владеющие фабриками в Китае, одинаково рады бы оградить себя таможенной стеной от конкуренции иностранного ввоза. Но англичанин или американец, имеющий фабрики в Китае, он в то же время и купец; обычно главным занятием иностранца является импорт-экспорт (ввоз-вывоз), обслуживание внешней торговли Китая с заграницей. Промышленная работа у них только побочное занятие. Как импортер, иностранец заинтересован в низких таможенных пошлинах на иностранный товар, как фабрикант, если он имеет предприятие в Китае — высоких. Оттого многие иностранцы в Китае, хотя высказываются в пользу китайского требования о введении „покровительственных пошлин", покровительствующих развитию собственной китайской промышленности, не проявляют, однако, особенной настойчивости в этом вопросе. И только национальная китайская промышленная буржуазия ощущает вопрос о повышении ввозных таможенных пошлин, как свое кровное и большое дело. Китайская буржуазия все время настаивает перед центральным правительством в Пекине на повышении ввозных пошлин. Пекинское правительство в ответ на ходатайства промышленников снова и снова тычет пальцем на договоры с великими державами, запрещающие китайскому правительству повышать пошлины по внешней торговле самостоятельно, не спросясь держав. Иностранные государства в интересах своей торговли не легко дадут требуемое согласие.

Китаец богач на прогулке.
(по китайск. рисунку).

Но китайских промышленников не успокаивает ссылка на старые договоры. Они заявляют пекинскому правительству в необходимости во чтобы то ни стало добиться отмены договоров, ограничивающих свободу действий Китая в таможенных вопросах, договоров унизительных для независимого государства, для национального чувства и национальных интересов страны.

Таким образом, из соображений выгоды и хозяйственного расчета китайская национальная буржуазия стала на путь борьбы с засильем иностранного товара и оружия.

Нет ни одной области хозяйственной жизни, в которой народившаяся промышленная буржуазия Китая не пыталась бы противопоставить себя иностранному капиталу. Там, где незначительность китайских капиталов и слабое техническое умение не позволяют еще в настоящее время действенно конкурировать с иностранцем, там китайская буржуазия спешит оградить хоть свои права на будущее. Центральное пекинское правительство вынуждено все более прислушиваться к голосу китайской торгово-промышленной буржуазии, и с ним считаться. Слушаясь советов своей буржуазии, китайское правительство делало слабые попытки ограничить права и преимущества иностранных капиталистов. Так в 1914 году издан закон, согласно которому только граждане Китая могут получить права на обработку горных участков, иностранцы же могут приобретать права горной разработки только в том случае, если основывают рудники (или копи) совместно с китайским капиталистом. Притом иностранец не вправе владеть более, чем половиной предприятия. Так гласит закон, но иностранец, до поры до времени всемогущий в Китае, умеет обходить запреты слабого пекинского правительства.

Глава восьмая.

Революция и гражданская война.

§ 35. Причины революции.
§ 36. Революционный взрыв.
§ 37. Ход событий.
§ 38. Политические партии.
§ 39. Федералисты.
§ 40. Дудзюны.

Краткое содержание главы VIII.

Маньчжурская династия завоевателей оставалась до конца внутренне чужда китайскому народу. Ряд поражений в борьбе с иностранцами, особенно в японо-китайской войне 1895 г., убедил народ и в военной слабости маньчжуров. Пекинское императорское правительство, между тем, усилило свое вмешательство в дела провинций. Китайская буржуазия встала в первые ряды недовольных. Она требовала сильного национального правительства, пользующегося доверием народа, правительства, способного освободить Китай от засилия иностранного капитала (конкурента). Случайные, но глубоко показательные обстоятельства дали повод к революционному взрыву. Отсталые слои общества провинции искали случая оградить провинциальную самостоятельность от растущей централизации власти.

Революция и гражданская война.

§ 35. Причины революции.

Нарождение многочисленной торговопромышленной буржуазии китайского происхождения прозвучало похоронным звоном над маньчжурской династией.

Новая китайская буржуазия не могла простить маньчжурским императорам подписания стольких позорных договоров с иностранцами, сковавших Китай по рукам и ногам, поставивших китайского торговопромышленника, не говоря об остальном населении, настолько ниже иностранца.

Китайская буржуазия, как передовой класс, борющийся за власть, раньше других слоев населения уяснила себе слабость маньчжуров. Пришлая династия маньчжурских завоевателей, чуждая по происхождению китайскому народу, насквозь прогнила. Пекинский императорский двор был неспособен поднять борьбу за освобождение Китая от иностранного засилия. Было ясно, что народная толща не пойдет за императорами в национальную борьбу.

После японо-китайской войны, где небольшая и неизвестная до тех пор японская империя так легко и полно разбила исполинский Китай, передовые слои китайской буржуазии после этого решительно встали во главе недовольных. Недовольство маньчжурами широко разливалось по стране, ибо в глазах всего народа маньчжуры в этой войне „потеряли лицо“.

К несчастью для императорской власти, она как раз во второй половине 19-го столетия начинает энергичнее прежнего вмешиваться во внутренние дела управления провинций. Пекин стал ближе к провинции, благодаря железным дорогам, почте и телеграфу. Центральная власть получила возможность лучше следить за действиями провинциальных чиновников. В провинции рука центральной пекинской власти чувствовалась в эту пору гораздо сильнее и чаще, чем в предшествующие столетия.

Особенно часто приходилось вмешиваться Пекину, когда в дело был замешан как-нибудь интерес иностранных держав и граждан. Иностранец, про-

живающий в любом „договорном порту“ (число этих пунктов, открытых для проживания иностранцев, возросло со временем до 46), немедленно относился со всякой жалобой на местную власть к своему посольству в Пекин; оттуда звонили в императорское министерство иностранных дел; волей-неволей центральная власть слала по телеграфу внушение провинциальным властям.

Участившееся вмешательство Пекина тяготило провинцию. Местные „джентри“ уездные и провинциальные не радовались возросшему вниманию власти, которую на местах никогда не любили за ее маньчжурское происхождение, а теперь уже не стали и уважать. Провинция продолжала по привычке и из страха выполнять распоряжения центральной власти, но все неохотнее. Во многих случаях руководящие провинциальные круги предпочитали уже иметь дело с местными иностранцами и иностранными властями, чем с Пекином. Современем в провинции завелось обыкновение прятаться за спиной разных иностранцев от приказов и власти китайского императора. То было уже не слыханное дело, свидетельствовавшее о разложении правительственной машины, о чрезвычайно низком весе исторической власти.

Мыслящие люди в Китае—среди буржуазии, студенчества, молодого рабочего класса, в армии,—чем **дальше, тем больше чувствовали себя без власти, заслуживающей доверие народа, способной встать во главе освободительной национальной борьбы с и остранным засилием.**

В 1911 году разразилась долгожданная гроза над троном богдыханов (императоров). Произошла революция, отстранившая—маньчжурскую династию от власти, в несколько месяцев превратившая Китай в республику.

§ 35. Революционный взрыв.

Революционный взрыв 1911 г. произошел по случайному и довольно незначительному поводу. Обстоятельство, давшее повод и начало революции, быстро забылось потом даже в самом Китае. Тот, кто пристально вглядится в этот небольшой на вид случай, увидит в нем большие причины китайской революции, как видно небо в капле воды.

Ведь, как это ни странно, маньчжурская династия пала именно тогда, когда попыталась что-то предпринять для национального освобождения Китая. Это усилие погубило императорскую власть, так как никто по прошлому опыту не поверил в ее искренность и способности. Наоборот, в необычном поведении Пекина торговопромышленная буржуазия и вообще влиятельные круги провинций, усмотрели новую преступную интригу власти, новую и страшную измену. Испуг провинций толкнул их на отчаянное выступление, решившее судьбу династии.

В самом деле. Обстоятельства сложились так, что в последние годы перед революцией пекинское императорское правительство имело некоторый успех в переговорах с иностранцами по вопросу о постройке новых железных дорог. Императорское правительство ловко использовало обнаружившиеся уже тогда несогласия среди великих держав.

Пекину удалось вставить в договоры с иностранцами о строившихся вновь железных дорогах такой пункт, по которому желдорога считалась собственностью китайского правительства, и управление дорогой принадлежало ему, с тем единственно условием, что китайское правительство обязано назначить опытных иностранцев на некоторые важные должности в управлении. Такая уступка со стороны иностранцев кое-что значила. Раньше, ведь, русские, японцы и другие, строя желдороги на китайской земле, брали дороги в

полную собственность. Но, странным образом, именно эта небольшая победа над иностранцами послужила внешним толчком к гибели императорской власти.

Возгорелся спор о том, кто же должен считаться собственником и распорядителем строющихся желдорог. Не иностранцы, но кто же? Центральное ли правительство, или провинции, по которым пролегают дороги?

В провинциях сразу пошли разговоры о необходимости строить железные дороги вообще только на китайские деньги, не допуская к этому делу иностранцев. Пошли сборы на постройку собственными силами. Это местное движение кончилось практически ничем. Собрали пустяшные деньги. Никто не давал, зная наперед, что организаторы сбора, по укоренившемуся китайскому обыкновению, растратят собранные деньги. Шуму вышло много, дела мало

Иностранные капиталисты были решительно против передачи дорог в ведение провинций, предпочитая иметь дело с одним центральным правительством, нежели с несколькими провинциями. Императорское правительство, уступая настояниям иностранцев и убедившись в пустозвонности провинциальных обещаний, в мае 1911 года повелело впредь все главные (магистральные) линии железных дорог считать собственностью центрального правительства, а провинциям предоставило право строить только ж. д. ветки.

Императорский указ относился, в частности, к законтрактованным уже ж. д. линиям Ханькоу-Кантон и Ханькоу-Сычуань (Ханькоу расположен в самой середине внутреннего Китая, Сычуань на западе, а Кантон на юге).

Совершенно неожиданно для всех, императорский указ явился спичкой, брошенной в пороховой погреб. Провинции, еще не имевшие до того дела с иностранными ж. д. концессионерами и вообще с ж. дорогами, испугались иностранной желдороги и всяческого нового нажима со стороны Пекина в связи с дорогой.

В провинциях Сычуань и Хубей вспыхнуло восстание, живо перекинувшееся на весь юг и центр страны. Образовалось новое революционное правительство в Нанкине. Революционеры двинулись с юга. Императорская власть не нашла сколько-нибудь достаточной поддержки в Северном Китае и в самом Пекине. 12 февраля маньчжурский император отрекся от власти в пользу установленной республики, и удалился в уединение. Он сохранил, впрочем, свой титул, двор и ежегодную пенсию в 4 миллиона рублей.

Таково стремительное начало китайской революции.

В нем отразилась основная причина переворота, и до некоторой степени в этом самом начале уже наметились дальнейшие судьбы революции.

В самом деле.

Развитие страны в сторону капитализма, которое в начале шло на пользу центральной маньчжурской власти, повернулось здесь против нее. Работа иностранных капиталистов связала страну, усилив значительно пекинский центр. Она все же не связала провинций между собой такими нерасторжимыми узами, хозяйственными и политическими, какими связаны области любой капиталистической страны. Революция 1911 года и была со стороны наиболее отдаленных провинций запада и юга, исторически наиболее обособленных, резкой попыткой сбросить с себя все более тяжкое иго нарастающего капитализма. Последний в глазах народа воплощался, с одной стороны, в лице заносчивых иностранцев, и с другой стороны, в лице пекинского правительства, творящего волю иностранных завоевателей.

Таковы сновной смысл и содержание революции 1911 года. Ее характерное начало показывает, что она была в главном (как и боксерское движе-

ние) инстинктивным, судорожным движением старого против нового, „самостийных“ провинций против императорского центра, все более сильного материально.

Понятное, несвязное движение провинций было-бы раздавлено маньчжурами без особенного труда, не будь оно поддержано передовой китайской буржуазией всей страны. Буржуазия видела (и основательно) в маньчжурской династии главную преграду на пути развития самостоятельного, национально-китайского капитализма. Таким образом, отсталые провинциальные круги и передовая буржуазия городов шли розно, но били вместе.

Общее недовольство китайского народа маньчжурами, Южного и Среднего Китая севером, недовольство китайской буржуазии иностранцами и в связи с этим ее недоверие к Пекину, страх отдаленных провинций (Сычуань) вообще перед новым вмешательством центральной власти в местные дела—все это сразу слилось в дружном потоке. Императорская власть не устояла и полугода. Совершив почти бескровное начало революции, сметя вмиг отжившее старое, Китай не нашел сразу путей к новому.

Передовая китайская буржуазия южных и юго-западных провинций, которая руководила атакой на маньчжурскую династию, оказалась на второй день революции недостаточно развитой и недостаточно сознающей свои цели для того, чтобы установить прочный новый строй, чтобы самой занять место Пекина и иностр. капиталистов.

Хуже того, эта буржуазия не сумела даже сохранить старую скрепу страны. Отдельные провинции Китая, уставшие от вмешательства центральной власти в их внутренние дела, побрели розно. С 1911 г. и по сегодняшний день в Китае идет не переставая **вооруженная борьба разных партий и групп за власть.** Одновременно продолжается распад Китая на отдельные провинции или союзы нескольких провинций.

§ 37. Ход революции.

Вкратце фактическая история китайской революции и гражданской войны за 12 лет представляется в следующем виде:

Маньчжурская династия, как сказано, не устояла против напора революционной армии. Во главе этой армии и всего революционного движения против маньчжуров стоял доктор Сунятсен, вождь партии „гоминдан“. Он об'явил себя президентом Китайской республики.

Императорский двор собственно говоря намеревался оказать революционерам серьезное сопротивление, и мог бы вероятно попытать счастья с верными маньчжурами (знаменными войсками) и иными силами. Дело не дошло до крайне серьезной и затяжной борьбы благодаря Юаньшикаю.

Этот старый генерал и мандарин, чрезвычайно талантливый и умный, пользовался огромным доверием императорского двора; в то же время часть китайского образованного общества, особенно в Северном Китае, относилась к Юаньшикаю иначе, чем к остальным мандаринам, считая его мудрым и просвещенным патриотом. Юаньшикай был в Китае вроде того, чем граф Витте был когда то в России.

В решительную минуту наступления войск Сунятсена на столицу, Юаньшикай взялся предотвратить страшное кровопролитие. Он уговорил императора отказаться добровольно от власти, пугая его силой повстанцев и враждебностью общественного мнения.

Свержение маньчжуров произошло таким образом бескровно, вследствие чего слава Юаньшикая во всем Северном Китае возросла еще больше. По уходе маньчжурской династии состоялось соглашение между Юаньшикаем и Сунятсеном. Старый мандарин Юаньшикай был провозглашен постоянным президентом Китая. Зато он согласился принять к руководству конституцию, выработанную доктором Сунятсеном и партией „гоминдан".

Сун-ят-сен.

В 1913 году собрался первый китайский парламент, избранный на основе конституции. У Юаньшикая с парламентом вскоре пошли крупные нелады.

Вожди Юга, управлявшие всем революционным движением в общем не верили ни одной пекинской власти. Они обвиняли Север, олицетворенный в Пекине, в вечном стремлении к „империализму", к деспотическому господству над всеми провинциями. Еще того менее, они верили старому царедворцу Юаньшикаю.

Тот, со своей стороны, считал парламент и конституцию глупостью, привозной иностранной модой. Как видно из дальнейш. поведения, Юаньшикай

метил поставить новую китайскую династию на место завоевателей-маньчжуров, метил сразу закончить революцию 1911 года тем самым, чем кончались многочисленные революции в прошлом Китая. Юаньшикай соглашался, самое большее, подкрасить свое правление цветами показного парламентаризма, но не допускал и мысли об умалении исторических прав Севера и Пекина над всей страной. К парламенту, составленному в подавляющей части из людей незначительных и корыстолюбивых, Юаньшикай питал одно лишь презрение

Юань-шикай.

Юаньшикай был весьма популярен у англичан, не желавших ничего лучшего, как увидеть эту привычную им фигуру хозяином положения, укротителем революции. Также по существу смотрели на дело и Германия, Франция, Япония, цар. Россия. Однако, из иностранцев кое-кто втайне желал продления революционных событий, надеясь поживиться в смутное время. Открыто все державы поддерживали Юаньшикая, идя по следам Англии. Втайне Япония отчасти Россия и Германия, интриговали временами против Юаньшикая, поддерживая его противников.

Почти накануне открытия парламента в начале 1913 года иностранные державы предоставили Юаньшикаю заем в 200 миллионов рублей „на дело преобразования страны". Иностранцы хорошо понимали, что дают Юаньшикаю средства на борьбу с революционерами. Парламент, собравшись в апреле 1913 года, отказался признать и утвердить заем.

В июле 1913 года разразилась „вторая революция", также руководимая „гоминдан". Северные армии Юаньшикая подавили без труда револю-

цию. Устрашенный парламент согласился утвердить Юаньшикая президентом и признать заем. Затем иностранные державы торжественно признали новое китайское правительство, с Юаньшикаем во главе. После чего Юаньшикай преспокойно разогнал парламент, а партию „гоминдан" об'явил вне закона.

Сунятсен и члены парламента, принадлежавшие к „гоминдан", бежали на юг Китая. Юаньшикай два года правил самовластно Китаем в качестве президента. Затем он решил, что приспело время создать новую китайскую

У-пей-фу.

династию и в конце 1915 года об'явил себя императором. Японский и другие посланники официально предостерегли Юаньшикая не делать этого шага но он не послушался.

Юг и юго-запад Китая ответили на весть о восстановлении империи в Пекине новым восстанием, имевшим успех. Юаньшикай был вынужден отказаться от намерения восстановить императорскую власть. Через полгода он умер.

Новый президент, Ли-Юань-Хун, вновь созвал разогнанный парламент.

Через год у нового президента вышел спор с северными генералами. Те настаивали на вступлении Китая в войну на стороне союзников против Германии. Президент и парламент хотели сохранить нейтралитет Китая. Военная северная партия вторично разогнала парламент, опять-таки с помощью иностранных держав (Англии). Ли-Юань-Хун ушел в отставку.

При этом случае один северный генерал Чжа-Сюн сделал попытку восстановить власть маньчжурского императора. Другие северные командиры не согласились на это и прогнали штыками мятежных монархистов. После чего-

рехдневного перерыва в Пекине снова была провозглашена республика, существующая до настоящего дня.

Однако, власть центрального правительства Китайской республики в Пекине не признавалась и не признается на юге и юго-западе Китая. Там нашли себе убежище д-р Сунятсен и „гоминданцы". Они считают незаконным пекинское правительство, разогнавшее парламент, и не признают власти пекинского президента. В Кантоне собрались остатки дважды разогнанного парламента. В апреле 1921 г. эти обломки парламента провозгласили доктора Сунятсена президентом Китая. Власть д-ра Сунятсена на юге Китая момен-

Цао-Кунь.

тами бывала очень сильна, иногда падала совершенно. Отдельные провинции юга и юго-запада то слушались д-ра Сунятсена, то обещались слушать Пекин, то заявляли себя нейтральными.

С 1917 года по 1920-ый в Пекине стояло у власти правительство военной диктатуры. Во главе его стоял подставной президент, но фактически правил маршал Дуань-Чи-Джуй, тот самый генерал, который отвратил угрозу монархического переворота. Маршал Дуань создал свою собственную партию, так называемый „клуб анфуктов", преимущественно набранный из северных генералов, имевший, однако, некоторые связи и в военных кругах среднего и западного Китая.

И Дуань, и его группа держались у власти, главным образом, благодаря многочисленным японским займам. Беря деньги у Японии, вопреки проте-

стам общественного мнения, аньфуисты рабски исполняли веления японского посланника в Китае. В 1919 году произошли большие студенческие демонстрации в Пекине и в других городах в знак протеста против подкупности правительства, окрещенного в народе изменническим, за близкую связь с ненавистной Японией.

В конце 1920 года два видных генерала („дудзюна"—смотри о них дальше) так называемой „чжилийской партии" соединились против аньфуистов с генерал-губернатором Маньчжурии—маршалом Чжанцзолином. Ими бы-

Чжан-зо-лин.

ло совместно об'явлено, что они идут на Пекин свергнуть „продажных изменников". Армии аньфуистов, окруженные всеобщим недоброжелательством, поколебались и бежали перед „чжилийскими" войсками, предводительствуемыми способным генералом Упейфу.

Победители—вожди „чжилийской" партии, генералы Цао-Кунь и Упейфу а также Чжанцзолин—очень быстро перессорились между собою. Чжан-

цзолин попытался присвоить себе все плоды победы, поставив в Пекине правительство ему покорное и его снабжавшее деньгами из общегосударственной казны.

Весной 1922 года дошло до настоящей войны между Унейфу и Цао-Куном с одной стороны, Чжанцзолином—с другой. Маньчжурский царек Чжанцзолин был разбит на голову, несмотря на значительную и плохо скрываемую японскую помощь. Много говорили о поддержке деньгами, оружием и советами генералу Унейфу со стороны англичан и американцев. Впрочем, это было шито-крыто. Чжанцзолин, не преследуемый войсками Унейфу, удалился в Маньчжурию залечивать раны и готовиться к новым битвам.

Дуан-чи-жуй.

Чжилийская военная партия, утвердившая после этой схватки свою власть в 10-12 провинциях Северного и Среднего Китая, обратила затем главные усилия на покорение Юга.

Здесь чжилийцам приходится иметь дело прежде всего с партией гоминдан, опирающейся не только и не столько на штыки, сколько на общественное мнение городов и провинций. Д-р Сунятсен и его сторонники все время выставляли себя горячими сторонниками конституции и парламента, попираемых северными милитаристами. С целью выбить из рук Сунятсена его идейное оружие, победившие чжилийские генералы, действуя без сомнения по совету иностранцев, созвали вновь в Пекине тот самый злосчастный парламент, который дважды уже был разогнан—в 1914 и 1917 годах.

Президентом Китая был посажен бывший президент Ли-Юань-Хун, законность которого не оспаривается и южанами. На зов Унейфу и Ли-Юань-Хуна в Пекин съехалось достаточное количество депутатов старого парла-

мента, в том числе большинство депутатов-гоминданцев. Парламент начал вновь работу, дважды прерванную по составлению постоянной конституции Китайской республики.

Одновременно с созывом парламента, генерал Унейфу, действовал против д-ра Сунятсена в самом Южном Китае. Созыв законного парламента ослабил д-ра Суна, лишив его ореола единственного защитника революционной законности. По соглашению с Унейфу, генерал Чен-Чюн-мин, гоминданец, губернатор Кантона, весьма влиятельный на юге, отложился от д-ра Суна, выбросив лозунг „Кантон для кантонцев".

КЛУБ ЛАЗО

„Маленький Сюй".

Чен-Чюн-мин готов помириться с Пекином и с чжилийской партией, признать власть центрального пекинского правительства также и над югом, под условием предоставления Кантону и его провинции широкого местного самоуправления. Чен-Чюн-мин внезапным ударом выжил д-ра Суна из Кантона в середине 1922 г. Впрочем, в 1923 году д-р Сун снова овладел Кантоном.

1923 год был для Северного и Среднего Китая мирным в том смысле, что крупных боевых столкновений не было. Чжилийская военная партия держит бразды правления достаточно крепко для того, чтобы предотвратить вооруженное выступление со стороны отдельного генерала.

Острая политическая борьба, тем не менее, продолжается вокруг парламента и центрального пекинского правительства, в виде утончейших интриг, взаимного подсиживания и т. д. Идет длительная подготовка крупных политических событий.

Генерал Цао-Кунь, политический глава чжилийской партии, определенно добивается быть избранным законным образом от законного революционного парламента в законные президенты Китая. Добившись законного титула, Цао-Кунь намерен потом средствами военного принуждения заставить весь Китай, включая Юг, слушать себя. Генерал Упейфу, в предвидении событий, энергично работает над укреплением своего войска и своих стратегических позиций в долине Янцзы.

Не спят и враги чжилийской партии. Они, видимо, об'единяются для нападения со всех сторон на Упейфу и Цао-куня. Чжанцзолин провозгласил независимость Маньчжурии и спешно вооружается не без помощи японцев. Он завербовал на свою службу большое число русских белогвардейцев из Харбина и Приморья.

Чжанцзолин, Сунятсен, старый аньфунский маршал Дуань-Чи-джуй и кое-кто другой совещаются между собой, обдумывая общую атаку на нынешних хозяев положения. Члены пекинского парламента, сторонники упомянутых лиц, стараются всячески затруднить парламентскими средствами работу правительства и чжилийской партии.

Посреди генеральских своеволий и раздоров, интриг и бездействия депутатов парламента, иностранных агентов и дипломатов, осаждаемое кредиторами, изнуряемое безденежьем—пекинское центральное правительство быстро разрушается. Фактически распоряжения правительства имеют малый или нолевой вес за пределами Пекина; там начинается царство необузданной военщины.

В Китае фактически нет сейчас ни конституции, ни республики. Все это существует лишь на бумаге. Нет и общепризнанной, сколько нибудь сильной центральной власти.

Правительство сидит в Пекине, потому что его терпят. Его терпят и признают иностранцы, которым, ведь, надо иметь с кем нибудь дело и разговор по всяким предметам, о долгах, пошлинах и т. д. С другой стороны, провинции, не желающие допустить никакого вмешательства центральной власти в свои дела, ощущают все таки необходимость общего центра, хотя бы для виду об'единяющего и представительствующего всю страну перед лицом внешнего мира. Поэтому-то провинция, партии, военные командиры во всей стране и даже некоторые на юге—все они что-то такое признают для виду.

Однако, даже это призрачное, кажущееся существование пекинской центральной власти становится все более непрочным. Оно грозит рухнуть. Безденежное правительство перестает привлекать даже корыстолюбцев. Оскорбляемое и унижаемое со всех сторон, оно не найдет ничего, кроме огорчения, сколько нибудь честным деятелям. Все труднее становится найти кандидатов на пост министров.

Президент Китая—Ли-Юань-хун—в июне 1923 года снова бежал от произвола чжилийских генералов в иностранный сеттльмент в Тяньцзин. Министерство продолжает существовать в неполном составе, лишенное, с бегством президента, даже тени революционной законности.

§ 38. Политические партии.

Революционное движение после блестящего начала в 1911 году, затем распылилось, раздробилось, пошло вглубь. Зачастую оно принимает уродливые, непонятные формы. Однако, революция жива. Силы революции продолжают борьбу за обновление и об'единение страны.

Во главе революционного движения продолжает стоять партия „гоминдан", возглавляемая Сунятсеном, первым президентом Китайской республики.

„Гоминдан" твердо знает, чего хочет. Она жаждет поставить на место чуждой, всем постылой маньчжурской монархии, республиканский строй управления на американский образец. Революционная партия „Гоминдан" желала бы видеть в Пекине, во дворце богдыханов, а еще лучше в ином городе Китая—в Кантоне, Нанкине и т. п., всекитайского президента, правящего над всем Китаем рукой не менее и даже более твердой, чем рука богдыханов.

Президент, как понимает дело „гоминдан", обязан принимать свои решения в согласии с выборным парламентом; в дальнейшем приказ президента должен иметь уже силу непреложного закона для всего Китая, от края до края.

„Гоминдан" выдвигает так называемый „расовый принцип". Этот принцип гласит: „Китай для китайцев". Иными словами—Китай должен быть возрожден силами самих китайцев. „Гоминдан" стремится населить китайскими земледельцами пустынные ныне просторы Монголии, Туркестана, Маньчжурии и Тибета. Тогда, утверждает „гоминдан", произойдет полное слияние **пяти** народов одной расы (китайцев; монгол, маньчжуров и турки) под общим **пятицветным** флагом республики.

„Гоминдан" проповедует некоторое подобие социалистического учения, смесь европейских и американских теорий. В толковании Сунятсена социализм превращается в государственный капитализм.

„Гоминдан"—чуть ли не единственная партия в Китае, имеющая сколько нибудь строго очерченную и писаную программу. „Гоминдан" имеет и пункт о партийной дисциплине, в силу которой все члены подчиняются руководящему главе партии.

На бумаге „гоминдан" насчитывает около 100.000 членов. Так или иначе, это—самая многочисленная партия в стране.

За партию „гоминдан" и за ее план государственного переустройства Китая стояли и продолжают стоять многие видные торговопромышленники Китая, затем молодые и старые китайцы, получившие образование заграницей, а также часть рабочих.

„Гоминдан" насчитывает особенно много сторонников на юге и юго-западе Китая, отчасти и в долине Янцзыкианга и во всех больших городах Китая. Кантон с самого начала является опорным пунктом гоминдановцев, главным источником их силы.

Во главе гоминдан все эти годы стояли доктор Сунятсен, доктор Утинъфань, Тан-Шао-И, все люди с громкими именами в стране, внушающие уважение и своим противникам.

В Северном Китае осталось после революции 1911 года довольно много людей, долго пользовавшихся милостью маньчжурской династии и потому преданных ей. Эти люди мечтают о возвращении маньчжурских императоров. Трудно сказать составляют ли они организованную монархическую партию, тайную или явную.

Среди мандаринов и капиталистов Северного Китая держится мысль об утверждении новой, чисто китайской династии императоров на место маньчжурской. Такая мысль имеет много сторонников среди пекинской денежной буржуазии, „работавшей" долгие годы вокруг императорских займов, скопившей свои капиталы на посредничестве между императорским правительством и иностранцами.

Денежная буржуазия Пекина держит в своих руках (не одна, а вместе с иностранцами) большие центральные банки (Китайский и Путей Сообщения) и ряд железных дорог. Немногочисленная, но влиятельная партия крупных китайских финансистов, возглавленная „богом богатства“ Лян-Шы-И, она то оказала денежную поддержку Юаньшикаю в его попытке надеть на себя императорскую корону. „Просвещенный мандарин“ Юаньшикай не имел успеха, но денежная партия, о которой речь (ее называют кликой путей сообщения) имеет и сейчас большую силу.

Так как крупный финансовый капитал перешел уже в Китае рамки отдельных провинций, то сказанная группа пустила корни и в других частях Китая, даже и в Кантоне.

В средних слоях населения Северного Китая (среди мелких и средних торговцев, мелких землевладельцев, ремесленников) насчитывается довольно много сторонников республиканского или, во всяком случае, конституционного парламентарского строя правления. Однако, и эти северные республиканцы, составляющие ядро так называемой „прогрессивной партии“ (либералы), мечтают сохранить власть Севера над всем остальным Китаем, как то было при маньчжурах и многократно до маньчжуров. Они хотят непременно, чтобы республиканский Пекин, обязательно Пекин, а не иной город, правил над страной, как встарь императорский Пекин.

Северная армия.

В Северном Китае сильна выработанная веками привычка к власти над всей страной. Многовековая близость к центральной власти дает себя знать. Отдельные провинции здесь менее склонны искать полной самостоятельности, чем южнее водораздела.

Немалое значение, как мы говорили уже, имеет пребывание иностранных посольств в Пекине. Вопросы об иностранных займах, концессиях продолжают попрежнему обсуждаться в Пекине и т. д. Все партии и лица в Северном Китае, ведущие между собой борьбу за власть добиваются прежде всего власти в Пекине и над Пекином, чтобы затем оттуда распространить свою власть на весь Китай.

Надо заметить, что при императорах в северных провинциях были расположены отборнейшие части китайской армии. Так оно остается и доныне. Юаньшикай, еще будучи советником последних императоров, предпринял усовершенствование китайской армии на европейский образец. Из офицеров, получивших военное образование при Юаньшикае, многие после революции получили большие посты на Юге и в центральной полосе. Большинство, все

таки осталось в Пекине и вообще на севере, командуя северными армиями.

Они образуют большую военную партию Пейян по имени высшей военной школы, где получили образование.

Пейянская военная партия разбилась на мелкие группы, которые между собой беспрерывно грызутся и дерутся за должности, за первенство. Ни одна кучка слушать не хочет гражданских властей, группы даже пекинского президента.

Тем не менее военные пейянской школы не упустят случая двинуть северные войска в средний и западный Китай, под предлогом распространить власть пекинского правительства на ту или иную непокорную провинцию. За последние 5-6 лет северным генералам иногда удавалось доходить почти до самого юга. Затем неизменно вспыхивали бунты в провинциях, возвращавших себе таким образом свободу.

„Пейянская военная партия" когда то состояла под главенством маршала Дуань-Чи-джуя. Затем от нее откололась „чжилийская" военная партия, возглавленная маршалом Цао-Кунь, военным губернатором провинции Чжили. Сторонники Дуаня приняли имя „аньфуистов" по имени одной провинции.

„Гоминдан" силены на юге и юго-западе. Но и там они не в состоянии были до сих пор прочно утвердиться. Даже сама провинция Гуандунь (кантонская), в которой расположен Кантон, даже и она, несмотря на большую и давнюю популярность там „гоминдан", и она несколько раз передавалась противникам Сунятсена и его партии.

Этот пример весьма характерен.

Дело в том, что весьма влиятельные круги в Гуандунской провинции, как и везде, по всему Китаю, южнее Желтой Реки, просто побаиваются усиления центральной власти, которая опять захочет взять провинции в зажим. Они предпочитают конституционную власть Сунятсена всякой другой, но и ему боятся класть палец в рот.

Все эти провинции, первые откликнувшиеся на призывы революции в 1911 и в 1916 г.г. говорят себе, что не для того они жертвы несли, чтобы вновь добровольно лезть под неограниченное господство и столь же беспредельный нажим новой центральной власти. Хотя по названию президентская, новая власть будет также связана, как и старая с иностранцами и связана международными договорами.

Прежде всего и больше всего эти провинции опасаются подпасть снова под власть Севера. Кто бы ни сидел в Пекине, император или президент, китаец или маньчжур, он для всего того Китая, что южнее водораздела, между Желтой Рекой и Янцзыкиангом будет отдавать ненавистной властью маньчжуров и монгол, ненавистной военной диктатурой Севера.

§ 39. Федералисты.

Начиная с 1916 года, т. е. с первой неудачной попытки Юаньшикая восстановить фактическую власть в Пекине над всей страной, указанные провинции всякий раз защищают с оружием в руках свою свободу от властолюбивых покушений Севера. Эти провинции любят говорить о федерации, т. е. о конституционном строе управления, основанном на взаимном соглашении всех областей, входящих в государство китайское.

Сторонники федерации говорят, что Китай, расколовшийся на части после свержения насильственной власти маньчжуров, может быть склеен вновь только путем добровольного взаимного соглашения, при котором всякая провинция сохранит свободу своего внутреннего управления.

К партии так называемых федералистов—конституционалистов примыкает часть китайских торгово-промышленников, более придерживающаяся старого; к ним льнут и местные „джентри“, и значительная часть землевладельцев.

Сунятсен и его партия стараются быть внешне в ладу с федералистами; это не мешает последним от времени до времени подставлять ножку гоминданам. Сунятсену не раз пришлось поэтому бежать из Кантона и других насиженных им мест. Парламент, состоящий при Сунятсене, неоднократно перекочевывал с места на место, чем заслужил насмешливое название „гуляющего парламента“.

Федералисты не могут не отдавать себе отчета в важном из'яне их позиции. Их недоверчивое отношение ко всякой центральной власти может, ведь, пока что привести к полному распаду Китая. Иностранцам тогда будет совершенно легко прибрать к рукам отдельные провинции, нескрепленные единой властью центра.

Понимая это, федералисты дорожат все-таки существующим, хотя и по имени только, об'единением Китая.

Провинции, где сильны федералисты, обыкновенно не возражают против присылки им назначенных губернаторов из Пекина или из Кантона. Провинции считаются с тем фактом, что иностранные державы признают единственной законной властью в Китае только центральное республиканское правительство, пребывающее в Пекине. По вопросам международного характера почти все провинции Китая, даже сочувствующие Сунятсену, продолжают сноситься с Пекином.

Некоторые провинции по несколько раз об'являли себя независимыми. Однако, эти провинции все же шлют по всякому поводу телеграммы в пекинское министерство иностранных дел. Случается, что они принимают губернаторов, назначенных Пекином.

§ 40. Дудзюны.

Революция, начатая в 1911 году, выполнила быстро и без колебания только первую часть своей задачи—свержение маньчжурской династии. Вторая часть задачи—об'единение всей страны под властью, приемлемой для буржуазии, способной повести успешную борьбу с иностранным засилием в Китае—это дело еще впереди. Китайская буржуазия оказалась еще недостаточно просвещенной, плохо сознающей свои цели, недостаточно организованной и недостаточно связанной по всей стране для того, чтобы утвердить всекитайскую республику на прочном основании.

Большая часть китайской буржуазии сама сознает свою неподготовленность к решению общенациональной задачи, почему и говорит себе: сначала введем самоуправление и конституционный строй в провинциях, потом произведем об'единение провинций. Так говорят все „федералисты“ и многие другие.

Однако, и более скромная цель введения нового правопорядка в провинциях достигается с большим трудом. В настоящее время все провинции Китая, даже те, которые добились наибольшей независимости от Пекина, имеют во главе своего управления так называемого „дудзюна“.

Китайское слово „дудзюн“ на русский язык переводится, как „военный губернатор“. Дудзюн является в своей провинции тем же, чем был так называемый „вице-король“ во времена императоров, а именно высшим начальством для населения, полным господином жизни и смерти всех военных и

гражданских чиновников. Но в некоторых отношениях нынешний дудзюн сильно отличается от „вице-королей" доброго старого времени.

Дудзюн является ныне командующим всех войск, расположенных в провинции. Дудзюн прежде всего генерал. Он прибирает к рукам гражданскую власть в провинции именно потому, что в его полном распоряжении военная сила. Встарину при императорах военные командиры редко имели доступ к гражданской власти, если они не обладали при том ученой степенью, сдав экзамены на мандарина.

После революции 1911 года власть, выпавшая из рук старых мандаринов, перешла во всех почти провинциях к удачливым офицерам, как-нибудь отличившимся в революции, почему-либо популярным в войсках. Командующие войсками в провинциях повсеместно присвоили себе также полноту гражданской власти, чего не было до революции.

Когда революция,—а это произошло довольно скоро—перешла в гражданскую войну, провинции были весьма рады иметь во главе генералов, способных отразить вторжение извне. За одиннадцать лет революции все провинции перевидали у себя фронты гражданской войны, некоторые по много раз. Провинции, нуждаясь в военном заступничестве, зачастую сами предлагали ему полную диктатуру, или мирились с его навязанной им диктатурой.

Надо сказать, что гражданская война в Китае не имеет такого характера, какой принимала, например, в России. **В Китае за эти годы широкие массы крестьянства вряд-ли хоть раз взялись за оружие**, и мы не видим там партизанщины в нашем смысле. Война ведется со всех сторон наемными армиями. Солдаты, получающие по 7-10 руб. в месяц, сражаются обыкновенно без всякого убеждения, с чрезвычайной легкостью переходя от противника к противнику, или уходя в разбой. Когда у генералов истощаются деньги, их армии мгновенно разбегаются. Это кладет немедленный и полный конец войне.

В виду сказанного, китайский командующий войсками должен прежде всего думать о финансовой части. Провинция больше всего ценит такого генерала, который имеет деньги или умеет их достать, не прибегая к чрезмерному вымогательству. С таким дудзюном торговопромышленный класс провинции может спокойно торговать, земледелец работать.

„Вице-короли" встарину назначались Пекином и смещались приказом оттуда. С дудзюном дело обстоит сложнее. Иногда он назначается Пекином. Иногда он приходит к власти по выбору влиятельных групп в провинции или каким-нибудь иным образом, затем уже добивается утверждения в должности от президента республики. Иногда он правит вопреки пекинскому правительству. Если дудзюн и назначен на должность Пекином, это не значит вовсе, что Пекин волен его сместить за какую либо провинность. По отношению к большинству дудзюнов центральное правительство семь раз отмерит, прежде чем раз отрежет, то есть прежде чем издает приказ о смещении с должности.

Бывали десятки случаев, когда дудзюн оставался в должности после многих приказов из Пекина об его увольнении. Зачастую пекинское правительство, желая привести в исполнение свой указ, вынуждено обращаться к помощи других дудзюнов, которые идут войной на непокорного.

Далее, в отличие от былых вице-королей, дудзюн не занимается сбором податей для Пекина. Он собирает для себя. Дудзюн, большей частью не посылает ни копейки центральному правительству из местных доходов. Напротив, норовит вытянуть побольше денег у центрального правительства, якобы

на расходы по содержанию войск и т. д. Тем из дудзюнов, у кого большие армии, Пекин вынужден давать деньги (сам Пекин занимал до последнего времени у иностранцев). не то дудзюн пойдет войной на само центральное правительство.

С момента вступления в должность, дудзюн вообще независим от Пекина (или Кантона), чем явно щеголяет. Дудзюны наперерыв стремятся набирать большие армии, чтобы пугать своим военным могуществом соседние провинции или пекинское правительство.

Пока дудзюн и его войска кое-как охраняют мир и безопасность внутри провинции, а также предотвращают набеги соседних дудзюнов, местное население и провинциальные собрания готовы терпеть дудзюна, его жестокости и выходки его войск, готовы давать ему деньги. Дерзости дудзюна по адресу центрального правительства даже нравятся провинциалам.

От времени до времени терпение местного населения истощается, и оно гонит вон дудзюна, слишком отличившегося жестокостями или по части незаконных поборов.

В общем, дудзюны, может быть, и хуже былых вице-королей или немногим лучше их. Населению они нравятся лучше вице-королей, так как они, все-таки, проще и доступнее, менее отдают мертвечиной пекинских канцелярий. А, главное, места за спиною дудзюна чувствуют себя вполне огражденными от приказов Пекина.

Некоторые дудзюны оказываются умелыми хозяйственными управителями своей области и своих доходов, не смотря даже на их жестокость и лихоимство. Они ухитряются ладить с влиятельными провинциальными кругами и кое-как с Пекином. Такие пускают корни в провинции, укрепляют свое влияние и распространяют его даже на соседние области.

За десять лет царствования дудзюнов совершилось нечто вроде естественного отбора.

Выделились несколько виднейших, которые подчинили себе других провинциальных дудзюнов помельче. Самые громкие и влиятельные дудзюны в Китае (их называют шутливо „сверхдудзюнами"): маршал Чжанцзолин, генерал-губернатор трех маньчжурских провинций, маршал Цао-Кунь, военный губернатор провинции Чжили, помощник Цао-Куня—генерал Упейфу, властвующий в нескольких провинциях по Янцзыкиангу, и генерал Чен-Чун-Мин в Кантоне.

Каждый в отдельности из названных четырех „сверхдудзюнов" богаче деньгами и войсками, нежели президент всего Китая, пребывающий в Пекине, в древнем дворце богдыханов, и нежели д-р Сунятсен, тоже президент Китая, избранник южного парламента.

Сверхдудзюны оформили официально свое положение, исхлопотав каждый от центрального правительства звание и должность генерал-инспектора войск, расположенных в нескольких провинциях. Таким образом, мелкие дудзюны и генералы оказываются по закону подчиненными нескольким сверхдудзюнам. Дело последних превратить закон в факт.

Укажем, наконец, что дудзюны очень любят щеголять своим патриотизмом. Угождая вкусу своих граждан, дудзюн беспрерывно протестует против прав и привилегий, предоставляемых иностранцам. Дудзюн, желающий приобрести имя в стране, не упустит заявить протест против всякого насилия, чинимого к. н. иностранной державой над Китаем.

Протестуют, кроме дудзюнов, также и провинциальные собрания, всякие

общества и гильдии. Груды таких телеграмм—протестов скопляются в президентском управлении в Пекине.

Но президент и пребывающее при его особе в Пекине центральное правительство Китая почти бессильны что либо сделать. У центральной власти нет денег, кроме сборов от пошлин, поступающих через руки иностранцев, и по милости иностранцев. Все у дудзюнов. В сущности говоря, несколько сверхдудзюнов сейчас назначают и свергают пекинское правительство по своему усмотрению.

По мнению разных наблюдателей, иностранцев и китайцев, рано или поздно дудзюны, обрастая денежным богатством, сближаются по понятиям и интересам с торговопромышленным классом, проникаются его политическим настроением. Современный дудзюн почти всегда архимиллионер. Полу-феодальная закваска в нем остается, но он делает большой шаг к превращению в крупного „буржуа". Многие из них принимаются усерднейше за разработку горных богатств, спекулируют на бирже и т. д.

Самый богатый и умный дудзюн имеет шансы „покорить под нози свои" остальных дудзюнов страны, об'единив их под своей властью.

Глава девятая.

Китай в империалистическом окружении.

§ 40. Япония и китайская революция.
§ 41. Американская опека.
§ 42. Позиция Англии.
§ 43. Совроссия и Китай.
§ 44. Международный консорциум.
§ 45. Вашингтонская конференция.

Китайская революция находится с самого начала в империалистическом окружении. Правящая Япония добивается вести на поводу национально освободительное движение Китая, стремясь к гегемонии над желтыми народами Д. Востока. Независимость Китая, даже чисто формальная, сохраняется благодаря соперничеству между державами. Годы 1914—1918 были самым критическим временем для Китая. Исключительное влияние Японии ограничено сначала международным финансовым соглашением в 1920 году, затем решениями вашингтонской конференции конца 1921 года. Финансовая блокада и политическая опека держав уродуют ход революции.

§ 40. Япония и китайская революция.

Китайская революция 1911 года была в одно и тоже время движением **освободительным** и **национальным**. Революция восстала против обломков полуфеодального внутреннего строя, воплощенного в лице маньчжурской династии, а также **против засилия иностранцев в Китае**.

Капиталистические правительства Европы, Америки, Японии вполне основательно узрели в революции прямую угрозу „благоприобретенным интересам" иностранных торговцев и промышленников в Китае. После 1911 г. дипломаты принялись спешно вырабатывать новый подход к китайским делам, применительно к новым временам.

Иностранные дипломаты весьма ловко учли ход революционных событий. Революция, как мы знаем, после решительного натиска на маньчжурский трон в 1911 г. разбилась затем на множество потоков и ручейков, просочилась во-внутрь. Революционному движению не удалось сразу освободить страну ни от полуфеодальных мандаринов всякого рода, ни от иностранных захватчиков. Последние выиграли время для того, чтобы перестроить свои ряды. В дальнейшем иностранцы своими открытыми действиями и интригами сами сумели затянуть ход и успех национальной революции в Китае.

Национальное освободительное движение в Китае больше всего волнует капиталистические круги соседней японской империи.

В самом деле, Китай является главным источником, оттуда многочисленные фабрики Японии могут получить дешевое сырье и руду. Оттуда японское население снабжается рисом и иным продовольствием, в случае недорода в стране. Большая или подавляющая часть японских рабочих изделий ищет сбыта в городах и селах Китая. Япония имеет слишком много причин ценить свою близость к огромному Китаю, богатому всякими дарами природы, и свои торгово-промышленные связи с китайским соседом.

Именно японцам всех слоев и званий следовало-бы, пожалуй, больше всего заботиться об укреплении прочных и добрых отношений с китайским народом, потому что современная Япония, как нибудь отрезанная от Китая, принуждена будет закрыть большинство своих фабрик, заводов и торговых предприятий. Правители Японии и ценят по своему соседство Китая. А именно они решили насильно сделать Китай простым придатком Японии.

Все японские правительства, сменявшиеся за последние 30 лет, неизменно ставили себе целью так или иначе присоединять к Японии все новые части китайской территории (земли), и, сверх того, занять во всем Китае совершенно исключительное первенствующее положение. Короче говоря, японцы хотят взять Китай под свою „опеку" (протекторат).

Всяческое использование неисчислимых богатств Китая составляет цель, саму по себе заманчивую для Японии. В несколько туманной дали японскому империализму светится еще более привлекательная цель. Япония надеется, имея на то значительные основания, использовать китайский народ, как союзника и помощника, в борьбе за господство на Великом океане.

Сама по себе Япония слишком бедна и людьми, и естественными богатствами, и хлебом. Собственных ресурсов совершенно недостаточно для осуществления тех целей, которые ставит себе великодержавная политика Японии. Япония, действуя лишь собственными силами, имела-бы весьма мало шансов принудительно открыть выход своему избыточному населению и своим товарам в многочисленные тихоокеанские страны, ранее захваченные более сильными, чем Япония, великими державами. Япония сама по себе слабее и Америки, и Англии, и Франции, отдельно взятых.

Другое дело, Япония в союзе с Китаем. Этот союз, неравный и сомнительно-выгодный для Китая, отдал-бы в руки японских милитаристов огромную людскую силу, огромные ресурсы всякого рода. Подсобная мощь Китая в руках капиталов японского капитализма и империализма явилась-бы страшным тараном, способным легко разбить мощь Британской империи на Тихом, разбить даже тихоокеанскую коалицию держав.

„Желтая раса против захватившей белой"! „Панмонгольское" движение, об'единяющее Китай, Монголию и Корею под руководством Японии! Вот на чем японский империализм строит свои радужные мечтания. В практике вчерашнего и сегодняшнего дня Япония не упускает ни одного случая ограбить Китай, нажиться за счет эксплоатации богатств Китая, отхватить китайской территории. Но в то же время правящая Япония не перестает уверять себя, свой народ и китайский в том, что все это делается для блага самого же Китая. Японские политики не устают твердить, что самим китайцам выгодно возвышение Японии, что Китаю следует без промедления признать гегемонию (главенство) одноплеменной Японии, в целях общей борьбы против подлинного врага—белых империалистов.

Между 1895 г. и революцией 1911 г. японские империалисты считали почти что легко выполнимой свою цель всестороннего овладения Китаем. Опьяненные не трудной победой в японо-китайской войне 1894 г., затем блестящей победой над царской Россией в 1905 году, японский милитаризм зачастую семимильными шагами, мало с чем считаясь и совсем почти не считаясь с чувствами китайского народа.

Имея договорный союз с Англией, заключенный еще в 1901 году, в предвидении войны с Россией и чувствуя себя застрахованной благодаря этому союзу, Япония после 1905 года была особенно нагла в Китае.

После 1905 года Япония окончательно присоединила Корею, издревле считающую себя границей Китая. Японцы фактически захватили Южную Маньчжурию, заняв ее войсками. Под различными предлогами были расквартированы японские гарнизоны во всех стратегических пунктах Китая. Японские военные в Маньчжурии помогли возвыситься простому, но способному хунхузу, атаману разбойничьей шайки, Чжан-Цзо-Лину, с тем, что он станет во

всем слушаться японцев. С помощью японцев, Чжан-Цзо-Лин в короткий срок возвысился до губернаторства и генерал-губернаторства Маньчжурии.

Короче сказать, победа японцев над Китаем в 1894 году имела повести к такому-же и еще горшему подчинению Северного Китая воле Японии, как нанкинский мир 1842 г. был сигналом к английскому проникновению в Центральный и Южный.

Спустя 20 лет после мира в Симоносеки ни одно государство, даже Россия, не имело такой быстрой и легкой возможности, как Япония, занять в несколько суток своими армиями Пекин и другие важные пункты Северного Китая, то есть одним ударом парализовать всю правительственную и военную машину государства китайского. Забегая вперед, укажем, что в 1914 году японские войска заняли полуостров Шаньдунь, и с того момента весь Северный Китай совершенно был окружен со всех сторон японскими армиями.

Японские милитаристы верили в мощь своей армии, способной в любой момент без затруднения вторгнуться в Северный Китай и залить в крови всякое движение среди невооруженного китайского народа. Уверенные в своей силе, правители Японии никогда особенно не опасались революционного взрыва в Китае.

Они до некоторой степени даже желали его. Японские милитаристы вначале охотно играли с огнем китайской революции. Японское правительство давало до 1911 г. приют в своей стране китайским революционерам, чуть-ли не помогало им деньгами. Японцы рассчитывали, что революция снесет маньчжурскую императорскую династию, подписавшую столько договоров, выгодных для Англии, Франции и России. Тогда, надеялись в Японии, с императорами вместе падут или пошатнутся эти договоры и привилегии европейцев в Китае.

В данном случае японцы действовали согласно правилу, которое высказал видный японский политик, барон Като: „Когда иностранцы (читай европейцы) приобретают какие-либо права (концессии) в Китае, японцы на это смотрят, как на нарушение своих, японских, законных прав в Китае".

С этой точки зрения японские правители были не прочь допустить революционное потрясение в Китае, надеясь расширить положение других иностранцев в Китае, и укрепить свое, половив для себя рыбку в замутившихся водах.

Японские милитаристы говорят, не стесняясь:

„Япония не может без страха и боязни глядеть на моральное (нравственное) пробуждение четырехсот миллионов китайцев" (слова барона Ишии).

Другой японский политик, один из знаменитейших государственных людей Японии, князь Ито, писал в завещании своему сыну:

„окажется-ли конституционная система в Китае совершенной или нет, будет-ли Китай об'единен или разделен—голос Японии должен быть услышан прежде всего и раньше других. Мнению Японии должно быть отдано предпочтение перед мнением всех других в Китае. Ни одна из наций не должна оспаривать этого факта. Поэтому, обязанностью Японии является охрана не только Китая, но и всего Востока, включая Корею и Маньчжурию. Господство Японии в Японском море, в Китайском море,—в других морях и на всем Великом океане—задача исключительной важности и значения в интересах нашей самозащиты".

Из таких-то соображений вытекает основное отношение Японии к Китаю и к китайской революции. Японцы готовы даже помириться с национал-

но-освободительной задачей китайской революцией. Японцы (мы имеем в виду правящую Японию) готовы, пожалуй, некоторым образом приветствовать об'единение Китая под властью какого-нибудь генерала или партии, под непременным условием присоединения Китая к японской политике.

Республиканские и социальные лозунги китайских революционеров вызывают у правящей Японии снисходительную улыбку. Впрочем, японцы готовы толковать и договариваться с какой угодно партией после революционного Китая.

Японцы терпеливо ждут, следя за развитием китайских событий. Пока что они использовывают китайскую смуту в целях захвата и наживы, крупной и мелкой, не брезгуя и самой мелкой. Огрызаются, когда народное движение коснется их интересов в Китае. Участвуют наравне со всеми державами во всех без исключения советах и предприятиях, Китая касающихся. И в то же время они вечно на чеку, **ожидая удобного момента, чтобы взять в свои руки дальнейшее направление национально освободительного движения в Китае, чтобы запречь его на службу своим целям.**

Гражданская смута в Китае и одновременный взрыв европейской войны чрезвычайно окрылили японцев. В 1915 году японские милитаристы решили, что время пришло, и раскрыли свои карты.

Для Китая то был смутный год. Юаньшикай, президент Китая, терял доверие своих сограждан, уже угадывавших его монархические замыслы. Внимание Англии, России и других сильных держав было отвлечено войной с Германией, так что никто не мог помешать японцам.

В начале 1915 г. японское правительство пред'явило Китаю знаменитое 21 требование. Не станем перечислять всего, что требовала Япония. Достаточно сказать, что японцы выговаривали себе исключительно — важные преимущества в Южной Маньчжурии, в восточной части внутренней Монголии — в провинциях Шаньдунь и Фуцзян. Во всем остальном Китае японцы домогались права взять в свои руки ведение полицией и права ставить во главе всех ведомств своих советников. Японцы брались поставлять Китаю половину всех военных припасов. Они выговорили себе чрезвычайно ценные горные и железнод. концессии.

7-го мая Япония пред'явила Китаю подписать все японские предложения в 48-ми часовой срок, иначе, де, Япония примет свои меры. Китай подписал.

Если-бы, действительно, 21 требование было затем проведено в жизнь (чего не случилось), японские милитаристы могли-бы сказать себе, что их, как они любят говорить, „историческая миссия" в Китае осуществлена. Япония могла-бы тогда повести за собой четырехсот миллионный Китай на веревочке куда угодно.

Японские империалисты, что говорится, рассчитали без хозяина. Они не учли настроений кит. народа.

21 требование еще более озлобило китайскую буржуазию против японского захватного империализма. Китайское студенчество и торговопромышленные организации организовали в знак протеста против японских насилий, бойкот японских товаров. Изделия японского происхождения не допускались к продаже в лавках и на базарах, зачастую подвергались сожжению тут же на площадях. Бойкот принес большие убытки японской торговле.

В то же время японский ультиматум вызвал сильное недовольство Америки, отчасти Англии.

Острое негодование китайцев, протесты Америки, и ряд других обстоятельств показали воочию японским милитаристам, что они поспешили, что

они слишком сильно нажали сразу. Японцы поэтому сами не решились настаивать на претворении в жизнь всех подписанных Китаем ужасных условий. С 1918 г., с момента окончания европейской войны решительной победой союзников, колесо событий повернулось в другую сторону, так что японцы сами предпочитают пока молчать о своем 21 требовании.

Однако, японские правители твердо решили, видно, не признавать по настоящему ни одного китайского правительства, которое отлынивает от выполнения японских условий. Японская интрига подрывает одно за другим все пекинские правительства, пытающиеся проявить хоть какую-нибудь самостоятельность по отношению к Японии.

В дальнейшем японцы очень зорько следят за всеми поворотами революционных событий в Китае. Японцы делают все, что могут, для того, чтобы из волн революции не могла вынырнуть какая-нибудь твердая власть, способная снова об'единить китайскую нацию независимо от Японии или против Японии. Так, японцы изменили свое отношение, прежде благожелательное, к левому д-ру Сунятсену, первому временному президенту Китайской республики. Япония помешала Юаньшикаю в его попытке создать новую династию китайских императоров. Японские правители и их агенты в настоящее время всячески изощряются подорвать силу умеренного республиканца, генерала Упейфу, что-то делающего для создания твердой, от Японии не зависимой, единой власти в стране.

Японские деньги и оружие повинны во всех кровопролитиях и беспорядках гражданской войны в Китае. Японцы готовы покупать всех и всякого, кто чем-либо пригодится им. Но за последние годы круг японских наемников и друзей все заметнее слагается из китайских реакционеров (черносотенцев) и монархистов, так как искренние китайские республиканцы отшатнулись от японского милитаризма.

Несмотря на огромные деньги, ухлопанные на подкуп китайских политиков и партий, на военную помощь различным честолюбцам в Маньчжурии, Монголии и во Внутреннем Китае, непосредственные, несмотря на это и многое другое, сколько нибудь явные результаты японской политики в Китае, все же весьма невелики. Наоборот, похоже на то, что Япония, достигнув малых положительных результатов, породила сильную ненависть в себе со стороны различных слоев китайского народа и общества.

Действительно, если подсчитать, то выходит, что Япония 21 требования своего не провела в жизнь, принуждена была (в 1922 году) вывести свои войска из Шаньдуня из Ханькоу, сейчас получает требования от пекинского правительства уйти из Ю. Маньчжурии, и не может никак утвердить ни в Пекине, ни в Кантоне сочувствующее японским целям правительства. Зато японские товары то и дело бойкотируются в Китае, а слыть японофилом значит навлечь на себя ненависть самых разнообразных кругов и слоев народа. Тайно якшаясь с японцами, самые нечестные политики открыто избегают соприкосновения, открыто ругают японцев, в угоду общественному мнению. Таков неутешительный, с японской точки зрения, результат стольких японских нажимов и затрат.

Деятели и газеты самой Японии, имеющие смелость взглянуть фактам в лицо, ясно различают причину японских неуспехов и популярности. Все громче раздаются в Японии голоса, требующие изменения политики по отношению к Китаю. Многие японцы настаивают на примирении с Китаем, предлагая милитаристам не раздражать больного национальн. самолюбия, временно ослаблен-

ного китайского народа. Неоднократно слышатся предсказания тяжкого урока для самых заветных целей Японии, неминуемого в том случае, если Япония не откажется от политики захватов, интриг и уколов. „Если вы не измените в корне своего поведения по отношению к великому китайскому народу, последний соединится с врагами Японии, и это будет концом не только тихоокеанских планов Японии, но и самого существования ее, как большой, независимой державы". Такими словами оппозиция в Японии частенько предостерегает своих правителей.

Впрочем, эти последние туго поддаются уговорам. Японская военная партия иногда делает вид, что уступает все более громким предостережениям и меняет, якобы, свое поведение по отношению к Китаю.

На деле же сменяющиеся правительства Японии упорно держатся старой линии. Японские империалисты, стоящие у власти, полагают, что вода событий все же льется на их мельницу. Они не верят в успех самостоятельного освободительного движения китайской нации. По их мнению, китайская революция или разобьется о подводные камни, либо прибегнет к помощи иностранного лоцмана. Главная забота японского правительства и сводится к недопущению какой либо другой нации, на союза наций, к опеке над Китаем.

Бесчисленные японские дипломаты и агенты в Китае из кожи лезут вон разрушить все начинания великих держав в Китае и вокруг Китая. Это делается большей частью тайно, но подчас и открыто.

Японский расчет ясен: пусть безрезультатность усилий китайских революционеров и политиков утомит страну, пусть гражданская война доведет до отчаяния, и пусть безрезультатность всяких международных планов спасения Китая разочарует китайский народ и самые державы.

Тогда придет час Японии. Гегемония над Китаем, как спелый плод, упадет сама в руки Японии.

§ 41. Американская опека.

В противоположность Японии, Америка взяла твердый курс на китайскую прогрессивную (передовую) буржуазию. Американцы верят не меньше в силу своих капиталов и промышленности, чем японские милитаристы в силу своих пушек.

Американцы не желают продолжения и углубления китайской революции. Они относятся неодобрительно к мысли вовлечь новые широкие массы трудящихся Китая в дело переустройства страны. Зато американцы, в отличие от японцев, готовы приветствовать появление у власти в Пекине и в провинциях сильной республиканской партии китайской буржуазии.

Американцы не боятся твердой буржуазной власти в Китае, ни об'единения Южного Китая с Северным. Американцы уверены, что национальное правительство возрожденного Китая обратится именно к богатой Америке займы за деньгами на проведение столь нужных Китаю железных дорог и на поднятие китайской промышленности.

По мнению американцев, великое правительство Китая должно будет, в конце концов, поторговавшись, принять деловые условия Америки. Деньги Америка готова дать Китаю на выгодных для себя условиях и под хорошее обеспечение.

Необходимым условием и в то же время надежным обеспечением большого займа Китаю американские капиталисты и считают, между прочим, водворение в Китае сколько-нибудь твердого буржуазного республиканского пра-

вительства. Не из особенной любви к Китаю, а из опасения за целость своих денег и доходов от них, американцы хотели-бы видеть во главе Китая правителей, которые не растащат по своим карманам любого иностранного займа, таких правителей, которые обратят заем, действительно, на постройку дорог и фабрик, способных послужить затем обеспечением заемных денег и источником для уплаты заемных процентов заграницe.

Американские капиталисты, расчитывающие стать кредиторами Китая, хотели бы иметь дело с правительством, готовым отчитываться в производимых расходах.

Американцы, волей судеб, начали вести с Китаем большие дела, торговые и иные довольно таки поздно, в начале 20-го столетия, когда остальные державы уже основательно утвердились в Китае. Американцы и рады-бы, поэтому, найти в китайском правительстве хоть столько силы и твердости, чтобы оно смело могло отклонять чрезмерные притязания японцев и англичан на особые, совершенно исключительные права и преимущества в Китае, столько же вредные для американцев, как и для самих китайцев.

С. Штаты хотят для своих торговцев и промышленников в Китае таких же прав и таких же условий работы, какими обладают пришедшие туда ранее японцы, англичане, французы. Как говорят сами американцы, они требуют равно для всех „открытых дверей" в Китае.

По плану американцев, центральное китайское правительство должно стоять на страже „у дверей" Китая и блюсти, чтобы ни одна иностранная нация не лезла впереди всех, не толкалась. Так будет лучше для всех и для самого Китая, доказывают американцы.

Чтобы быть сколько-нибудь внушительным стражем китайское правительство должно черпать силу в доверии достаточно широких кругов китайской буржуазии, если не всего народа. Так рассуждают и так проповедуют американцы.

Американцы еще не наметили окончательно среди партий и политиков китайской революции „своей" партии и „своего" человека. У американцев нет в Китае таких многочисленных и прочных связей, такого обилия купленных людей, как у Японии. Зато американцы широко помогают делу китайской буржуазии (и своему собственному) постановкой политической и всякой иной пропаганды в Китае. Американские школы, духовные миссии, кинематографы и общества и т. д. сеют по всему Китаю хвалу политическому и экономическому строю Соединенных Штатов, рекомендуя китайскому народу ввести у себя такой-же капиталистический и буржуазно-республиканский строй.

Американцы вывозят ежегодно тысячи китайских студентов и студенток в свои университеты, откуда те возвращаются „просвещенными" на американский лад. Американцы в Китае усердно воспитывают китайскую буржуазию в своем духе, а весь китайский народ в духе современного буржуазно-капиталистического строя.

Соединенные Штаты дожидаются довольно терпеливо победы буржуазных партий в китайской революции. Американцы до сих пор избегали по возможности прямой интервенции (вмешательства) военно-политического характера во внутренние дела Китая. Впрочем, как увидим в своем месте, американцы оказывают весьма серьезное экономическое давление на ход событий, бьют рублем, не дубьем.

Американское правительство, конечно, в своих действиях и в своем бездействии равно „блюдет интересы" капиталистической торговли и промышлен-

ности Соединенных Штатов. Первейшей задачей американской политики является завоевать почетное положение в Китае для изделий и для граждан С. Штатов. Так как американцы пришли со своими товарами и предприятиями позднее других, то им приходится расталкивать собравшихся, расчищая себе место.

Главнейшим конкурентом и соперником С. Штатов в китайской торговле является, по существу дела, Англия. У Англии самая большая торговля в Китае. Самые лучшие залоги и места уже в руках англичан. Когда американские торговопромышленные дела примут со временем весьма значительные размеры, они неизбежно и остро столкнуться с англичанами.

Но если говорить только о сегодняшнем дне, то англичане и их политика в Китае возбуждают в сравнительно меньшей степени злобу и подозрения американцев, чем японская.

Для любого американца—капиталиста ясен замысел правящей Японии прибрать к рукам так или иначе весь Китай, с целью использовать затем китайский таран для сокрушения англо-американской мощи на Тихом.

С. Штаты не намерены дожидаться, сложа руки, этой атаки. Притом американцы имели случай убедиться на примере Южной Маньчжурии в нежелании японцев допускать кого-либо другого в занятую ими китайскую область. Японцы сначала в Южной Маньчжурии, а в 1914—1922 годах также и в Шаньдуне, систематически выживали иностранных торговопромышленников из этих китайских провинций, охраняемых японцами. Там, где стоят японские отряды и орудия, оттуда иностранный, не-японский, торговец и промышленник уходят водой-неволей—таково общее убеждение, вынесенное из опыта, всех работающих на Д. Востоке иностранцев.

Вот причины, по которым американцы вынуждены сейчас обратить свое главное внимание не на англичан, своих крупнейших конкурентов в области экономической, а на японцев. Менее опасная американцам в области экономической конкуренции, Япония вызывает зато сильнейшие опасения С. Штатов своей стремительной завоевательной политикой в Китае.

Американский расчет прост и основателен. С англичанами пока нечего особенно ссориться, благо китайский рынок еще весьма обширен, благо места хватит еще долго для капиталистической предприимчивости разных стран. Японскому же нажиму на Китай и японской интриге в Китае американцы считают нужным противодействовать сейчас же и энергичным образом, не то Япония захлопнет двери в Китай перед носом у Америки, и создаст вдобавок союз желтых государств, опасный для американских интересов и планов на Тихом.

Исходя из этих основных соображений, американское правительство чуть-ли не с 1915 года, а во всяком случае начиная с 1918 года, планомерно противодействует китайским планам Японии. Моментами возражения Америки становились резкими, и дело принимало вид серьезного единоборства между Америкой и Японией из за господства в Китае (или на всем Тихом). Конфликт капиталистических интересов всегда имеет место, действительно, то явный, то скрытый, то усиливаясь, то слабея.

§ 42. Позиция Англии.

Англичане встретили китайскую революцию 1911 года без особенного восторга. За 100 лет капиталистической работы и военных захватов в Китае англичане заняли положение столь прочное и выгодное, что всякие резкие перемены в этой стране не могут не страшить их.

Часть английских торговцев и дипломатов в Китае, недовольная растущей конкуренцией японских товаров, а также широкими планами Японии захватить первое место в Китае, эта часть порой сближается с умеренными китайскими республиканцами, помогая им бороться с японской интригой. Эта часть поддерживала одно время генерала Упейфу против Чжанцзолиня. Другая, чуть-ли не наиболее влиятельная половина англичан в Китае, готова мириться и с японскими захватами и с засилием дудзюнов, руководимых Японией до тех пор, пока английские интересы не страдают от этого непосредственно и заметно.

Из посторонних соображений, имеющих мало общего с Китаем и вообще с Дальним Востоком, Англия оказывала, начиная 1909 годом и до конца 1922 года, некоторую поддержку Америке и Китаю против Японии. Но вполне возможно—на это и расчитывают японские милитаристы—что через полгода или год, по каким-либо другим соображениям, может быть по соображениям своей европейской политики, Англия умоет руки, отойдет от Америки и Китая, предоставив японцам выкраивать себе в Китае, „сферы влияния".

Вес Англии в торговле, промышленности и финансовых делах Китая так велик, что решение многих практических вопросов фактически зависит от голоса английского посланника, англичанина—главного инспектора таможен, английских банков и т. д. Опять таки мнение английской дипломатии весит очень сильно в виду обычного разноречия между Америкой и Японией. Англия так сказать „держит равновесие" в китайской политике—чаще всего судьба спорного вопроса зависит от Англии. К мнению Англии поэтому очень чутко прислушиваются в Китае, даром, что самые действенные роли захватили Америка и Япония.

Франция не имеет сейчас большого веса в китайских делах. Впрочем, она в меру сил весьма деятельно поддерживает японскую интригу в Китае во всех ее видах.

Сплетение бесчисленных интриг и взаимного подсиживания держав чрезвычайно запутало ход после революционных событий в Китае. И без того сложный и зигзагообразный ход обновления огромной страны до-нельзя запутывается, затемняется и извращается своекорыстным вмешательством иностранцев.

Каждая иностранная держава имеет в Китае свою контр-разведку, своих пособников и любимцев среди китайских военных и политиков. При каждом новом перевороте вчерашние правители Китая, потерявшие власть, разбегаются по иностранным поселкам (сэттльментам), где друзья—иностранцы прячут их от закона и от гнева врагов. Иностранцы тайком доставляют враждующим китайским партиям оружие, за деньги, в кредит или даром. Сплошь да рядом, при возникновении новых событий в Китае, трудно бывает различить, где кончается иностранная интрига, где начинается собственно-китайская революционная распря.

§ 43 Совроссия и Китай.

В отличие от всех иностранных держав, Советская Россия не заинтересована в скорейшем прекращении китайской революции, ни тем более в раздувании личной борьбы за власть между китайскими генералами. Русский народ знает по собственному опыту, что вопросы революционного переустройства страны получают прочное разрешение лишь при участии в деле рево-

люции самых широких народных масс. Крестьянин и рабочий Китая ныне стоят еще далеко от шума революционных событий; рано или поздно они будут вовлечены в труд борьбы и строительства.

Общее международное положение и задачи Совроссии диктуют ей дружбу с обновляющимся Китаем. В лице Советской России, в лице новой Германии и с некоторыми оговорками Америки Китай имеет возможных друзей.

При условии полюбовного, основанного на взаимности, (что весьма легко само по себе) выяснения некоторых запутанных сторон российско-китайских отношений, обновленный Китай может считать вполне обеспеченным всемерное наше сочувствие и содействие его национальной-освободительной революции.

Об'единение Китая под властью правительства, свободного от иностранных влияний, готового строить национальную армию, как орудие освобождения Китая от насевших империалистов—Народы Совроссии могут только приветствовать такое об'единение, как лучший оплот против империалистических поползновений Японии и прочих великих держав на Д. Востоке.

§ 44 Международный консорциум.

В годы европейской войны все великие державы, кроме Японии, так сказать, отсутствовали в Китае, всецело поглощенные военными заботами в Европе и об Европе. Иностранные, даже американские, предприниматели постепенно прекратили разработку горных и других концессий в Китае, стройку новых фабрик, дорог и так дальше. Сильно сократился привоз иностранных товаров в Китай. Возрос вывоз продовольствия, изделий и рабочих рук в Европу, для военных нужд. Европейская и американская дипломатия, хотя и пребывала на своих постах и в старых зданиях, несколько изменила и даже сбавила тон—их народам и правительствам было не до Китая.

Создавшимся положением воспользовалась очень широко Япония, которая сократила до ничтожного минимума свое участие в европейской войне с тем, чтобы развязать себе руки для дальневосточных дел. Знаменитое 21 требование от мая 1915 года воочию показало всем, как Япония пользуется своей свободой и предоставленным ей „сам на сам" с Китаем.

Между прочим, японцы в 1914-1918 года очень широко швырялись в Китае деньгами, подкупая направо и налево. Щедро ссужая и подкупая, японские агенты одновременно собирали многочисленные ценнейшие залоги.

Обычная японская манера за годы китайской революции была всучивать деньги какому-нибудь запутавшемуся генералу или министру, чтобы тут же вырвать у него право на разработку рудника или иного ценного предприятия. За 1914-1919 г. г. японцы таким родом приобрели права на проведение множества железных дорог в Китае, на разработку копей, рудников и т. д. Еще несколько лет такой работы и японцы забрали-бы в руки нох Китая, пользуясь передрягами революционного времени.

Начиная концом 1918 года, С. Штаты получают возможность отдавать большее и все возрастающее внимание китайским делам. Прежде всего американские круги обратили внимание на указанную деятельность японских финансовых агентов.

Американские капиталисты, по соглашению с правительством Соединенных Штатов и даже по почину этого последнего, задались целью лишить воюющие партии в Китае главного нерва войны, то есть денег и кстати лишить Японию ее излюбленного оружия.

С 1918 г. американские представители в Китае добиваются (и добились) установления общего запрета всем иностранцам давать взаймы денег каким-либо китайским дудзюнам и даже пекинскому министерству финансов, запрет сохраняет силу впредь до полного замирения и об'единения всей страны под властью обще-национального правительства, признанного всеми частями страны и всеми великими державами.

Гражданская война, мы знаем, велась несколько лет преимущественно на японские деньги. После издания, по почину Америки, общего запрета, японцам пришлось сократить выдачу денег китайским партиям. Прежде выданные Японией займы, в размере нескольких сот миллионов рублей золотом, повисли в воздухе. Японии неловко даже покамест требовать по ним уплаты, чтобы не возбудить снова разговора о позорном характере этих займов взяток.

Легко видеть, что запрет иностранных займов слабее всего ударил по той китайской партии, которая пользуется денежной поддержкой со стороны передовой, и денежной китайской буржуазии. Сильнее всего он должен был ударить, по мысли американцев, дудзюнов и различных военных партий в Китае, мешающих, по указке Японии, установлению твердой буржуазной республики в стране.

За соблюдением запрета зорко следит так называемый международный финансовый консорциум, созданный также по почину американского правительства.

37 крупнейших американских банков образовали американскую „банковую группу". Такие же группы образовались в Англии и Франции.

Японских банкиров пришлось чуть не силком втягивать в консорциум. Японская банковая группа составилась и вошла в „консорциум" на равных правах с тремя другими группами лишь после двухлетних утомительных переговоров. В этих переговорах английское правительство стояло на стороне американского и вместе с ним усиленно уговаривало Японию равняться по общему фронту и не итти поперек. Японцы знали, что американская затея имеет в виду ограничить именно их японскую работу в Китае. Пришлось, однако, уступить совместным настояниям Англии и Америки, Япония выторговала себе лишь кое-какие уступки.

В октябре 1920 года правительства Америки, Англии, Франции и Японии уведомили пекинское правительство о создании консорциума. Пекину было сообщено о том, что четыре группы консорциума дали друг другу обязательство не выдавать по одиночке займов китайским властям, центральным или провинциальным, а равно не получать в одиночном порядке от Китая каких-либо экономических прав и преимуществ.

Скажем, впредь японский или английский банк, испрашивая у китайского правительства концессию на проведение железнодорожной линии, должен заблаговременно сговориться на этот счет со всеми другими участниками консорциума, и предложить всем участвовать в равной доле, как в расходах по постройке дороги, так и в будущих прибылях.

Пекинское правительство, получив такое уведомление консорциума, не ответило ни одним словом в течение 2½ лет, и до сих пор никакого дела не сделало с консорциумом. Но факт остается фактом, что с тех пор японцам, а также остальным иностранцам пришлось прекратить всякие отдельные сделки с китайскими дудзюнами и с министерством финансов в Пекине.

Условия консорциума создают своего рода финансовую блокаду Китая. Америка устроила так, что ни центральная, ни местная власти Китая не мо-

гут получить ни копейки взаймы от иностранцев, покамест консорциум банков (лучше сказать, совет великих держав) не признает известные условия выполненными. Словом, весь китайский народ в целом должен либо исполнить „советы“ Америки и держав, либо отказаться от надежды на финансовую „помощь“ заграницы расшатанной китайской казне.

Та часть американского плана, которая касалась Японии, выполнена консорциумом довольно удовлетворительно.

Японским агентам пришлось действительно прекратить швыряние денег и развращение китайских политиков.

Японцы могут разумеется и сейчас давать тайком сколько угодно и кому угодно. Но уже не взаймы, а безвозвратно. Не с финансовой пользой для себя, а с явным невознаградимым денежным ущербом. Вручив взятку китайскому генералу, японский агент сейчас уже не назовет ее займом, как бывало прежде не получит письменного обязательства (из страха перед консорциумом), не потребует и не получит концессии в виде обеспечения или процента (опять таки имея в виду консорциум).

Неудивительно, что японские дипломаты и агенты очень сильно сократили свою подпольную работу в Китае, не желая бросать новые сотни миллионов иен за прежними займами, обесценившимися на половину или более того. Японские пособия сейчас идут только сравнительно немногим китайским генералам, например маршалу Чжанцзолину. Последний, хозяйничая самовластно в Маньчжурии, вдали от глаз держав, имеет еще покамест возможность предоставлять правительству и капиталистам Японии разные нелегальные льготы взамен за тайные субсидии.

Если так обстоит с первой частью американского плана, направленной против Японии и японской партии в Китае, то во всех других смыслах банковский консорциум до сих пор не оправдывает надежд, на него возложенных.

Прекращение, или лучше сказать сокращение иностранных займов воюющим китайским партиям отнюдь не прекратило гражданской войны в Китае. Очевидно, причины междуусобицы заложены слишком глубоко в послереволюционном внутреннем положении страны. Запреты и попускания иностранных банкиров не в состоянии удушить политическую бурю, примирить непримиримое.

Весьма крупное, на китайский масштаб, военное столкновение между Чжанцзолином и Унейфу весною 1922 года имело место, ведь, уже после изданния консорциумом запрета. Воюющие стороны, видимо сумели найти деньги на военные расходы помимо иностранцев или помимо ведома иностранного банковского консорциума.

Гражданская война продолжается при меньших сравнительно против 1913-1920 года денежных затратах сторон. Правда, вследствие истощения пекинской казны, не пополняемой иностранцами, ни один из многочисленных генералов, добравшийся за эти годы до власти в Пекине и до казны центрального пекинского правительства не имел ни разу материальной возможности снарядить большую военную экспедицию в целях водворения своей неограниченной власти по всему Китаю.

Дудзюнам стало труднее добывать деньги, но борьбы за власть они не прекращают. Таково сейчас положение после 2-х лет существования консорциума.

Между тем, запрет займов оказался чрезвычайно чувствительным ударом для центрального пекинского правительства.

Последнее оказывается в очень тяжелом положении, не решаясь обращаться к иностранному консорциуму, и не будучи однако в состоянии сводить концы с концами без притока средств от займов.

Вряд ли хоть какое нибудь из слабых, порой продажных, центральных правительств, сменявших одно другое в эти годы, отказалось-бы по доброй воле от иностранного займа, предложенного кем угодно и на каких угодно условиях. У пекинского правительства нет денег, нет надежды на аккуратное поступление налогов и доходов из провинции, нет даже энергии заставить провинции. Наконец, пекинские банкиры и политики не привыкли обходиться без питательной каши иностранных денег.

Пекинское правительство выполнило бы какие угодно условия консорциума, но боится гнева общественного мнения.

Китайской буржуазии вовсе не улыбается мысль об опеке банкиров 4-х стран, сменившихся между собой, над денежными и, вообще, над экономическими делами центральной и местных властей Китая. Китайская буржуазия рада бы оттереть совсем иностранные банки от выгоднейшего дела кредитования государства китайского, не то, что отдавать кредитное дело в монопольное пользование могучему иностранному консорциуму на условиях, поставленных банками. Китайская буржуазия надеется, став сама у власти, делать впоследствии лучшие дела с капиталистами отдельных стран порознь, чем со сменившимся между собою международными кредиторами.

Все торговые палаты, об'единяющие купечество Китая, с первого же момента единодушно потребовали от пекинского правительства непризнания консорциума. Студенческие организации столь же единодушно протестуют против закабаления страны международному консорциуму. Видные политики и генерали из разных провинций то и дело засыпают центральное правительство требованиями не принимать условий консорциума, вообще не иметь с ним дела.

Из страха перед широким общественным мнением, боясь „потерять лицо“ и дать опасное оружие в руки враждебным партиям, последовательные пекинские правительства систематически отклоняли предложения консорциума. Последний так и не признан до сих пор правительством Китая, которое делает вид, что и не знает о существовании международного соглашения.

Ни один крупный иностранный банк не даст денег китайскому правительству помимо консорциума. Государственная касса вечно пуста поэтому. Совершенное безденежье парализует всю работу властей, равно их добрые и злые начинания. Дело доходит до неплатежа чиновникам жалованья. Сплошь да рядом чиновники не получают жалованья по нескольку месяцев. Правительственные учреждения в более отдаленных местностях не видели уже денег из Пекина больше года. Вся доходная смета пекинского правительства вряд ли равна сейчас (в 1923 году) полумиллиону рублей в месяц, то-есть меньше сметы любого среднего города заграницей.

Лишенное денег пекинское центральное правительство существует более по имени. Финансовая блокада держав, не затронув основ мощи дудзюнов, подорвала почти окончательно пекинское правительство. Между тем это правительство является в глазах иностранцев и самих китайцев последним и единственным воплощением единства страны.

Этого-ли добивались устроители блокады, но таков ее главный результат. Что касается революционных и республиканских партий самого Китая, то они готовы приветствовать подобные результаты.

Они не забыли еще ведь Юаньшикая, который, получив большой иностранный заем на дело внутреннего переустройства страны, эти деньги употребил на борьбу с революционной партией „гоминдан“ и на подготовку нового монархического переворота. Все сторонники республики и народного строя в Китае всегда высказываются против предоставления иностранных займов нынешним правительствам Китая. Так, уже в феврале 1920 года состоялась многотысячная китайская демонстрация в Нью-Йорке, написавшая на своих плакатах:

„Мы желаем мира в Китае—пожалуйста, не одолжайте денег для уничтожения нашего народа“.

Стоя на такой точке зрения, китайская передовая буржуазия рада длительному „мертвому сезону“ в финансовом деле Китая.

Из великих держав Америка первая застрельщица консорциума, легко мирится с настоящим положением дел, если даже окончательно ослабление центрального пекинского правительства не входит в прямые расчеты Америки. Во всяком случае, существование консорциума задерживает экономическое и политическое проникновение Японии в Китай—с американцев пока хватит этого.

Все более недовольна Англия. Займы Китаю были издавна одним из выгоднейших помещений английского капитала. Ссужая деньги на железнодорожное строительство, англичане брали хорошие проценты, притом получали крупные заказы машин, рельсов и т. д. Вот почему длительный застой в деле снабжения Китая средствами не может радовать английских банкиров и предпринимателей. Все чаще английские представители в Китае заговаривают о возможности предоставлять займы отдельным провинциям Китая, минуя пекинское правительство и местных дудюнов, на такие благие цели, как железнодорожное строительство, разработку горных богатств и т. д.

В 1923 году английское правительство повело серьезный разговор с другими державами о принятии более решительных мер, чем финансовая блокада, к понуждению пекинского правительства и враждующих генералов. Видимо, англичанам невтерпеж ждать приступа к новым заемным и железнодорожным делам.

Об Японии нечего говорить. Японским правителям не дают спать сотни миллионов рублей, ухлопанные в Китай, теперь почти пропавшие, вследствие вмешательства консорциума. Многие концессии, полученные японцами до консорциума, но еще не начатые выполнением, пропали. Итак, Япония тайно, но изо всех сил противодействует консорциуму. Японцы поддерживает все выступления китайских кругов против консорциума. Может быть, японские агенты сами и раздули кампанию против признания Китаем международного соглашения.

§ 46. Вашингтонская конференция.

Проделав через создание консорциума черновую, так сказать, работу по борьбе с исключительным японским засилием в Китае, правительство Соединенных Штатов пожелало затем закрепить ее более широким международным соглашением, обнимающим равно политические и экономические вопросы. С этой целью Америка выдвинула на одно из первых мест китайский вопрос на международной конференции (совещании) созванной в конце 1921 года в Вашингтоне, столице С. Штатов.

В конце 1921 года правительство С. Штатов пригласило Японию, Англию, Францию, Китай и несколько других государств на конференцию в Вашингтоне.

На конференцию пекинское правительство, боясь всеобщих обвинений в измене, послало несколько молодых и способных китайских дипломатов, известных стране людей республиканских убеждений, незапятнавших своих рук японскими деньгами.

Китайские делегаты выступили на Вашингтонской конференции с обличением японских захватных действий в Китае. Американские представители на конференции, а за ними и английские, оказали поддержку Китаю против Японии.

Конференция заставила Японию возвратить Китаю Шаньдунскую область с железной дорогой, обещать вывод японских гарнизонов из нескольких пунктов Китая, а главное, заставила Японию отказаться от своих требований на особые, против других иностранцев, льготы и преимущества в Китае.

Англия и Франция также обещали вернуть Китаю два-три пункта.

Американские представители на конференции поддержали и некоторые общие требования Китая, обращенные ко всем иностранным державам, но не вредящие американским интересам в Китае. Последний добился права несколько повысить таможенные пошлины на ввозимые иностранные товары. Китаю обещана отмена через пару лет „экстерриториальности" иностранцев, впрочем это обещание обставлено определенными условиями. Обещаны уничтожение иностранных почтово-телеграфных контор в Китае, увод всех иностранных гарнизонов и т. д.

В общем и целом, Вашингтонская конференция несколько отодвинула угрозу исключительного японского господства над Китаем в области военно-политической, как консорциум отодвинул ее в области экономической и внутренне-политической.

Можно разно оценивать стоимость всяческих обещаний, которые державы надавали Китаю на конференции. Все же конференция показала, что с Китаем, обновленным революцией, даже и незавершенной еще революцией, внешний мир вынужден гласно говорить совсем иным языком, чем говорили с маньчжурской династией.

Сравнительные успехи китайской делегации на Вашингтонской конференции были оценены в самом Китае и заграницей, как успех буржуазного республиканского движения в Китае.

С тех пор и самые горячие милитаристы (дудзюны) Китая, даже явные друзья Японии вынуждены всякий раз, составляя министерства в Пекине, чтобы не обрушить на себя гнев страны, поручать должность министра, то есть руководство внешними сношениями Китая, членам анти-японской республиканской партии тем самым, которые организовали защиту китайских национальных интересов на международных конференциях. Можно считать поэтому, что буржуазные республиканские элементы Китая, еще сгибая шею перед дудзюнами и всяческими старыми мандаринами в области внутреннего управления, все чаще и больше умеют уже заставить всех считаться с собой и со своим мнением по вопросам международной политики.

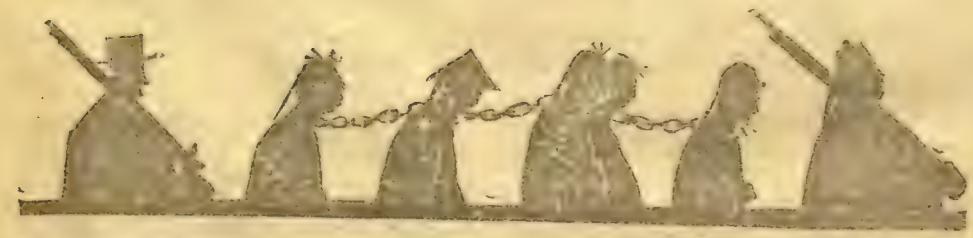
Когда дело касается борьбы с иностранным засилием в Китае, народ куда больше доверяет революционерам и республиканцам, чем себялюбивым и продажным милитаристам. Буржуазные республиканцы Китая состоят с американцами в более дружественных отношениях, чем с остальными иност-

рандами. Они недурно знают подоплеку американской „дружбы" к Китаю и китайской республике но рады до поры до времени использовать прямую и косвенную поддержку американцев, особенно в борьбе против Японии и против реакционных ставленников Японии в Китае.

Вашингтонская конференция учредила над Китаем подобие международной опеки. Державы, подписавшие в Вашингтоне так называемые „китайские договоры", торжественно обязались уважать независимость, верховные права и внутреннюю свободу китайского народа, обещались защищать Китай от покушений извне. Если китайский народ будет „хорошо вести себя", то державы обещаются постепенно отменить существующие договора и договорные права, унизительные для Китая.

Китайские делегаты на Вашингтонской конференции также подписали договоры наравне со всеми державами. Они расчитали, что договоры все же устранят на ближайшее время опасность захвата Китая Японией. Вашингтонские решения построены таким образом, что образуется сильное китайское правительство, а оно сможет при желании и умении, опираясь на эти договоры (но прежде всего на крепкую национальную армию, разумеется) выживать иностранных насильников из Китая.

Как мы видели выше, именно международный банковский консорциум своим запретом займов и самим фактом своего существования в настоящее время в конец расшатывает центральное пекинское правительство.



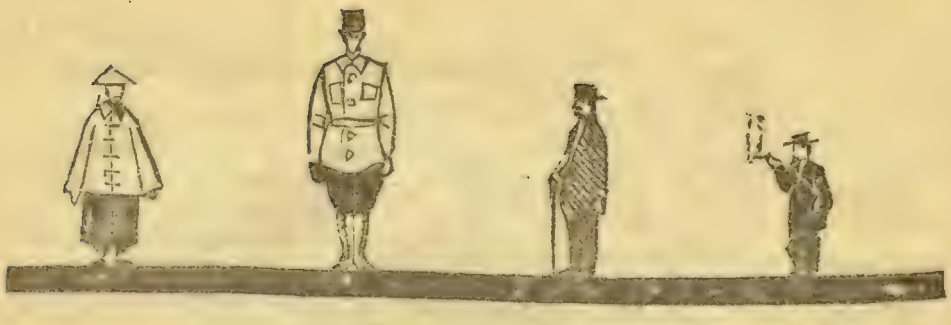
Глава десятая.

Послереволюционный Китай.

§ 46 Перенаселение и эмиграция.

§ 47 Национальная армия.

§ 48 Рабочее движение.



Плотность населения на одну квадр. версту.
Китай 100 чел. Бельгия 200 чел. Германия 100 чел. Франция 70 чел.

Послереволюционный Китай.

§ 46. Перенаселение и эмиграция.

а) Абсолютное и относительное перенаселение.

Никто не знает точной цифры китайского народонаселения. В Китае существуют даже сейчас только слабые зачатки правильно поставленной полицейской регистрации жителей. В глуши деревенской власти зачастую вовсе не регистрируют девочек.

От китайских ученых и от европейцев, занимающихся вопросами Китая, можно услышать самые различные цифры населения всего Китая, от 300 до 500 миллионов человек.

Еще хуже обстоит с вопросом о росте народонаселения, о стремительности этого роста. Даром, что в китайских исторических летописях имеются записи народонаселения за 2000 лет, но все же нельзя придавать им особого достоверного значения. При одном богдыхане переписывали только плательщиков одного какого-нибудь налога, при другом перепись захватывала не все провинции и т. д. Исторические записи свидетельствуют лишь об одном: о том, что население страны отнюдь не возрастало ровным темпом. Население то стремительно прибывало, то резко опускалось.

Воцарение маньчжурской династии в 1644 г. повлияло благоприятно на рост населения.

Маньчжуры зажали страну в железные тиски. Они прекратили на два столетия внутренние волнения, до того косившие целые районы. Маньчжурская династия сумела прекратить набеги монголов на Китай. Так как маньчжурская знать при том не пыталась или не сумела навязать Китаю феодальный строй землевладения, то китайское крестьянство, нестесненное, во всю множило запашку и само множилось.

В результате получилась чрезвычайная абсолютная перенаселенность. Кое-где в равнинных местах плотность населения Китая достигает уже почти 2000 человек на одну квадратную версту. Цифра страшная. Вообще же

Безработные.

для внутреннего Китая среднее число людей на одну квадратную версту поверхности немногим менее ста. Между тем, самая населенная страна в Европе, Бельгия, имеет в среднем около 200 чел. на одну квадратную версту. Франция около 70, Германия около 100. Но ведь перечисленные страны Европы обладают весьма развитой промышленностью, перерабатывающей на все лады [illegible] продукты земледелия и горные богатства, и сверх, привозные из других стран. Китай же вынужден прокармливать свое чрезвычайно сгустившееся население одними лишь плодами земледелия, да кустарной промышленностью. И китайская земля фактически уже не в состоянии прокормить невероятно разросшийся народ.

Рост современной промышленности в Китае в течение последних десятилетий пока мало поправил дело, скорее ухудшил его. Мы уже говорили выше в соответствующем месте, что ввозной европейский капитализм, с одной стороны, оживляет народное хозяйство Китая, а с другой, разрушает сложившийся хозяйственный уклад. Разрушительная ра-

Рикша.

бота капитализма, безсомнения, превышает созидательную. Десятки тысяч людей находят работу в новой промышленности, в портах, при выгрузке заморских судов и т. д. Зато сотни тысяч людей выбрасываются ежегодно из расшатанного родового уклада, увеличивая ряды городского пролетариата. Чрезвычайно сильно растет „люмпен-пролетариат". „Бродячий Китай" бесконечно разнообразнее по типам и проявлениям, и гораздо многочисленнее, чем многократно воспетая „бродячая, босяцкая Россия. „Тут и безработные кули, рикши, тут хунхузы, пираты, солдаты многочисленных „генеральских армий, и т. д. и т. д.—„Имя им легион".

Немалая часть безработного, бездомного Китая рвется из страны, в чужие края. Немногим, однако, удается попасть заграницу.

б) Эмиграционный поток.

Современная китайская эмиграция вовсе не велика численно, сущий пустяк по сравнению с огромной массой ищущих исхода.

Китайская эмиграция заграницу легко могла-бы превысить нынешнюю цифру в несколько раз, или даже в десятки раз. Но дело в том, что государства всех стран света издали каждое законы, воспрещающие или ограничивающие в'езд китайцев. Так поступили, прежде всего, Британская империя и Соединенные Штаты.

По действующим там в настоящее время законам, китаец не может, за редким исключением, стать гражданином С. Штатов Америки, даже пробыв там много лет. Тоже в Канаде, в Британской Колумбии, в Австралии и т. д. Строго ограничено число китайцев, имеющих право на в'езд с целью временного пребывания. Китайцам не разрешается приобретать землю и т. д.

в) Иностранные рабочие—соглашатели против китайской эмиграции.

Строгие законы против китайской эмиграции издаются во многих странах отчасти по желанию и под сильным давлением тамошних желтых рабочих союзов. Американские и английские рабочие, в особенности, опасаются конкуренции китайского кули, довольствующегося гораздо более скромной оплатой труда. Китайский кули нетребователен и несознателен. Из голода и по отсутствию классового сознания китайские (и японские) рабочие, наезжавшие в Америку, Англию, Германию, Россию и т. д., страшно сбивали цену на труд. Вдобавок, китайские „кули" зачастую привозятся партиями, законтрактованные на несколько лет предпринимателем, у которого они состоят в неоплатном долгу. Такие эмигранты фактически ни что иное, как рабы нанимателя, готовые ко всяким услугам за любую плату, чуть не даром.

В борьбе с этими подобными явлениями рабочие Америки, Англии и других стран имели перед собой два пути. Один—ввести приезжих рабочих желтой расы в товарищеские ряды своих партийных и профессиональных, организаций просвещать отсталого эмигранта рабочего, приучая его к защите своих прав. Другой путь—добиваться недопущения желтых рабочих в страну. Большинство желтых рабочих Америки и Англии до сих пор предпочитают второй путь. Именно желтые рабочие союзы в этих странах являются самыми страстными противниками допущения китайской (и японо-корейской) эмиграции.

Капиталисты и их партии, соблазняемые дешевым желтым трудом, частенько добиваются в тех странах полного или частичного открытия

дверей для китайских рабочих. Недавно, например, в парламенте Австралии отмечалось почти полное отсутствие рабочих рук в страдную земледельческую пору. За 5 американских долларов (10 р. зол. на наши деньги) в день нельзя было найти рабочего на сезонную и срочную стрижку шерсти. В то же время сотни тысяч китайских рабочих, буквально умирающих с голоду, тщетно стучатся в двери полупустой Австралии.

Исходя из сказанных соображений, именно тамошние соглашательские рабочие союзы, руководимые с. д., являются самыми ярыми сторонниками „белой" Австралии, белой „Канады", белой Америки и т. д., то есть чистой белой расы, „не запятнанной" приливом монгольской крови. Буржуазия тех стран и ее партии готовы несколько сдать рабочим на этот счет. Впрочем, буржуазия Америки, Австралии и т. д. очень ловко играет на этих страхах и предрассудках своих лакеев.

Правящая буржуазия уступает в больном вопросе о желтой эмиграции, чтобы тем лучше связать рабочих в других отношениях и вопросах.

Студент.

Все ограничения против китайской эмиграции, изданные в разных странах, имеют в виду главным образом или исключительно китайских рабочих и бедняков. Купцы и промышленники Китая имеют фактически полную возможность посетить любое иностранное государство и пребывать там по своим делам неограниченное время.

Есть даже одна категория китайцев, которую различные государства усиленно приглашают к себе, всячески заманивая. Это китайские студенты. Государства Европы и Америки наперерыв расхватывают буржуазную учащуюся молодежь Китая, предлагая свои университеты. Иностранцы предвидят (отчасти наблюдают уже и сейчас), что эта молодежь, научившись, будет править Китаем. Американцам хочется привить китайской молодежи знание Америки и симпатии к ней. Англичанам хочется—Англии, немцам—Германии. Правящие классы иностранных государств рассматривают китайских студентов, обучающихся заграницей, как лучших будущих проводников своего влияния в Китае.

г) Китайские колонии заграницей.

Однако главная суть острого вопроса о китайской эмиграции не в студентах и не в купцах, а в возможности исхода заграницу китайских крестьян и рабочих. Сами китайцы имеют определенное тяготение к странам ри-

совой культуры, к тем странам Азии, Америки и Африки, где можно взрастить их любимый хлеб—рис. Только весьма немногочисленные сравнительно группы китайцев (из Шань-дунской провинции, через порт Чифу) двигается к нам в пределы нашего Приморья и Забайкалья. Главная масса китайской эмиграции прет на Формозу, на Филиппинские, Гавайские острова, в Калифорнию (Соед. Штаты), и вдоль восточного берега Азии, по направлению к югу, а именно в Сиам, на Малайские острова, в Индо-Китай, на Яву и т. д. Короче говоря, китайская „рисовая" эмиграция имеет направление по меридиану на юг и по параллели на восток.

Эмигрант.

Китайский эмигрант обыкновенно весьма работящ. Он помнит испытанную им на родине страшную нужду. О такой нужде жители других, менее перенаселенных, чем Китай, стран, лишь с трудом могут составить себе правильное понятие. Эмигрант сознает свою нравственную обязанность помогать оставленной дома семье—иначе общественное мнение его рода и деревни отвернется от него, он „потеряет лицо".

Бережливость и беспредельное трудолюбие столь же характерны для всех без изъятия китайских эмигрантов (кроме страстных курильщиков опиума, „прожженных пьяниц", мы бы сказали), как совершенная нетребовательность и изумительная выносливость.

Китайские эмигранты сравнительно хорошо организованные (на свой особый лад) в землячества и т. д., в силу всего сказанного, сплошь и рядом добиваются на чужбине сносного положения и относительного благополучия. Пришлый китаец является опасным конкурентом для местного населения во всех областях труда и торгово-промышленной жизни. Особенно это сказывается на островах Малайского Архипелага, в Сиаме, в Индо-Китае, в портах Индии. Там сложился довольно многочисленный слой богатого китайского купечества, мало уступающего европейцам богатством и влиянием.

Этот слой играет, заметим кстати, большую роль во внутренней жизни самого Китая, точнее южного Китая. Эти разбогатевшие эмигранты, сами по большей части выходцы из Кантонской и др. южных провинций Китая, никогда не забывают своей родины. Приученные заграницей к новым порядкам, европейским и американским, они являются проводниками новых идей в Китай. В былое время они страстно ненавидели маньчжурскую династию, поддерживали деньгами и всячески революционное противо-монархическое движение. В настоящее время именно эти богатые эмигрантские круги составляют главный финансовый оплот партии д-ра Сунятсэна, отстаивающей Юг

от покушений Севера, республику от монархистов и от северных милитаристов.

Китайские эмигранты систематически посылают деньги, в общей сумме весьма значительные, своим семьям на родину. Таким образом, пришлый китайский элемент систематически выкачивает крупные денежные суммы из обращения чужой страны. Это не может не возбуждать опасений и недовольства со стороны правительственных и деловых кругов той страны, где набралось много китайцев. На широкие обывательские круги заграницы гораздо больше действуют нежелание или неумение китайцев сливаться в бытовом отношении с коренным населением своей новой родины.

Купец.

Китайская колония живет обособленной самобытной жизнью. Китайцы на чужбине даже формально остаются подданными китайского государства так как закон Китая до последнего времени не предусматривал выхода из китайского подданства, сколько бы лет китаец ни прожил заграницей.

Надо признать, что китайцы за пределами своей страны везде составляют „государство в государстве“, отдельное в экономическом, политическом и в бытовом отношениях. Капиталистические и полукапиталистические госу-

Колония.

дарства мира не в состоянии или не хотят наладить мирное и свободное сожительство с китайскими эмигрантскими колониями. Даже цветные государства, как Сиам, не отстают от европейцев, всячески притесняя китайскую эмиграцию.

д) Эмиграция и тихоокеанское равновесие.

Основательное решение чрезвычайно острого пункта о китайской эмиграции может быть дано и будет дано рано или поздно на путях организованного сговора рабочих разных стран. Когда рабочее движение в самом Китае достигнет значительной силы, оно сумеет поставить перед международным пролетариатом тезис о полной свободе переселения для всех рабочих, независимо от цвета кожи, и сумеет практически оформить эту свободу.

Нынешнее китайское правительство также не относится равнодушно к повсеместному гонению на китайскую эмиграцию.

Китайская буржуазия не испытывает ни малейшего недостатка в дешевой рабочей силе—кули так много. Напротив, правящие классы Китая были-бы рады, в интересах общественной безопасности, разредить армию безработных и босяков, принимающую в Китае все более грозные размеры. Правящий Китай ничего не имеет против массового исхода из страны, он приветствует эмиграцию, присылающую деньги, организующую центры китайского влияния по белу свету. Весь без изъятия Китай недоволен отношением других стран к эмиграции.

Весь Китай в целом рассматривает обиды китайским эмигрантам, как национальную обиду и оскорбление. Чем сильней становится, в меру капиталистического развития Китая, тем острее общенациональная потребность разредить население. Тем острее ощущается национальная обида. Что-бы китайские журналисты и политики ни говорили и ни писали (из корысти или из страха) о дружественном отношении китайского народа к американцам, англичанам и т. д. на деле китайцы чувствуют иное. На деле любой китаец одинаково не может простить Америке и Англии, как и другим капиталистическим нациям, двух вещей: их вооруженных нападений на Китай и запрета эмиграции.

Китайское правительство само по себе бессильно против великих держав. Оно не смеет прямо протестовать против оскорбительного и тяжелого запрещения желтым доступа в целый ряд стран. Китайское правительство и народ бессильно глотают обиду, затаивая злобу.

Создавшимся положением умело пользуется Япония. Правда, японское правительство также не допускает в свою страну китайских кули, как и американское, чуть-ли не строже еще. Но Япония охотно выступает перед лицом Китая и всего мира в роли защитницы желтой расы, угнетаемой белыми. Надо иметь в виду, что все ограничения для желтой эмиграции распространяются в большинстве стран на китайцев и на японцев одинаково. Японское правительство не упускает, поэтому, ни одного случая заявить себя громогласно покровительницей всей желтой расы. Япония, по ее словам, добивается открытия всех стран для китайских и корейских эмигрантов, наравне с японскими.

Правящая Япония находит в этом больном вопросе о желтой эмиграции весьма заметную основу для империалистической панмонгольской политики. Японские политики и многочисленные японские газеты, в самой Японии и в Китае, не перестают убеждать китайцев в необходимости сплотить ряды желтой расы против белых насильников, отхвативших лучшие части земного шара, не считающихся с земельным утеснением народов желтого племени. Японские империалисты предлагают Китаю союз для борьбы за равноправие и за свободу расселения монгольской расы. Во главе союза, естественно, встанет

Япония, обладающая могучей военной организацией. Она, де, сумеет использовать скрытые богатства и огромные людские массы Китая для общего дела.

Японская агитация такого рода нельзя сказать, чтобы не находила никакого отклика у китайцев. По многим, весьма основательным, причинам ненависть к японскому милитаризму очень сильна сейчас в Китае. В то же время мысль об **общем реванше** (отомщении) желтой расы белым насильникам (особенно Англии) жива в исстрадавшемся многомиллионном населении Китая. Играя на этой больной струнке, японский империализм во многих случаях существенно облегчает себе и пышнее проникновение в Китай. Одна большая обида заставляет китайцев моментами забывать другую.

Общее направление китайской (и всей желтой) эмиграции ведет, как сказано, на юг (по меридиану) и на восток (по параллели). Меньшая человеческая волна, гораздо менее напористая, двигается на север, а (также на северо-восток и на северо-запад). Так как дорога закрыта во владения Англии, Франции (Индо-Китай и Аннам), Америки, то китайцы начали довольно энергичное наступление на равнины Маньчжурии и Монголии, забираясь также далеко по Сибири.

100—200 лет тому назад нельзя было найти, м. б. ни одного китайца севернее Великой Стены. В настоящее время китайский пахарь, то самочинно, то с благословения своего правительства, залил равнины Маньчжурии и отхватал порядочный кусок Внутренней Монголии. В монгольских степях китайские эмигранты натолкнулись на сильное сопротивление монгольских племен. Царская Россия встала на сторону последних, вынудив китайских колонистов уйти из Внешней Монголии (Халхи) и Барги. Во Внутренней Монголии китайская земледельческая колонизация удержалась, вследствие превосходства китайского оружия над немногочисленными, плохо вооруженными монголами, предоставленными самим себе.

Взятый в целом, вопрос о китайской эмиграции в его настоящем виде определенно „пахнет кровью“. Пока что великие державы без особенного труда сдерживают напор людской желтой массы, бурлящей в тесных берегах. Недалек день, когда державам придется, под натиском растущей мощи Японии и Китая, пойти на новый передел стран тихоокеанского бассейна, передел, более согласный с пропорцией населения. Дадут-ли Европа и Америка добровольное согласие или подчинятся силе оружия—только таков практический вопрос.

Здесь нелишне напомнить, что первое же появление европейцев в тихоокеанских водах, смежных с Китаем, было ознаменовано выпадом против китайской эмиграции. Испанцы, тогдашние хозяева Филиппинских островов, обеспокоенные ростом пришлого китайского населения, в одну ночь вырезали 20.000 китайцев.

Таково кровавое начало спора из-за китайской эмиграции; грозит быть кровавым и конец.

Самая передовая из китайских буржуазных партий, „Гоминдан“ борется под знаменем „расового принципа“. Иными словами она требует: „Китай для китайцев“. Но сюда же примешивается и намерение заселить и китаизировать страны: Монголию, Маньчжурию, Китайский Туркестан и Тибет. Впрочем, можно быть уверенным, что „гоминдан“ и любая другая партия Китая, достигнув об'единения Китая под властью сильного правительства, немедленно же примется энергично настаивать на „открытых дверях“ для китайцев, по меньшей мере, на всех островах и побережьях Тихого.

Установление прочной власти об'единенного Китая будет означать начало международной борьбы за свободу нового „великого переселения" народов.

Да иначе и не может быть. Китай задыхается от избытка населения, от перенаселения, равно „абсолютного" и „относительного". Вне нового, значительного расселения и переселения многих миллионов невозможно сколько-нибудь правильное развитие страны, невероятно трудно даже сделать один шаг вперед в любом направлении.

В следующих главах (о рабочем движении и об армии) мы убедимся, как тяжело отражается чрезмерное обилие незанятого населения на уровне жизни и на движении рабочего класса, а также на общей военной безопасности страны. Нечленимый „бродячий Китай" стал страшной опасностью для самого существования народа. Разрядить его становится главнейшей задачей момента, сознаваемой всеми классами Китая.

Принимая во внимание огромную численность китайского народа и его быстрое развитие на новых путях, можно сказать без всякого преувеличения, что ход и судьба внутреннего и внешнего расселения китайцев определит судьбу тихоокеанского „бассейна", или, технически выражаясь, международное „тихоокеанское равновесие" на ближайшие 25—50 лет.

3. 41. Национальная армия.

а) История современной армии.

Иностранцев до сих пор занимает вопрос об основных качествах китайского солдата. Представляют-ли китайцы „хороший боевой материал"? Иначе говоря, сумеют-ли китайцы ценой времени и денег создать армию, подобную европейской или японской? Или же китайцы безнадежны, как бойцы? Вот вопрос, по которому иностранные военные авторитеты до сих пор не пришли к согласию.

Иностранцы видели маньчжурские „знаменные войска" в войнах 1841, 1860, 1895 годов. В общем довольно стойкие, как воины, маньчжуры никуда не годились против армий современного типа, вследствие плохого вооружения и организации.

Но маньчжуры—одно дело, китайцы другое. Иностранцам сразу обрисовалось в глаза явное нерасположение широких китайских масс к военной деятельности, к мундиру, к парадам, воинским упражнениям и т. д. Военная профессия не в почете у китайцев. Поступить в солдаты и до сих пор означает „опуститься". Даже в официальной иерархии, даже при маньчжурских императорах, военные чины всегда считались (до 1909 г.) по меньшей мере одним рангом ниже гражданских.

Многие иностранцы склонны были, и до сих пор склонны, признавать миролюбие и нелюбовь к войне чем-то вроде основной черты национального характера, прочным результатом китайской истории. Конечно, это результат семейно-родового уклада. Меняются хозяйственные отношения, идет развитие капитализма, углубляется гражданская война—меняется и характер китайца. Несомненно, миролюбие было типичным для Китая постольку, поскольку выработке его способствовали прочные экономические отношения.

Вкратце история современной армии Китая такова.

В 1895 году, под свежим впечатлением проигранной войны с Японией, Юань-Ши-кай сделал первую попытку создать войско европейского образца. К 1908 году новые войска под командованием Юань-Ши-кая, достигли циф-

ры в 100.000 человек обученных по современному с 534 пушками. Дисциплина и обучение этих войск были по мнению европейских офицеров образцовы.

Армия, созданная Юань-Ши-каем, продолжает существовать и поныне под названием „луцзюнь“ („правительственной“ или „полевой“ армии). В Пекине и сейчас пребывает высшее военное управление этой армии, во главе с военным министром и начальником штаба. Однако, войска „луцзюнь“ перешли в полное распоряжение дудзюнов, совершенно не желающих считаться с министром, со штабом и с их распоряжениями. Национальная армия, как таковая, перестала существовать. В фактическом распоряжении пекинского правительства, возглавленного президентом, имеется небольшая военная сила, несущая охрану столичного округа, выделенного из провинции Чжили во всех отношениях, в том числе и в военном.

Рядовой.

Трудно сказать еще, какое влияние оказали годы гражданской войны (с 1911 и поныне) на подготовку, боевой дух, вооружение и т. д. частей „луцзюна“. Единство армии разбито. Вряд-ли кто-нибудь в Китае может сейчас иметь исчерпывающее представление о численности, состоянии разрозненных отрядов, подчиненных многим десяткам дудзюнов и провинциальных управлений.

Некоторые части—большинство, вероятно—совершенно потеряли воинский облик. Другие зато могли накопить значительный опыт, боевой и организационный, в ходе бесчисленных компаний 12-летней гражданской войны.

б) Вербовка и численность.

Очень вредит китайской армии система набора. В Китае нет обязательной воинской повинности. Прежняя династия ввела эту повинность только для маньчжуров, из которых рекрутировались знаменные войска. Начиная с 1895 года, набор в „луцзюнь“ производится на началах добровольности. С 1895 г. по 1913-й до возникновения гражданской войны, существовали хоть известные правила для приема на военную службу. В годы смуты все правила позабыты. Дудзюны набирают без разбора. Принимают любого, кто согласен поступить на службу.

Завербованные сплошь да рядом самовольно покидают часть до окончания срока, но и дудзюны сколько-угодно обманывают своих солдат в смысле уплаты жалованья, выдачи пайка и т. д.

Годы гражданской войны создали огромный спрос на солдат. Путь к власти в Китае ведет ныне через обладание значительным воинским отрядом. На этот путь бросаются все честолюбцы.

В то же время абсолютное перенаселение страны, а также распад семейно-родового уклада создает неограниченное предложение людей, готовых за жалованье служить кому-угодно. Разорившийся крестьянин идет без большого разбора в „кули“, в „хунхузы“ (разбойники), в армию, в нищие. Не повезло в „кули“, он переходит в армию. Убежав из части, он превращает-

ся в хунхуза. Разбойничьи банды то и дело записываются в регулярные войские части.

Дудзюн или кандидат в дудзюны далеко не всегда обладает достаточными денежными средствами. Ему с грехом пополам хватит на выплату жалованья и на вооружение отряда, зато паек выдается далеко не регулярно. И наоборот. Солдаты часто бывают вынуждены кормиться за счет населения. Многие генералы возвели это в правило, рассуждая по наполеоновски: „война должна сама себя кормить".

Нерегулярная уплата жалованья не раз приводит к солдатским бунтам, сметающим целые города. Бывает и так, что целые части, недовольные пищей или неаккуратной выдачей жалованья, уходят, солдаты и офицеры наравне, с оружием и амуницией в горы, к бандитам, становясь грозой округа.

Вербовка.

До чего может дойти неразборчивый набор, видно из такого случая. Д-р Сунятсен, кантонский диктатор, в июле 1923 года, сильно нуждаясь в людях, разослал по Кантону вербовщиков, которые окружали уличные толпы, забирали всех подряд, и при помощи веревок доставляли жертвы в особые бараки. Иногда вербовщик пускался на хитрость, чтобы собрать вокруг себя толпу. Часть изловленных отсылалась на обозные и земляные работы, другую отправляли в действующую армию, не взирая на убеждения, мольбы и слезы.

В конце 1912 года численность китайской армии определялась в 800.000 человек, из них 500.000 довольно хорошо вооруженных. Попытка счесть войские части в 1919 г. выказала существование 100 дивизий, в среднем в 10.000 ч. каждая; в армии, таким образом, состояло около миллиона чел., содержание которых обходилось стране в 180 миллионов рублей в год.

В 1922 году, в октябре месяце, пекинское правительство заявляло о своем начальствовании над частями, общей численностью в 613.500 чел. Сюда не вошли, однако, некоторые провинции юга и запада.

Иностранные авторитеты определяют численность сколько-нибудь организованных регулярных частей от одного до полутора миллионов человек. Около пятой или шестой части этого числа принадлежит южным провинциям,

отложившимся от Пекина. Сверх этого миллиона-полутора имеется еще около полумиллиона или миллиона человек, снабдивших себя ружьями и кое-каким иным вооружением, не подчиняющихся ни пекинскому, ни кантонскому правительству.

Вооруженные группы то занимаются явным разбоем, то соединяют грабительскую деятельность с поддержкой какой-нибудь генеральской или провинциальной партии.

По мнению иностранцев, Китай в случае внешней опасности вряд-ли сможет выставить теперь более 500.000 человек.

1—2 миллиона человек под ружьем обходятся чрезвычайно дорого стране. Содержать такое число было-бы трудно и хорошо организованному центральному правительству. В настоящих условиях китайская армия, включая нерегулярные части, ложится тяжким бременем на крестьянское население и на торговлю.

Правительственные управления отдают 60% и более от своих доходов на непомерно возросшие военные расходы. Дудзюны и всяческие генералы то и дело выдумывают новые налоги для того, чтобы добыть денег на жалованье солдатам.

Весьма распространенный прием генералов состоит в том, чтобы умышленно вызвать небольшое возмущение среди полуголодных и озлобленных частей, расположенных в каком-нибудь крупном городском центре. Тогда купеческие общества, предвидя бунт и погром, раскошеливаются и дают деньги. Разумеется, только часть денег поступает войску. Львиная доля прилипает к рукам генерала.

Непосильная для населения, миллионная армия чересчур велика для того, чтобы ее можно было как следует снаряжать и обучить.

По мнению генерала Убейфу, Китай не должен иметь теперь армии свыше 200.000 человек. По потому, что страна не в состоянии одеть, накормить и оплачивать армию большего размера. По потому, что не хватит средств снарядить большее число согласно требованиям современной техники. По выражению генерала Убейфу, небольшая, но хорошая армия есть орудие в руках нации; многочисленная армия громадная, но не снабженная, плохо обученная, многочисленная представляет собой прямо таки народное бедствие.

Тот же Убейфу, как и д-р Сунятсен, многие другие китайцы, а также иностранцы, считают необходимым радикальное сокращение численности китайской армии, а равно использование воинских частей в качестве трудовых армий. Приводились те или иные вычисления, во сколько обойдется рассчет увольняемым солдатам, во сколько устройство их в качестве переселенцев на малозаселенных окраинах государства. По довольно правильным рассчетам, увольнение миллиона человек обошлось-бы в 200 миллионов золотых рублей. Одно время шли разговоры об устройстве иностранного займа на эту сумму и для этой цели.

Вопрос о необходимом сокращении огромной разросшейся армии, очевидно, упирается в более общие и трудные вопросы.

Нет смысла, в самом деле тратить деньги на роспуск частей, если завтра враждующие генералы примутся набирать новые. Действительное сокращение армии будет произведено, очевидно, лишь тем устойчивым правительством Китая, которое вынырнет из гражданской войны.

С другой стороны, вооруженные банды, с форменными отличками или без них, с политическими лозунгами и без лозунгов, будут вырастать как

гибы, до тех пор, пока страшная язва нищеты и безработицы продолжает раз'едать тело Китая. Миллион, два безработных зовутся-ли они солдатами или бандитами, суть плоть от плоти многомиллионного нищего, бродячего Китая. Это суть те миллионы, которых жизнь вытолкнула из деревни, из ремесла, которые не находят места в капиталистической промышленности, которым запрет эмиграции не позволил переселиться заграницу. Под'ем и лучшая организация народного хозяйства, широкое и упорядоченное расселение, вот что рассосет миллионы лишних солдат и многие миллионы бандитов.

Поставить планомерно дело сокращения армии может только правительство, завершившее национально-освободительное дело об'единения Китая.

Борьба генералов между собой приводит путем естественного отбора к возвышению нескольких дудзюнов покрупнее и к созданию при них воинских частей получше. Особенно выделился генерал Убейфу, сумевший сформировать несколько организованных дивизий. Его 3-я дивизия (в Лойяне в провинции Хубей) считается лучшей в Китае. Хорошую репутацию заслужила 11-ая дивизия луцзюна, состоящая под командованием генерала Фын-Ю-сяна, подчиненного Убейфу. Между прочим, генерал Фын-Юи-сян—горячий приверженец протестанской религии, обратил в христианскую веру большинство офицеров и солдат своей дивизии, отличающейся строжайшей образцовой дисциплиной, и обученной вполне по современному.

в) Кампания 1922 года.

Весенняя кампания 1922 года (борьба шла между ген. Убейфу и маршалом Чжанцзолином), была значительна по размерам введенных в бой войск. (80.000 у Чжанцзолина, 10.000 убитых и раненых, 60.000 у Убейфу, 3.000 выведенных из строя). Она привлекла особое внимание иностранных военных наблюдателей, жаждавших проверить состояние китайской армии после стольких лет гражданской войны.

Мнение европейско-америк. офицеров, вблизи изучивших ход кампании, вылилось в таком решительном суждении: „западу в военном деле нечему поучиться у китайцев".

Убейфу—единственный китайский командир, постигший значение фланговых движений. Его тактика в последней кампании, как и в прежней, сводится неизменно к выдвижению худших войск в фронтовую линию и к атаке его лучших частей на незащищенные фланги противника. Убейфу приходилось за всю его военную карьеру встречаться только с армиями, обученными японской тактике и стратегии. Убейфу выявляет острое интуитивное понимание слабых сторон противника.

Маньчжурская армия Чжанцзолина до боев 1922 года многими признавалась лучшей в Китае. Обмундирование, продовольственная часть и перевозочные средства чжанцзолиновской армии оказались весной 1922 года гораздо лучше чжилийской армии Убейфу. В отношении воинского духа и внутренней спаянности частей маньчжурские войска как выяснилось, оставляют желать многого, значительно уступая чжилийским. Хорошо действовали только кавалерийские маньчжурские части.

Разбитые на голову, маньчжурские солдаты преспокойно и, говорят, сохраняя наилучшее настроение духа, на поездах и пешком разбрелись в разные стороны. 30.000 передались победителям без малейшей попытки к сопротивлению.

Все иностранные наблюдатели единогласно признают, что руководителя чжанцзолиновской армии проявили полнейшее незнание самых начальных основ стратегии.

По разгроме 1922 года, маршал Чжанцзолин принялся энергично за преобразование своих маньчжурских войск. Иностранец, имевший случай видеть маньчжурские войска в мае 1923 года, передает о горячечной всесторонней работе по обновлению маньчжурских частей.

Руководители маньчжурской армии признают, что еще в прошлом году многие штаб. офицеры не умели читать. Приказы чжанцзолиновского штаба не исполнялись подчас просто потому, что некому было прочесть. Неграмотность ныне устраняется. Прилагаются большие старания к вербовке молодых офицеров, получивших специальное военное образование заграницей. Заметно обилие японских и русских офицеров.

По словам того же иностранца, обмундирование маньчжурских частей поражает новизной (очевидно, японское и на японские деньги). Чжанцзолин надеется в сравнительно-короткий период времени—в два года—снарядить и обмундировать заново по совершенно единому образцу свои 25 смешанных бригад (о т. н. „смешанных бригадах" ниже), а также 2 кавалерийские бригады по 5.000 сабель каждая. Мукденский арсенал имеет быть доведен в этом году до возможности выпускать полные батареи вплоть до 8-и дюймовых гаубиц. Его массовое производство имеет выразиться в 70 мил. патронов и в 290.000 снарядов ежегодно.

Наряду с чжилийской и маньчжурской, одной из крупнейших армий в нынешнем Китае является южные войска д-ра Сунятсена и генерала Чен-Чюн-Мина.

Ныне южная армия раскололась на несколько враждующих частей. Весной 1922 года, тогда еще единая, южная армия могла на бумаге выставить в поле 80.000 человек. В действительности же, в тот момент против Убейфу были двинуты всего 25.000 человек. Их экипировка, денежные средства и дисциплина оказались ниже всякой критики. Юг Китая в этом случае, как и в течение всех последних столетий, выказал свою слабость в военном отношении по сравнению с армиями северных милитаристов.

г) Организация и управление.

Высшим тактическим соединением китайской армии является дивизия. По основному положению о полевых войсках китайской армии полевая дивизия, развернутая по штатам военного времени, усиленная резервными и запасными войсками, составляет корпус. Но, в действительности, до настоящего времени такого корпуса еще не было создано в Китае.

Зато практика гражданской войны выработала тип „смешанной бригады". Именно такая бригада становится, несомненно, наиболее частым и популярным из крупных отдельных соединений. Число бойцов, сведенных в смешанные бригады, больше личного состава дивизии.

Смешанная бригада состоит из всех родов войск, а именно: из 2 полков пехоты, дивизиона или полка кавалерии, дивизиона артиллерии, 1 сводной инженерной роты, 1 обозной роты, одной или нескольких пулеметных команд. Смешанная бригада пригоднее дивизии в условиях обычного китайского бездорожья. Ее легче перевезти, и немало ценится китайцами возможность иметь в нужном месте в короткий срок все роды оружия с меньшими затруднениями при перевозке. Более крупные соединения, как дивизия и в особенности корпус, всегда будут испытывать в Китае сильные затруднения при передвижении. Дивизии могут с успехом действовать только в немногих районах Маньчжурии и Внутреннего Китая, где проложены ж. д. пути.

Условия бездорожья вызвали к жизни еще одно своеобразное соединение—смешанный полк. Он состоит из одного полка пехоты, эскадрона кавалерии, 1 батареи артиллерии, 1 пулеметной команды и небольших команд, саперной и обозной.

Кавалерист.

В более удаленных от центра округах китайские военные имеют представление только о батальонах или же о смешанных полках.

Батальон, а не полк, был встарь в Китае основной тактической и административно - хозяйственной единицей. Сейчас он сохранил во всех родах войск значение основной адм.-хоз. единицы. В штате китайского батальона имеются все должности, необходимые для ведения самостоятельного хозяйства.

Китайская дивизия имеет ту особенность, что при ней положены свои резервные и запасные войска.

Пехотная бригада делится на 2 полка. Полк на три батальона. Батальон на 4 роты. Рота на три взвода. Взвод на 3 отделения. Самая мелкая единица всех полевых частей отделение-состоит по положению, и в мирное и в военное время из 2 унт.-офиц. и 12 ряд.

В китайской армии рядовые не выполняют ровно никаких нестроевых и хозяйственных обязанностей. Для этого есть вольнонаемные служащие. Даже уход за лошадьми в кавалерии и артиллерии, даже ординарческая и конвойная служба составляют задачу специально наемных людей.

В артиллерии 3 отделения составляют взвод, 3 взвода—батарею из 6 орудий, 3 батареи—дивизион, 3 дивизиона—полк.

В кавалерии 2 отделения составляют взвод. Два взвода—эскадрон. 2 эскадрона—дивизион. 3 дивизиона—полк. 2 полка—бригаду.

В обозных и инженерных войсках нет соединений выше батальона.

По положению, численность дивизии равняется 12.512 чел. Во многих дивизиях луцзюна, даже в большинстве, кадр никогда не бывает заполнен.

Однако, некоторые дивизии содержат до 20.000 человек, в том числе лучшие дивизии китайской армии (3-я, 11-ая, 24-ая). Об'ясняется желанием некоторых генералов скрыть численность своих войск от противника и, кстати, не заслужить в глазах широких кругов упрека в милитаристических поползновениях, в раздувании численности армии.

д) Обучение и дисциплина.

Военное обучение до настоящего времени не поставлено на должную высоту. План военных школ был давно разработан и действовал до гражданской войны. Сейчас огромное большинство школ практически бездействует. Лучший командный состав комплектуется из числа лиц, получивших военное образование заграницей. Лучшие дивизии обычно имеют при штаб-квартире школы для своих офицеров, где преподаются военные науки, гимнастика и т. д., вплоть до технических предметов.

В Пекине есть высшая военная школа, хорошо поставленная японскими инструкторами, но страдающая отсутствием средств.

Унтер-офицерский состав китайских войск подготовляется в войсковых унтер-офицерских частях и в специальных школах. В общем он подготовлен вполне удовлетворительно. Китайские унтер-офицеры в действительности выполняют почти всю непосредственную работу по подготовке, по обучению и воспитанию солдат.

В обучении рядовых пехоты главное внимание обращается на подготовку в сомкнутом строю. Некоторые части делают [illegible] быстро и четко, соблюдая хорошую дисциплину в строю.

В рассыпном строю сказывается отсутствие сноровки при самостоятельных действиях и некоторая вялость, а также неумение приспособляться к местности. То же неумение и отсутствие сноровки в самостоятельных и одиночных (индивидуальных) действиях проявляет китайская пехота при несении сторожевой и разведывательной службы.

В походе китайская пехота обнаруживает весьма большую выносливость, а в лучших частях также и дисциплину строя.

Китайский рядовой склонен к чрезмерному увлечению поставленной частной задачей, не умея сообразоваться с действиями соседа.

Кавалерия представляет из себя плохую ездящую пехоту, так как китайцы, за исключением Северной Маньчжурии, имеют мало (или вовсе не имеют) лошадей в хозяйстве, и в массе своей не обладают навыком к верховой езде. Большая часть кавалеристов совершенно не умеет сидеть на конях.

Более или менее пригодной является конница лишь для несения разведывательной и дозорной службы. Лошади и снаряжение в кавалерийских частях содержатся хорошо.

Солдатский состав артиллерийских частей по общему уровню стоит выше пехотинцев и кавалеристов, но офицерский состав слаб. Что касается орудий и лошадей, то таковые в большинстве артиллерийских частей содержатся в полном порядке.

Инженерные войска еще не достаточно обучены саперному делу, хотя по природе китайцы любят рыться в земле; офицеры пока не обладают достаточной технической подготовкой.

Личный состав других родов войск обозных, войск связи, санитарных — в отношении старательности и исполнительности в большинстве случаев стоит на высоте. Но специальная подготовка не вполне удовлетворительна.

По верному замечанию русского военного обозревателя, говорить о состоянии китайских войск значит прежде всего говорить об их дисциплине. В этом отношении большинство существующих в настоящее время войск представляют собой серьезную угрозу безопасности и спокойствию населения.

Хроника за один лишь июль месяц 1923 года сообщает о крупном погроме, устроенном 200 солдатами в людном городе, в окрестностях которого стоит лагерем 10.000 человек. Десятитысячная дивизия даже пальцем не пошевельнула при виде бесчинств своих товарищей. В Кантоне д-р Сунятсен велел расстрелять целую часть морской пехоты за вымогательства у жителей. За этот же месяц поступило множество донесений о пиратских подвигах военных судов. Команды вылезают с мирных джонок (лодок) с большими процентами то жалованье, которого не выплачивает им адмиралтейство. Из ряда мест сообщают о грабежах у пассажиров, учиненных воинской охраной поездов. И т. д. и т. д.

Одна из главнейших причин такого падения дисциплины в частях становится понятной, когда мы читаем поступившие за этот месяц сообщения о приеме на службу, с согласия и ведома центрального правительства, целого большого отряда разбойников. Атаман банды получил чин и должность бригадного командира, и остался командовать своими разбойными сподвижниками уже в качестве офицера регулярной армии. Центральное правительство так поступало и поступает, кстати сказать, во всех случаях, когда нет иного способа сладить с разбойниками, захватившими какой-нибудь город или стратегический пункт, либо целых заложников. Тогда разбойников принимают на военную службу и выдают им жалованье, в котором отказывают честным солдатам.

Из разбойничьего атамана прямо превратиться в генерала—вещь довольно обычная в нынешней китайской армии. Впрочем, столь же обычно и обратное превращение. Офицер, даже полковник регулярной службы, нередко переходит (один или со своими людьми) в разбойничий либо партизанский отряд.

Дисциплина, вообще говоря, весьма невысока в среде высшего и среднего командного состава армии. Ни один войсковой начальник не может быть вполне уверен в том, что подчиненные ему начальники исполнят его распоряжения.

Сравнительно хорошая дисциплина существует в частях могущественнейших и богатых дудзюнов („генерал—инспекторов" армейских округов), которые в состоянии лучше обеспечивать своих людей. Впрочем, в 1921 году один такой „сверх-дудзюн", взобравшийся на верх могущества, пал в два-три месяца вследствие внезапного бунта в его армии на почве неуплаты жалованья. Нечто вроде банкротства большой коммерческой фирмы.

Более дальновидные китайские генералы, вроде Убей-фу и и Фын-Ю-сяна, начинают заботиться об идейном подборе своих офицеров и солдат, а также организуют подобие политико-просветительной работы. В частности, 3-я дивизия генерала Убей-фу наполовину состоит из выходцев мелко-буржуазной интеллигенции, служащих, студентов и прочих.

Большая часть китайских солдат обладает грамотностью ровно настолько, чтобы суметь подписать свою фамилию, прочесть об'явление, вывеску и т. п.

е) Вооружение.

Вооружение китайской армии тормозится не только постоянным недостатком средств у центрального правительства и у местных дудзюнов, но также существующим запретом на ввоз иностранного оружия в пределы Китая.

Запрет наложен по почину самих великих держав, 5-го мая 1919 года, по предложению американского посланника в Пекине.

В то время Японии весьма усиленно снабжала оружием своих сторонников в Маньчжурии и во внутреннем Китае, Америка была заинтересована положить предел японской военной интриге. Американский посланник заявил о желании С. Штатов помочь скорейшему внутреннему успокоению Китая. Если, мол, не давать воюющим генералам оружие в руки, то гражданская война окончится скорее.

Предложение Америки было принято всеми великими державами, включая Японию, и рядом мелких. Состоялось общее соглашение, по которому гражданам договорившихся стран запрещается ввозить в Китай к. л. вооружение или военные припасы, вплоть до образования правительства, признанного всеми партиями Китая, правительства, свободного от угрозы гражданской войны.

Соглашение соблюдается далеко не строго. От времени до времени представители одной державы обвиняют другую в нарушении духа или буквы договора. Однако, по словам английского источника, невозможность открыто заказывать и ввозить оружие сократила значительно заграничные военные запасы воюющих стран.

Самым свежим и весьма крупным нарушением соглашения было приобретение американским капитаном (Кирнэй), в качестве главнокомандующего флотом провинции Чжеуэзян, большой партии вооружения у б. русского адмирала Старка, Оборотливый американец купил у бежавшего русского б. адмирала (сподвижника Меркулова) огромную партию русского вооружения: 18 орудий (от 6-и дюймовых до трехдюймового), 12 пулеметов, 160.074 ружей, 18 пушек в разобранном виде, много тысяч снарядов, 288.000 патронов, 23 полных телефонных комплектов и т. д.,—всего за 150.000 рублей. Капитан предан суду американского консула в Шанхае.

Другие клиенты адмирала Старка были удачливее. Привезенные русскими белыми на 14 военных судах крупнейшие запасы русского оружия были живо расхватаны за бесценок китайскими любителями, от армейских до бандитов. В крупном разбойничьем набеге на поезд 6-го мая 1923 г. были уже пущены в ход со стороны бандитов вновь приобретенные ружья русского образца.

Запрет ввоза из заграницы распространяется также и на машины или машинные части, предназначенные исключительно для изготовления оружия и военных припасов. Тем не менее в Китае довольно много военных заводов и арсеналов разного типа и размера. Им не хватает машин и материалов, но это чаще всего зависит только от недостатка оборотных средств.

Видимо, самым лучшим из действующих заводов надо признать мукденский маршала Чжанзолина. В 1921 году арсенал выпускал 10.500 ружейных патронов в день и большое количество ручных гранат. Завод производит эфир, бездымный порох и серную кислоту. Только что недавно в 1923 году, завод приобрел из Дании новое оборудование, и сейчас отлично обставлен. Он сможет выпускать артиллерию и артиллерийские припасы, пулеметы и ружья в количестве, достаточном для обслуживания маньчжурской армии.

Генерал Убейфу возобновил недавно работы на арсенале в Куи-Сиена. т. к. не был уверен в достаточном снабжении артиллерийскими снарядами из других источников, 300 человек рабочих заняты изготовлением снарядов к 75 и миллиметровым пушкам.

700 рабочих в Цинаньфу (Шандунь) вырабатывают пулеметы, револьверы и ружья.

Ханьянский арсенал, состоящий в ведении центрального правительства, но служащий нуждам чжилийской партии, занимает 5000 чел., выпускает 200 маузеровских ружей в день, 200 штыков, 20 маузеровских пистолетов, 5 пулеметов в месяц. Около 50.000 ружейных патронов в неделю. Большое количество бездымного пороха. Указанное производство может быть сильно расширено при вложении новых средств.

Большой морской арсенал в Фу-Чжоу фактически бездействует. В состоянии выпуска.ь 75-и миллиметровые пушки

Кантонский—производит 700.000 пуль в месяц, 25 ружей в день, 8 пулеметов в месяц и бездымный порох.

Кроме перечисленных, есть неопределенное число других, крупных и малых. Характерная черта китайских заводов та, что лучшие из них, а также самые современные машины на всех заводах бездействуют после 1916 года за отсутствием людей, материалов и средств. Работают кое-как заводы и машины попроще, не требующие больших затрат.

Статистика заводов и учет их производительности отсутствует. Дудзюны, генералы и даже полковые командиры смотрят на заводы и заводики, как на свою частную собственность. Тщательно берегут их от чужих глаз. Не определено и само понятие военного завода. В провинции Сычуань насчитываются 134 завода, но многие из них не больше размером починочной мастерской.

Большой завод в Чаньша (400 рабочих) в 1920 году производил большое число мечей и копий старинного китайского образца для войск провинции Хунани. Провинциальные власти рады были хоть чем-нибудь вооружить своих людей.

В смысле вооружения китайская армия не создала до сих пор ничего оригинального.

Все вооружение иностранного образца. Иногда представляет собою помесь оружия разных иностранных типов.

На вооружении пехоты состоят, в качестве основных образцов, японские винтовки системы Арисака, образца 1905 года, калибр—6, 5 миллиметра, затем образца 1907 года—калибр 6, 8 миллим. Но кроме них имеются много всяких других образцов: винтовки Маузера, русские 3-х линейные и другие.

Кавалерия имеет карабины тех же систем, сабли и в некоторых случаях—на парадах—пики; инженерные войска вооружены как пехота, обозные —как кавалерия.

На вооружении артиллерии состоят орудия Круппа, японские пушки Арисака, при основном калибре 75 миллиметров (около 3-х дюймов) и некоторые другие образцы и системы.

Из пулеметов самыми распространенными являются пулеметы системы Максима и Гочкиса. Пулеметы стали излюбленным оружием китайской армии. Их производят даже в небольших частных арсеналах военных губернаторов. Во многих случаях воспроизводят образцы, давно заброшенные в западных армиях, как непрактичные и даже опасные Год тому назад в Китае насчитывали (в начале 1922 года) 1.394 пулемета. Сейчас значительно больше.

Только маньчжурские войска и недавно демобилизованные войска пограничной обороны (на русской и монгольской границах) имеют вооружение и экипировку однообразного японского типа. Другие части экипированы чрезвычайно пестро.

Военные части внутренних провинций зачастую совершенно не имеют всего того, что должна иметь современная армия. Вообще говоря, в Китае можно встретить сейчас самые разнообразные коллекции различного оружия всех систем и видов—до копий включительно, из которых многие не применяются уже ни в одной армии земного шара.

ж) Флот и авиация.

Китай имеет длинную линию побережья в 2800 морских миль. Это побережье защищается устарелыми военными судами общим водоизмещением в 41.000 тонн. Личный состав военного флота—8500 офицеров и матросов.

Приморские провинции Китая, особенно Фуцзин и Шандунь обладают на побережьи здоровым и сильным населением, отлично знающим море. Западный моряк сразу поразится мастерскому обращению китайца с его неуклюжими джонками. Более близкое ознакомление с Китаем скоро убеждает иностранца в том, что китайцам нечему учиться у людей Запада в искусстве управлять судами китайского образца.

Современный китайский флот обязан своим возникновением Ли-Хун-чжану, как современная армия—Юань Ши каю. Распространенный слух гласит, что вдовствующая императрица, пресловутая Цзы-Си (китайская „Екатерина II-ая" конца XIX века) употребила на постройку летнего дворца 21 миллион тэйлей, ассигнованные казной по ходатайству Ли-Хун-чжана на постройку военного флота.

Все суда военного флота приобретены Китаем заграницей.

Военный флот Китая был разбит японцами в 1894 году. Однако, личный состав вел себя превосходно в ходе неравной борьбы. Боевые традиции 1894 года сохранились во флоте в неприкосновенности. Несмотря на полное отсутствие средств за последние годы личный состав флота ухитряется поддерживать суда в идеальной чистоте и в полном порядке. Правда, мелкие суда флота пускаются в пиратство под влиянием голодовки. Политическая рознь на Юге, где сосредоточена значительная часть флота, отозвалась сильно на его боеспособности.

В общем, китайский флот производит чрезвычайно выгодное впечатление, в полную противоположность сухопутной армии. Китайские военные суда содержатся ничуть не хуже военного флота любой страны и внутренний строй их не оставляет желать ничего лучшего.

Военная авиация в Китае находится почти в зачаточном состоянии. Причиной слабого развития авиации являлись денежные затруднения центрального правительства, а также политические смуты.

В настоящее время аэропланы начинают применяться для военных целей самими китайскими военными губернаторами. Аппараты приобретаются заграницей, главным образом в Англии и в Америке. По приблизительным подсчетам в Китае в различных группах войск насчитывается около 150 воздушных аппаратов, из которых большинство коммерческого, довоенного типа и учебные. Хотя следует отметить, что во время последних боев между войсками Чжан-Цзо-лина и Убейфу, происходивших в мае 1922 года со стороны последнего из названных генералов применялись неизвестного типа военные аэропланы.

з) Иностранные гарнизоны.

В Северном Китае, затем в бассейне реки Янцзыкианга и в Южном Китае расположены иностранные гарнизоны. Общая численность иностранных

войск, не считая японских, в Северном Китае определяется (для 1922 г.) в 4137 рядовых и 181 офицеров, при 124 пулеметах, 30 автоматических ружьях и 37 пушках.

Из общего числа больше половины, а именно—2603 рядовых при 117 офицерах, 78 пулеметах и 21 пушке сосредоточены в Тяньцзине. По опыту боксерского восстания 1900 года именно Тяньцзин признается важнейшим стратегическим пунктом, открывающим путь на Пекин и по нескольким другим направлениям. В то же время тяньцзинский иностранный гарнизон опирается на военный флот держав крейсирующий в дальневосточных водах.

В тяньцзинском гарнизоне представлены довольно равномерно американский, британский, французский и японский отряды.

Тоже в пекинском гарнизоне, общей численностью в 954 рядовых, 43 офицера, с 40 пулеметами, 30 автоматическими ружьями и 16 орудиями.

Третий по численности гарнизон Шанхайгуаня (пункт, где встречаются Маньчжурия, Корея и Северный Китай) состоит почти всецело из японцев (138 всего) французов (148) и только 24 англичан. Британский взвод здесь фигурирует—явное дело—только для контроля над действиями французов и японцев. Последние поставили здесь свой отряд в виду соседства Кореи.

Присутствие французских войск в таком, как Шанхайгуань отдаленном от французского Индо-Китая и от сферы французского влияния в Китае (Юньнань) имеет целью подчеркнуть французские интересы в Сев. Маньчжурии. Французским банкирам принадлежит большинство акций Русско-Азиатского банка, формально владеющего Китайской Восточной жел. дорогой.

Кроме указанных иностранных войск, Япония держит в Южной Маньчжурии полную дивизию, а также военно-полицейскую охрану вдоль Южно-Маньчжурской ж. д.

Еще недавно японцы содержали свои войска в Хунчуне и в других пунктах Гиринской провинции (Южная Маньчжурия) на китайской стороне китайско-японской границы. По настоянию китайского правительства японские войска оттуда убраны, но заменены тщательно подобранной японской жандармской стражей.

В силу договоров, заключенных в конце 1921 г. на вашингтонской конференции, японцы убрали в 1922 году свои войска с железной дороги Цинцзо-Цзинаньфу (Шаньдунь), а также батальон войск из Ханькоу (на Ян-цзы).

Англичане содержат довольно значительный гарнизон в Гонконге. Этот остров, уступленный Китаем Англии, последней прекрасно укреплен. На вашингтонской конференции 1921 г. Англия обязалась не совершенствовать укреплений Гонконга. Взамен этого британское правительство принимается в настоящее время организовывать первоклассную военно-морскую базу в Сингапуре на берегу Малайского пролива. Сингапур, как до того Гонконг, призван охранять английские интересы и влияние во всем Южном Китае, вплоть до долины реки Янцзы.

Незначительная численность англо-американских войск в Центральном и Южном Китае, где сосредоточены главнейшие торговые и коммерческие интересы этих двух держав, объясняется легкой возможностью продвинуть в любой момент канонерки по реке Янцзы. Несколько крупных военных судов всегда стоят на якоре в Тяньцзине, в Шанхае, Гонконге, в Вейхавее. Английской базой для военно-морских действий в Китае в случае нужды, как сказано, является Гонконг на юге, а также Вейхавей на севере. У Японии несколько баз. У Франции Индо-Китай.

Присутствие иностранных войск и судов в Китае, в водах и у берегов Китая, являлось до последнего времени только предосторожностью, продиктованной памятью боксерского восстания 1900 года, а равно предыдущих войн с Китаем.

В 1921 году на Вашингтонской конференции китайскими представителями был поднят общий вопрос об эвакуации всех иностранных гарнизонов и кораблей из Китая, ввиду ненужности.

Ныне, спустя полтора года, становится все более ясным, что иностранные гарнизоны должны либо поскорее убраться из Китая, либо весьма значительно усилиться против настоящего состава.

В самом деле, четыре с чем-то тысячи иностранных солдат в разных пунктах Китая сейчас явно беспомощны в случае военного столкновения с китайцами. Много беспомощнее, чем две с небольшим тысячи человек адмирала Сеймура в 1900 году. Китайская армия, при всех ее недостатках ныне значительно окрепла против былых знаменитых войск. В случае чего, она легко сметет иностранные отряды, даже в несколько раз более многочисленные наличных.

Именно во второй половине 1923 года военная сторона вопроса о дальнейшем пребывании иностранных войск в Китае выдвинулась на передний план в связи с предложением английского правительства усилить военную охрану иностранцев в Китае. Предложение Англии гласит добавить иностранные войска, полицию и корабли. Оно возбуждает у многих военных специалистов большие сомнения.

В каком отношении будет стоять иностранная охрана железнодорожных путей Китая к армиям дудзюнов и провинций? Как быть, если в соседстве с охраняемой иностранцами железной дороги произойдет крупный солдатский бунт? Если какой нибудь из китайских генералов или коалиция нескольких дудзюнов осмелится показать зубы иностранной охране, какая будет судьба горсти иностранных войск? Обеспечено ли в таковом случае скорое прибытие достаточных подкреплений?

Эти и связанные с ними вопросы техники угнетают многих иностранных военных.

Газета отражающая взгляды английского посольства в Китае, отвечает на эти сомнения несколько самоуверенным заявлением, что иностранные (читай англо-американские) отряды и суда в состоянии в любой момент по железной дороге, по побережью и по главным рекам нащупать любой очаг восстания против иностранцев в важнейших провинциях Китая. Остальные, более удаленные и недоступные провинции устрашатся тогда одним видом кары постигшей ближние области.

Как бы то ни было, а вопрос о возможности иностранной вооруженной интервенции и даже о возможности вообще дальнейшего пребывания иностранных военных сил в Китае упирается в общие сомнения насчет крепости „международного империалистического окружения" Китая. Достаточно-ли единодушны империалистические хищники, чтобы при удобном случае повторить в более широком масштабе кровопускание 1900 года?

Военная мощь Японии пока достаточно велика и достаточно близка к Китаю. Японцы способны сломить нарождающуюся армию Китая в случае попытки со стороны к. н. китайского генерала восстать против иностранного засилия. Но захотят ли державы позвать Японию на дело усмирения, сочтет ли Япония выгодным для себя явиться по зову своих соперников на Д. Востоке?

Если же нет, то всякая вооруженная интервенция в Китае без участия Японии обречена на жестокий провал. Близок момент, очевидно, когда дальнейшее близкое соседство иностранных гарнизонов и китайской армии станет в высшей степени затруднительным. Державы либо уведут войска, либо запретят дальнейшее существование и развитие китайской армии.

Действительно, американские пропагандисты в Китае развивают с усердием, достойным лучшего дела ту примерно мысль, что никакой национальной армии для Китая не нужно, что, мол, для поддержания внутреннего порядка достаточен корпус жандармов; что же касается внешней безопасности, то Китай, по их словам, находится под охраной международных соглашений.

Иными словами, Америка рада бы начать в Азии дело всеобщего разоружения со слабейшего Китая. Точно также, как союзники—победители ограничились в Европе разоружением побежденной Германии тоже поставленной весь под охрану международного торжественного договора (Версальский трактат). Другое дело, согласится ли китайский народ разоружиться и поступить под благожелательную, якобы, опеку империалистических держав.

Пока что не видно в Китае никакого серьезного намерения разоружиться. Хороша-ли, плоха-ли китайская армия, но и центральное правительство и феодальные местные власти именно на военные расходы ухлопывают большую часть своих средств.

§ 48 Рабочее движение.

а) Промышленный пролетариат и ремесленники.

По некоторым расчетам, семьдесят процентов китайского населения продолжают до сих пор заниматься земледелием. Торговля и промышленность во всех видах, особенно торговля в разное, столь распространенная в Китае занимают весьма большое население. Остальное приходится на ремесленный, промышленный и черный труд.

На Тихоокеанском побережье страны в таких пунктах, как Кантон, Гонконг, Шанхай, Тяньцзин, Дайрен и вокруг них расцветает промышленный капитализм. Нарождаются предприятия вполне современного устройства. Широкий рынок сбыта и обилие дешевых рук способствуют созданию, при видном участии иностранного капитала, заводов и фабрик весьма крупного размера, могущих поспорить с лучшими в Европе и Америке. В новых промышленных центрах складывается промышленный пролетариат Китая.

Глубь обширной китайской территории, если не считать долины Янцзыкианга и полосы сравнительно немногочисленных железных дорог, до сих пор затронута капитализмом в сравнительно слабой мере. Там продолжает господствовать описанный нами промежуточный экономический строй, со свойственным ему в экономической сфере ремеслом. Численность и даже экономический вес ремесленных предприятий всего Китая в целом до сих пор значительно превышают размеры и удельный вес капиталистической промышленности (и торговли). Потому и ремесленники продолжают составлять значительнейшую и влиятельнейшую часть рабочего населения страны.

Затем идет необозримая, текучая по численности, не поддающаяся никакому учету, масса чернорабочих. Она непрерывно пополняется выходцами из деревни. Впрочем, сегодня работающий в городе чернорабочий и даже промышленный рабочий, завтра же вернется в деревню на полевые работы, на свой или родовой участок. Потом снова в город и т. д. Наряду с горо-

дом, в деревне имеет своих многочисленных чернорабочих — „кули", целиком или наполовину оторванных от своего собственного земледельческого хозяйства.

Только в странах неразвитого капитализма (Индия, Турция, отчасти старая Россия) мы встречаем такое соотношение, вроде описанного, между численностью различных частей рабочего класса, наблюдаем такой же численный перевес ремесленника и сезонного чернорабочего над промышленным пролетариатом.

Ход экономического развития Китая способствует быстрому количественному приросту китайского пролетариата. В ряды пролетариата вливается

Фабричный район.

с одной стороны, крестьяне, теряющие землю благодаря долгам, таксам и налогам и очень часто неурожаям. С другой — ремесленники, не выдерживающие конкуренции с капиталистическим машинным производством. Эти люди, теряющие почву под ногами, однако, далеко не все находят себе место в рядах промышленного пролетариата. Им приходится большими массами эмигрировать или превращаться в своеобразный вид пролетариев, в рикш-кули (извозчики, они же возят на себе пассажиров), а то попросту идти в хунхузы, заполняя собой шайки грабителей.

Благодаря такому богатому резерву человеческого труда, в Китае постоянно имеется огромная масса безработных, ставящая большие препятствия китайскому пролетариату в борьбе за улучшение своего положения.

Довольно приблизительно количество промышленных рабочих Китая исчисляется свыше одного миллиона человек, не считая строительных рабочих, а также рабочих, занятых в многочленных ремесленных предприятиях. Без особой точности можно определить число горнорабочих китайцев в 1921 году в 100.000 ч., рабочих хлопчатой промышленности—в 200.000 ч., железнодорожных рабочих и служащих—в 110.000 человек, почтовых служащих и рабочих—свыше 30.000 ч. и т. д. Никто не считал „кули", т. е. чернорабочих ремесленников.

б) Положение и условия труда.

Вообще говоря, рабочий день фабричного тянется в Китае 14-16 часов для взрослых и 12 часов для детей. Работа продолжается круглый год, без еженедельного отдыха.

Ремесленные подмастерья и ученики, живущие в одном помещении с мастерами более или менее расчитывают стать впоследствие самостоятельными мастерами, они работают еще дольше фабричного рабочего, если это возможно. Продолжительность их труда неограничена ровно никакими часами и правилами.

Мы уже сказали, что чернорабочие—это рабочий скот Китая. Вот что пишет о них русский рабочий деятель:

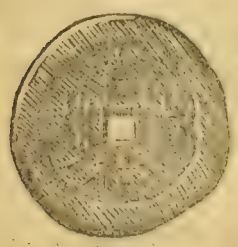
„Миллионы их рассеяны по большим и малым городам Китая, выполняя работу лошадей и быков; под именем „кули" они возят на себе просвещенных иностранцев и состоятельных китайцев, перевозят на одноколесных телегах миллионы пудов груза, нагружают и выгружают океанские пароходы, делая невыгодным применение кранов и других приспособлений европейски обо-

Кули.

рудованных портов, выполняют всю грязную работу, своим трудом заменяют канализацию, ежедневно вынося нечистоты и т. п. Выполняя эту, в буквальном смысле нечеловеческую работу они зарабатывают по нескольку медяков в день, едва хватающих, чтобы не умереть с голода. Тот же кули в деревне, подготовляющий, например, рисовое поле и выполняющий тяжелую работу посадки рисовых отростков, получает 200 кэш (20 коп.) в день, снимающий первый урожай—120 кэш (12 коп.) в день, выполняющий работу по полотью и вообще по очистке полей – 80 кэш (8 коп.) в день. Пища рабочего, сельского и городского, почти одинакова: пара лепешек, горсточка риса и горячая бурда".

Обычная плата взрослого фабричного рабочего неквалифицированного (не обученного специально делу), не превышает 6 китайских (мексиканских) долларов (6р. з.) в месяц, рабочего средней квалификации—12 р. з. и высшей квалификации—30 р. Дети получают 3 а рубля в месяц. Насчитывается, правда, несколько заводов в Китае, где заработная плата выше среднего уровня и условия несколько лучше. В Кантоне рабочий день на фабриках и заводах приближается к девятичасовому.

Здесь надо принимать во внимание чрезвычайную дешевизну продуктов во внутренних частях Китая, мало связанных с мировым рынком и с мировыми ценами. Там и созидательный труд человеческий и готовый продукт ценятся одинаково дешево. Впрочем, там рабочие сильно страдают зато от колебаний денежного курса. Устойчивый мексиканский доллар является до сих пор в Китае „деньгами аристократии". Беднота пробавляется медными чоками (кашами), с отверстиями в середине, нанизанными на веревочку, на манер бубликов. Во многих местах сейчас чоки заменены обыкновенными медными монетами. Чоки и вообще медяки систематически понижаются в цене спекулянтами и корыстными местными властями.



Чок (медная монета).

Общее тяжелое положение китайского рабочего характеризуется, например, тем, что в большинстве предприятий не принято строить бань, так что рабочие не моются по нескольку лет. Но особенно скверным надо признать положение так называемых „законтрактованных" рабочих, которых нанимает не само предприятие, а подрядчак—старшинка. Эти рабочие, в большинстве случаев семейные, но не имеют при себе жены и детей, так как это стоило-бы слишком дорого. Они вынуждены оставлять свои семейства в деревне и не видеть их по нескольку лет. Их тупая жизнь вьючных животных разнообразится лишь карточной игрой, да кутежами в невероятно грязных притонах, содержимых тем же старшинкой. Они попадают в полную кабалу к старшинке, в такую же, или большую еще кабалу, как ремесленный подмастерье к мастеру. Старшинка—„отец-благодетель" рабочего, он же и злейший враг его.

в) Гильдии, землячества, родовые союзы.

Чрезвычайно угнетенное положение китайского рабочего все чаще толкает его на путь протеста и организованной борьбы. Случаи протеста уже и сейчас весьма нередки. О забастовках то и дело пишут в газетах, а рабочие организации растут, как грибы после дождя.

Вместе с тем, работа классовых организаций китайского пролетариата далеко не легкая. Всегда и всюду им приходится считаться с тем существеннейшим обстоятельством, что современный промышленный пролетариат отнюдь не является хозяином положения даже в некапиталистических кварталах китайских городов. Вовсе не фабричный рабочий задает до сих пор тон на рабочей „улице". Промышленный рабочий ведь появился вместе с самой промышленностью (в европейском смысле этого слова), не ранее, чем к началу текущего столетия. (Крупные предприятия, говорят, существовали и раньше, но в виде исключения; так, в одной провинции до половины прошлого столетия работали фарфоро-обжигательные печи, числом до 500, занимавшие будто-бы до миллиона рабочих). Промышленных рабочих мало,

они - новички, и невольно еще они подчиняются правам и условиям быта, созданным задолго до них ремесленными подмастерьями, с одной стороны, своеобразным и многочисленным люмпен-пролетариатом городов, с другой стороны.

Новые классовые организации фабрично-заводского пролетариата, пытаясь использовать опыт европейско-американского и русского движения, наталкиваются в тысячах случаев на упорнейшее сопротивление трудовой среды в давно отживших старых условиях, сложившей свой отживший быт и свои отсталые бесчисленные организации. Мертвое хватает живое на каждом шагу.

Старинные ремесленные гильдии продолжают оказывать весьма большое влияние не только на ремесленных подмастерий и на рабочих, так называемой домашней промышленности, но и на среду сколько-нибудь квалифицированных рабочих, занятых в промышленных предприятиях, мелких и средних.

Ремесленные, (а также торговые и промышленные) гильдии, возникшие, как мы знаем, в тесной связи с общим родовым укладом китайской жизни, распадаются под влиянием новых веяний, но все ж и умирание их требует времени. Организации мелких ремесленников и ремесленного пролетариата имеют стремление постепенно превратиться в рабочие профессиональные союзы тем путем, что подмастерья отделяются от хозяев в отдельный союз. В настоящее время эти гильдии еще сплошь да рядом становятся на пути профессионального движения китайских рабочих. Тем не менее, ремесленник, даже поступивший на фабрику, все еще боится гильдии, боится исключения из гильдии. 10-20 лет тому назад исключение было вполне равнозначно исключению из ремесла. Толща ремесленных подмастерьев и сейчас далеко еще не отрешилась от надежды стать самостоятельными хозяйчиками. Гильдии поэтому и в самых крупных городах Китая еще успешно конкуррируют с профсоюзами.

Наряду с гильдиями—крупнейшим врагом и соперником классовых профессиональных организаций пролетариата являются бесформенные, но весьма влиятельные организации, нечто вроде землячеств, существующие во множестве в любом городе Китая.

Китайцы, мы знаем, как общее правило, чрезвычайно привязаны к родине. Они понимают в массе очень узко родину, как свое родное село, родной уезд и, самое большее, как свою родную провинцию. Два десятка провинций Китая представляют во всех отношениях 20 с чем-то отдельных отечеств. Провинциальный „самостийный“ сепаратизм оказывает решающее влияние на все области быта и политики Китая. Не ушло из под его влияния и рабочее движение. Практически любой рабочий в Пекине, выходец, скажем, из провинции Гуйчжоу, смотрит на своих товарищей по работе, не являющихся его земляками по провинции, как на чуждый и порой враждебный ему элемент, и общается только со своими земляками. Он поступает в землячество, которое ставит себе целью оказание простейшей взаимопомощи в подыскании работы, жилища, взаимную защиту от нападений и преследований со стороны рабочих других провинций и т. д. Приходится читать в газетах о забастовке в Ханькоу не просто каменьщиков, а шанхайских каменьщиков, в Шанхае о забастовке кантонских столяров и т. п. Зачастую рабочие, проведя забастовку под знаменем чисто-классового профсоюза, созданного под давлением острой необходимости или в пылу классовой солидарности, затем, после выигранной общей забастовки, возвращаются к своим старым провинциальным организациям, забывая о новых.

Из землячества прямой путь ведет рабочего в т. н. „провинциальные клубы", где он якшается с торговцами, промышленниками, ремесленниками и всякими людьми своей провинции. Одна из важнейших обязанностей провинциального клуба, особенно ценимая рабочими старого закала, состоит в устройстве похорон земляков. Провинциальные клубы имеют неизменно свое кладбище, на котором беднейшие члены получают бесплатные могилы, чтобы их кости покоились в земле, долженствующей заменить родную почву; клубы снабжают их также гробами бесплатно, или по удешевленной цене. Это стремление покоиться в родной земле или по крайней мере, в земле, заменяющей родную землю предков, побуждают рабочих вступать членами в буржуазные организации и даже платить членские взносы. Последствия участия рабочих в этих провинциальных клубах станут ясными, если принять во внимание, что власть клубов над членами абсолютная, полнейшая, по утверждениям европейских наблюдателей. Рабочим приходится весьма часто работать в предприятиях, принадлежащих наиболее влиятельным членам клуба.

Могила гроб бедного китайца.

Весьма раз'единяет рабочих обилие в китайском языке всевозможных наречий, в силу чего пекинец совершенно не понимает шанхайца, а последний, в свою очередь, не понимает кантонца или хубейца. Настоящее столпотворение языков получается, например, в Шанхае в городе, куда стекаются рабочие всех провинций без исключения.

Наряду с этим глубоко укоренившийся, освященный веками, обычай подрядничества, составляет одно из важнейших зол рабочей жизни. Только в единичных случаях предприниматели имеют дело непосредственно с рабочими. Подрядчики и старшины пополняются исключительно из числа наиболее грамотных, деятельных и „умственных" рабочих, которые могли-бы, при других условиях, стать руководителями рабочего движения. Подрядчик и старшина нещадно жмут „своего" рабочего, чтобы нажиться и чтобы выслужиться у хозяина.

В Шанхае, в главном центре современной китайской промышленности, народившееся классовое движение рабочих натолкнулось на весьма своеобразную опасную преграду в виде тайных союзов „Красных" и „Голубых". Существование такого рода тайных организаций предполагается и в других городах Китая. В Китае, заметим кстати, тайные общества чрезвычайно распространены. Большинство старых организаций, не исключая и гильдий, вели и ведут тайное от глаз администрации существование.

„Цветные" союзы, о которых речь, представляют собой в высшей степени характерный образец семейно-родовых групп. Они являются своеобразным пережитком глубокой старины. Пользуются в рабочей среде огромным влиянием в наши дни.

Союзы „Красный" и „Голубой" возникли в Шанхае еще в то давнее время, когда рабочий класс не существовал, как таковой, то есть, как класс, живущий постоянно за счет продажи своего труда. Существовали многочисленные массы люмпен - пролетариата, жившего нищенством, воровством, грабежами и лишь изредка случайной работой. Повинуясь исконному обычаю, чуть не инстинкту, эти массы об'единились в подобие родов, во главе с атаманом, получившим все права родового старшины. Потомки этих атаманов и сейчас являются влиятельными рабочими семьями. Жизнь масс сильно изменилась за протекшее время, случайная работа делалась уже постоянной. И, наоборот, участие в грабежах и воровстве становилось все реже и реже, по мере того, как возможность получения постоянной работы делалась все легче и легче. Семьи бывших босяцких атаманов, больших и малых, ныне называются „дедовскими" семьями. Впрочем, они принимают к себе новых членов, независимо от родства, за довольно высокий вступной взнос. Потомки „голытьбы", а также пришельцы, платящие низкий взнос, называются семьями „внуков", правнуков, праправнуков и т. д., составляя предмет сильнейшей эксплоатации „дедов".

Влияние этих, столь странных на наш взгляд, союзов распространяется главным образом, на чернорабочих (грузчиков, рикш) и рабочих низкой квалификации, например, текстильщиков, рабочих мельниц, спичечных, папиросных и пр. фабрик. Не состоящие членами этих союзов почти совершенно лишены возможности найти к. л. работу, так как в большинстве указанных предприятий места старшинок разных степеней заняты членами „семей" союзов. Наоборот, состояние рабочего в этих союзах способствует подысканию работы, гарантирует безнаказанность за некоторые преступления. „Деды", располагая накопленными наследственными суммами и значительными текущими доходами, проводят свою жизнь в абсолютной праздности. Сила и влияние основываются не только на традиции, но и на целой армии второ- и третье - степенных вождей. Последние занимают в предприятиях высшие должности и, получая долю в доходах дедушек, и в свою очередь эксплуатируя агентов низшей степени и рабочих, кровно заинтересованы в поддержании всей этой системы, покоящейся на круговой поруке. „Деды" имеют в своем распоряжении и всю полицию города, до сыскной включительно, принадлежащую к тому же кровному союзу. „Деды" охотно прибегают также к помощи наемных убийц для укрощение строптивых членов.

По словам русского коммуниста, у которого заимствуем описание этих „цветных союзов", „красные" и „голубые" давали знать о своем существовании на каждом шагу во всех случаях, когда делались попытки работы среди соответствующих категорий рабочих Шанхая. Боясь утратить свое влияние и возможность беспечального житья, и состоя фактически на службе, как у иностранных, так и у китайских фабрикантов, они чинят всевозможные препятствие работе среди рабочих, запугивая их, распространяя нелепые слухи, донося и указывая полиции на агитаторов и т. п.

„Красный" и „голубой" союзы являются крупным препятствием для ведения профработы среди шанхайских рабочих. По мере распространения

классового рабочего движения в Китае, оно натолкнется, очевидно, на такие же или подобные семейно-родовые союзы в других городах и местностях Китая.

Сами по себе эти союзы чрезвычайно характерны, именно как показатель живучей силы семейно - родового уклада, охватывавшего буквально весь Китай, являвшегося европейцу в самых неожиданных местах и видах.

г) Забастовочное движение.

В такой-то среде, теснимое со всех сторон цепкими остатками старого развивается современное пролетарское движение в Китае. Развивается оно в силу необходимости, весьма неровно.

Пробуждение рабочих масс Китая под влиянием новой капиталистической эпохи выразилось, прежде всего, в неорганизованных забастовках чисто экономического свойства. Связь с мировым рынком вызвала во многих городах Китая резкое вздорожание цен на продукты первой необходимости. Особенно сильно и быстро вздорожало все в годы европейской войны, в виду усиленного вывоза продовольствия из Китая в Европу. Заработная плата между тем оставалась на том же или почти на том же уровне. Стихийный протест масс против дороговизны вылился в забастовках. Волна забастовок прокатилась в последние годы по всему Китаю, особенно сильная на юге, в городе Кантоне и в Кантонской (Гуандунской) провинции.

Характерной чертой подавляющего большинства китайских забастовок первого времени является их полная неподготовленность, отсутствие сколько-нибудь достаточного стачечного фонда, отсутствие постоянной организации и, наконец, кратковременность стачек. Тем не менее, большинство забастовок оканчивалось победой рабочих.

Объяснение этому следует искать в свойственной китайскому рабочему солидарности и дисциплине, воспитанных в нем всем семейно-родовым укладом китайской деревни и вековыми традициями городских гильдий. Затем, в настоящий переходный период известная, довольно значительная часть китайской буржуазии старается из политических соображений сохранить добрые отношения с рабочими. Поэтому экономические требования рабочих, сводившиеся, в конце концов, к прибавке нескольких медяков в день, зачастую поддерживались радикальной буржуазной печатью, что облегчало победу.

д) Профсоюзы и политическое движение

Следующий шаг—от выступления к организации—дается китайскому рабочему с немалым трудом. Мы указали уже главные из причин. В силу этих и других причин и в Китае еще в 1922 году (судя по изданию Профинтерна „Китай и его рабочее движение“) не было заслуживающих внимание классовых рабочих организаций.

Самые жизненные союзы кит. рабочих сосредоточены в городе Кантоне. Столица Южного Китая, Кантон, есть тот город, откуда, по старинной поговорке, „в Китай всегда приходило все новое“.

В силу вековой оторванности Кантона от остального Китая (горная преграда и недостроенность железной дороги) пришлый элемент в Кантоне незначителен. Рабочая масса принадлежит к одной и той же провинции, говорит на одинаковом наречии. Кантон был долгое время первым и единственным окном из Китая в Европу. Кантонские рабочие дольше и сильнее других испытывают на себе влияние рабочего и общеполитического движения Европы и Америки.

В Кантоне сложились единственно серьезные союзы Китая.

Союз металлистов насчитывал в конце 1921 г.—20.000 членов. Союз строительных рабочих с 14.000 членов. Железнодорожников—около 1000 человек. Парикмахеров—2000 ч. Точное строение этих союзов нам неизвестно, но по косвенным данным приходится думать, что союзы организованы по профессионально-земляческому типу. Так, почти половина членов кантонского союза металлистов постоянно живет в Гонконге, в Сингапуре, на Яве.

Забастовочное движение последних лет вызвало к жизни десятки союзов различной величины в Кантоне, в Шанхае в городах Северного Китая. Большинство этих союзов оказывается недолговечными.

Почти после каждой удачной забастовки [illegible] профессиональный союз, охватывающий рабочих предприятия или соответствующей профессии. Затем эти союзы либо не проявляют никакой деятельности, либо быстро распадаются, чтобы через короткий промежуток организоваться снова.

КЛУБ ЛАЗО

В мае 1922 года в Кантоне [illegible] попытка создать центральный орган профессионального движения, призванной повести экономическую борьбу во всекитайском масштабе. Этот орган имеет в ходе борьбы оформить, на пользу всего рабочего класса страны, ценный организационный опыт, накопленный Кантоном.

В Кантоне был созван Всекитайский С'езд Профсоюзов. В результате работ с'езда создан Секретариат Профсоюзов, имеющий своим местопребыванием район Шанхая, как главный рабочий центр. Отделения Секретариата имеются для севера в Пекине, для юга в Кантоне, затем в Ухане и Чанше для бассейна р. Янцзыкианга.

Под руководством Секретариата прошли, между прочим, 2 забастовки 10.000 рабочих британско-американской папиросной фабрики. Стойкость стачечников, состоявших по меньшей мере на половину из женщин, была поразительна. Одним из главных требований было выдвинуто запрещение дурного обращения с рабочими и побоев со стороны старшинок.

Эта же забастовка показала наглядно, какие огромные затруднения стоят перед профсоюзной организацией Китая. Выиграв первую забастовку, рабочие в пылу победного настроения постановили организовать свой профсоюз, ассигновав на это 1800 р. з., полученные за время забастовки; в конце концов рабочие эти деньги все же поделили между собой, т. к. из состава рабочих фабрики не нашлось ни одного, которому рабочие решились-бы доверить деньги. Во время второй забастовки, рабочие, наконец, организовали союз; весь состав правления союза все же передался предпринимателям, назначившим по 30 долларов (30 р. з.) месячного жалованья с тем, чтобы правление союза уговорило рабочих прекратить забастовку.

Таковы поистине нечеловечески-трудные условия существования и развития классового профессионального движения китайских рабочих. Против движения и живучесть старых форм быта, и страшная нищета рабочих, и низкий уровень хотя и древней, но застойной культуры всего народа.

Политический вес китайского пролетариата можно считать, пожалуй, более крупным, чем роль его профсоюзных организаций. Оно и понятно. Профсоюзы пока еще достигают очень малого в стране, где сплошь и рядом на место одного забастовавшего являются 5 штрейбрехеров. Чрезвычайная перенаселенность Китая, его городов и сел, создает колоссальную, никогда неуменьшающуюся армию безработных, которая душит экономическое освободительное движение пролетариата. Другое дело—политическая борьба.

Китай переживает ныне бурную переходную эпоху. Страна пережила революцию, и через гражданскую войну идет к новому политическому строю. Все классы китайского общества, китайских городов, по меньшей мере, оказываются втянутыми в борьбу политических страстей. Китайский пролетариат не остается чужд движению. Его энергия в настоящем и его, несомненно, важная роль в нестоль отдаленном будущем учитываются передовыми слоями китайской буржуазии. Передовая республиканская партия Китая — „гоминдан", не только не возражает, поэтому, против участия пролетариата в политической жизни, но и она сама старается втянуть рабочих в политическую борьбу с тем, разумеется, чтобы пролетариат пошел у „гоминдан" на поводу.

Партия „гоминдан", как известно, особенно сильна на Юге Китая. Кантон в течение нескольких лет находится почти непрерывно под властью „гоминдан", возглавляемой д-ром Сунятсеном. В то же время Кантон является, как мы видим, и средоточием профессионального движения. Тут не простое совпадение. Кантону удалось стать оазисом в отношении рабочего движения в Китае именно потому (или главным образом потому), что гоминданское правительство Кантона из политических соображений до некоторой степени покровительствовало профсоюзам и вообще рабочим.

Окруженный врагами со всех сторон д-р Сунятсен, вождь гоминдан, ценит свою популярность среди кантонских и шанхайских рабочих, ценит скрытую политическую мощь рабочего движения. „Гоминдан" усердно и не без успеха работает над вовлечением рабочих организаций Юга и центра Китая в сферу своего влияния.

Союз металлистов, старый крупный из кантонских и вообще китайских союзов, находится под преобладающим влиянием гоминданцев. Из числа членов правления этого союза, в количестве 40 человек, на последних перевыборах правления примыкающие к Всекитайскому Секретариату Профсоюзов (коммунистическому) получили 2 места. Остальные места пошли гоминданским ставленникам.

На китайском Съезде Профсоюзов в мае 1922 года впервые произошло открытое столкновение между гоминданцами и коммунистами на почве борьбы за влияние на рабочее движение. Съезд принял ряд резолюций в духе классовой борьбы.

Гоминданская буржуазия, да и вся буржуазия Кантона, и чуть-ли не всего Китая, руколескала гонконгской всеобщей забастовке экономической по требованиям, но политической по духу. Забастовка возникла по экономическому поводу, но очень быстро перешла в протест гонконгского пролетариата против высокомерия зазнавшихся завоевателей—англичан. Гонконгские рабочие получили поддержку из Кантона, от всех слоев населения. Кантон, а за ним весь Китай, имели в тот момент предвкушение будущей роли китайского пролетариата в надвигающей борьбе китайского народа с иностранным засилием.

За гонконгской забастовкой южное побережье пережило полосу необычайного подъема стачечного движения. Когда последнее захватило и государственные предприятия, кантонское правительство Сунятсена прибегло к репрессиям. Вместо того, чтобы потушить забастовочное движение, репрессии его усилили. Назревавшая всеобщая забастовка принудила правительство Сунятсена пойти на уступки, и репрессии против профсоюзов отменить, а равно и легализовать самые рабочие союзы. Первый большой опыт рабочего движения на юге окончился, таким образом, полной победой рабочего класса, победой политической.

В Среднем и в Северном Китае пролетарское движение развивается в атмосфере своеволия и беззакония милитаристов—дудзюнов. Здесь пролетариат получает политические уроки иного свойства, чем на Юге.

Северный генерал, скажем, маршал Убейфу, также не прочь использовать помощь рабочих и служащих. В ходе войны весною 1922 года между Чжанцзолином и Убейфу последний искал поддержки рабочих групп и партий Сев. и Среднего Китая. Заручившись некоторым сочувствием железнодорожников и других, ген. Убейфу был в течение всей боевой кампании довольно спокоен за свои тыловые пути сообщения, не в пример спокойнее, чем маршал Чжанцзолин за свои. Когда война окончилась победой Убейфу, ему больше было нечего искать у рабочих организаций и было нечего с ними церемониться. Действительно, в середине года Убейфу самым беспощадным образом расправился с железнодорожниками, устроившими экономическую забастовку. Вожди железнодорожников были схвачены и расстреляны по приказу Убейфу.

Так поступает с рабочими самый лучший, можно сказать, и самый передовой из милитаристов—дудзюнов Севера. Свирепая бесцеремонность этого генерала (а равно других) объясняется более приниженным положением рабочих севера и центра Китая (по сравнению с Югом). При большом промышленном развитии Севера, здесь рабочая масса находится не только в большей эксплоатации, но и в большей приниженности, благодаря той опеки, которую сумел создать иностранный капитал в качестве гарантии своего спокойствия.

Буржуазия Северного и Среднего Китая больше зависит от подачек Пекина и иностранного финансового капитала. Здешняя буржуазия менее свободолюбива, менее тяготится своей зависимостью, и не особенно ищет поддержки политической поддержки пролетариата. Общая обстановка складывается здесь гораздо менее благоприятно для слабого рабочего движения. Тем свободнее поступают самодуры—милитаристы по отношению к рабочим и к проявлениям недовольства.

Китайская Коммунистическая Партия возникла и развивается под сильным влиянием российской пролетарской революции.

Первые ростки коммунистического движения возникли в 1920 г. в студенческой и в интеллигентской среде. Только сейчас движение начинает находить себя при помощи и в связи с ростом рабочего движения. В настоящее время коммунистическая партия стремится оторвать социалистическую молодежь от гоминьданцев и других группировок. До появления компартии гоминьданцы, выступая в качестве революционеров и проповедуя социалистические идеи, имели успех как среди китайской интеллигенции, так и в рядах учащейся молодежи. Ныне социалистическая молодежь, подпадая под влияние компартии, вплотную связывается с рабочим движением.

Юношеское социалистическое движение в Китае отличается своей энергией и живучестью. В мае 1922 года состоялся с'езд Союзов Социалистической Молодежи, который во многом выпрямил и организовал юношеское движение.

В последнее время в китайском рабочем и вообще социалистическом движении все более прививаются методы работы, заимствованные из опыта Советской России. Десятки китайских работников побывали в Совроссии, участвовали на с'ездах, конференциях, познакомились с организационным строением партийных организаций и т. п.

Китайские коммунисты признают необходимым сейчас об'единить революционные силы для победного завершения национального освободительного движения в Китае. Коммунисты ставят вопрос об едином революционном фронте с гоминданцами, рассматривая „гоминдан", как демократическую и революционную группировку китайской буржуазной общественности. В то же время, К. К. П. ставит своею основной задачей укрепление и развитие организованного движения. Организованный рабочий, воздействуя на многомиллионное крестьянство, вовлечет его в революцию.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Гл. I. Географические сведения о Китае 1

Место Китая на земном шаре 3
Три района внутреннего Китая 6
Западный и восточный Китай 13
Растения, животные, люди 14
Пути сообщения 19
Земледелие и скотоводство 24

Гл. II. Полунатуральное хозяйство Китая 29

Родовой строй в Китае 30
Новое в китайской деревне 34
Ремесло в деревне и кустари 35
Строй китайской торговли 37
Городские производства 40
Главные города Китая 44
Абсолютное перенаселение 48

Гл. III. Старый Китай, его нравы, религия, история . . 51

Семейно-родовая психология 53
Культ предков 55
Религия 57
Быт и нравы 60
История Китая до 1842 г. 64

Гл. IV. Собственный путь развития 69

Феодализм в Китае 71
Неразвитость торгового капитализма 76
Хозяйственная раздробленность 77
Мандарин на место феодала 81
Джентри 84
Политическая раздробленность 85
Самостийность провинции 89

Гл. V. Иностранный капитал преобразует Китай . . 91

Иностранные товары в Китае, компрадор 93
Хозяйственные реформы 96

Иностранные таможни. Займы 98
Разрушительная работа иностранцев 101

Гл. VI. Политическое порабощение Китая 105

Войны и договоры с иностранцами 107
Народные восстания 111
Военная оккупация Китая 115

Гл. VII Промышленный капитал в Китае 117

Национальная китайская промышленность 119
Китайский капитал против иностранного 123

Гл. VIII. Революция и гражданская война 127

Причины революции 129
Революционный взрыв 130
Ход революции 132
Политические партии 140
Федералисты 143
Дудзюны 144

Гл. IX. Китай в империалистическом окружении . . 149

Япония и китайская революция 151
Американская опека 156
Позиция Англии 158
Совроссия и Китай 159
Международный консорциум 160
Вашингтонская конференция 164

Гл. X. Послереволюционный Китай 167

Перенаселение и эмиграция 169
Национальная армия 177
Рабочее движение 191